

С. В. Воронин

**ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ
ИДЕИ
В ЗАРУБЕЖНОМ
ЯЗЫКОЗНАНИИ.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. В. ВОРОНИН

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ЗАРУБЕЖНОМ
ЯЗЫКОЗНАНИИ
(Очерки и извлечения)

Учебное пособие

*For Dear Ma
with love!
Dec. 1990 - Слава*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1990

ББК 81
В75

Рецензенты: д-р филол. наук *Л. Г. Герценберг* (ЛО Ин-та языкознания АН СССР), канд. филол. наук *Е. Г. Хомякова* (Ленингр. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Воронин С. В.

В75 Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании:
Очерки и извлечения: Учеб. пособие. — Л.: Изд-во Ле-
нинградского университета. 1990. — 200 с.
ISBN 5-288-00342-4

В книге собраны воедино отрывки из имеющихся к настоящему времени русских переводов работ зарубежных лингвистов (В. Вундт, Г. Пауль, Д. Вестерман, М. Граммон, В. Скаличка, Р. Якобсон и др.), затрагивавших проблемы такого «неканонического» явления, как звукоизобразительность, — в плане природы наименования, филогенеза и онтогенеза языкового знака, экспрессивной речи, поэтики, а также в плане исследования ономотопеи и звукоимвлизма в различных языках мира. Материал сгруппирован по шести разделам. Им предшествует вводная статья автора «Из истории изучения звукоизобразительности».

Для студентов и аспирантов филологических факультетов, а также для всех интересующихся проблемой связи звука и значения в слове.

В $\frac{4602000000-096}{076(02)-90}$ 111—90

ББК 81

ISBN 5-288-00342-4

© С. В. Воронин, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Ленинградском университете с начала 70-х годов, а также в ряде других вузов страны (Красноярском и Латвийском университетах и др.) читаются такие спецкурсы, как «Основы фоносемантики», «Проблемы мотивированности языкового знака», «Фоносемантическая типология», «Экспрессивность. Звукоизобразительность. Текст».

Между тем литература по фоносемантической тематике — это в большинстве случаев работы, разбросанные по многочисленным, разнообразным и достаточно редким иностранным изданиям, — работы, трудно доступные студенту, а нередко и аспиранту.

Поэтому уже длительное время ощущается необходимость в учебных пособиях, где были бы собраны извлечения из важнейших работ по названной тематике (как иностранных, так и отечественных авторов) вместе с необходимыми предваряющими очерками. Настоящая книга — первый опыт такого пособия.

Приводимые здесь материалы представляют достаточно полный корпус *имеющихся к настоящему времени русских переводов иностранных трудов по ономотопее и звукосимволизму*. Однако эти переводы дают хотя и довольно разностороннюю, но далеко не полную картину истории разработки фоносемантических идей. Создание такой истории, как и систематический перевод новейших фундаментальных зарубежных работ, — дело ближайшего будущего.

Книга начинается с вводной статьи «Из истории изучения звукоизобразительности». Извлечения из работ даны по шести разделам: I. Природа названия. II. Филогенез языкового знака. III. Онтогенез языкового знака. IV. Звук и значение в различных языках. V. Экспрессивная речь. VI. Поэтика. Все эти разделы соответствуют определенным разделам в названных выше спецкурсах. Контрольные вопросы по разделам, следует надеять-

ся, облегчат студенту усвоение материала. В конце книги приводится список рекомендуемых теоретических источников.

Выбор материала обусловлен не только тем, какие переводы имеются, но и — в значительной мере — тем, какова направленность и логика построения спецкурсов. Порядок подачи извлечений — по преимуществу хронологический, за исключением отдельных случаев, когда логика изложения требовала иного порядка; так, в разделе III несколько более поздняя статья Е. Кларк предшествует более ранней статье Г. и Е. Кларков.

Основной текст извлечений приводится без изменений; при пропуске материала используются отточия в угловых скобках; расшифровка некоторых изданий и дополнения внесены лишь в подстрочный аппарат (в сноски).

Выходные данные оригинала и перевода помещаются под звездочкой. Далее сноски идут сплошной нумерацией (в пределах работы или работ данного автора).

Автор рад выразить признательность д-ру филол. наук Л. Г. Герценбергу, доц. Е. Г. Хомяковой, доц. О. И. Бродович, а также Е. А. Степановой.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Думается, настоящий очерк следует начать с разъяснения исходных понятий.

То, что «фоносемантические идеи» имеют отношение к фоносемантике, — это, конечно же, ясно. Но что такое фоносемантика?

Фоносемантика — новая наука языковедческого цикла, имеющая своим предметом звукоизобразительную (т. е. звукоподражательную, или ономатопеическую, и звукосимволическую) систему языка, изучаемую в пантопохронии (т. е. с позиций пространственных и временных).¹

Свойством, на основании которого конституируется рассматриваемая система, является звукоизобразительность (ЗИ), или фонетическая (примарная) мотивированность. ЗИ есть свойство слова, заключающееся в наличии *необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой не-произвольной связи* между фонемами (непроизводного) слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом). Если фонетика, фонология имеют отношение к изучению звука, а семантика (семасиология) — к изучению значения (смысла), то фоносемантика занимается тем, что в традиционных терминах называется «связью между звуком и значением».

Поскольку эта связь имеет место в звукоподражательных (ономатопеических) и звукосимволических словах, то, говоря об истории фоносемантических идей, мы будем подразумевать изучение звукоподражания и звукосимволизма.

Поясним эти два понятия.

Звукоподражание (ономатопея) — закономерная не-произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом). Звукоподражание также

¹ См.: Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 4, 21.

определяют как условную словесную имитацию звучаний окружающей действительности средствами данного языка (*плюх, жс-жс-жс, мяу*). Изучение звукоизобразительной системы языка (звукоизобразительность в широком смысле), в которую звукоподражательная подсистема (собственно звукоподражание) входит наряду со звукосимволической подсистемой, приводит, однако, к выводу, что нет оснований подчеркивать условный характер имитации при звукоподражании. В течение длительного времени изучение звукоподражания не было дифференцировано от изучения звукосимволизма. В 60—80-е годы разработана универсальная классификация звукоподражательных слов по соотносимости их с денотатом.² Корневые звукоподражательные слова образуются по вполне определенным моделям. Зная характер звучания-денотата, можно предсказать фонетическую структуру соответствующего звукоподражательного слова; это — предсказуемость в терминах акустических фонемотипов (т. е. акустических типов фонем), но не отдельных конкретных фонем. Ср. структуру «взрывной + низкий (по частоте) гласный + носовой сонант», характерную для обозначений удара с последующим низким резонаторным тоном: англ. *dong* 'звучать' (о низком звуке большого колокола при ударе) и индонез. *bam* 'бам!'. Звукоподражательные основы в языках мира весьма продуктивны.

Звукосимволизм (звуковой символизм, фонетический символизм, символика звука) — закономерная не-произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом). Звукосимволизм можно было бы определить как такую связь между означаемым и означающим в слове, которая носит не-произвольный, мотивированный характер. Однако подобное определение не позволяло бы отличать фонетически мотивированные слова, в которых действует звуко-символизм, ни от вторично (морфологически, семантически), ни от первично (фонетически) мотивированных слов, в которых действует звукоподражание. Звукосимволические слова (идеофоны, образные слова) особенно часто обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, удаленность объектов, свойства их поверхности, походку, мимику, физиологические и эмоциональные состояния человека и животных. К настоящему времени разработана методика опознания звуко-символических слов, выработаны критерии их выделения — репликация, экспрессивная геминация, изоморфизм звуко-символических слов по языкам мира и др.³ Примеры звуко-символиче-

² Воронин С. В. 1) Английские ономатопы: Типы и строение: Автореф. канд. дис. Л., 1969; 2) Основы фоносемантики; 3) Основы универсальной классификации ономатопов // Фонетика-83 / Отв. ред. Г. В. Степанов. М., 1983.

³ Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 89—90.

ских слов: англ. totter 'идти неверной походкой; трястись, шататься'. кхмер. *totre* : *t-totrou* 'ходить пошатываясь'; лат. *bull* 'водяной пузырь', индонез. *bulat* 'круглый'. Звукосимволическими являются не только те слова, которые ощущаются таковыми современными носителями языка, но и все те чрезвычайно многочисленные образования, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического и типологического анализа эта связь выявляется. Звукосимволические основы в языках мира обладают высокой продуктивностью. Выделяясь семантически и структурно, многие звукосимволические и звукоподражательные слова образуют особые разряды в составе глагола и других частей речи. Вопрос о том, могут ли эти слова образовывать в различных языках особую самостоятельную часть речи, остается открытым. В современных языках звукосимволизм носит статистический характер. Важнейшие компоненты психофизиологической основы звукосимволизма — синестезия и кинемика. Синестезия понимается как феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфическое для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, часто характерным для другой модальности. Кинемика — совокупность кинем, т. е. произвольных движений мышц, сопровождающих ощущения и эмоции.

История идей — это не только история проблем, но и история имен. Связанные по рукам и ногам множеством мелких проблем, требующих неотложного решения, мы редко вырываемся за частокол повседневности, чтобы бросить взгляд на дорогу истории, ведущей к сегодняшнему — и завтрашнему — дню нашей науки. Но когда вырываемся, видим имена крупнейших философов, психологов, лингвистов, внесших неоценимый вклад в разработку кардинальных проблем ономастики и звукосимволизма. Список этих имен велик: Платон, Руссо, Лейбниц, Гердер, Гумбольдт, Вундт, Пауль, Бюлер, Хирт, Шухардт, Рамstedт, Вестерман, Граммон, Балли, Марузо, Гиро, Малкель, Коржинек, Скаличка, Есперсен, Малмберг, Фишер-Йоргенсен, Фёрс, Ульман, Партридж, Марчанд, Сэпир, Блумфилд, Боллинджер, Якобсон...

М. Рубинши в своем фундаментальном критико-аналитическом обзоре отмечал: «Среди крупных проблем языкознания вряд ли найдется другая такая проблема, которая столь часто обсуждалась бы языковедами и философами, специалистами и неспециалистами, как проблема звукоизобразительности (Laut-

nachahmung)».⁴ Ф. Раухут же подчеркивал: «С самого того времени, как человек стал задумываться над сущностью и происхождением языка, проблемы звукоизобразительности играли все более значительную... роль».⁵

Вопреки распространенному мнению сторонников принципиальной произвольности, немотивированности языкового знака, проблема ЗИ не мелка и не тривиальна, — напротив, она теснейшим образом связана с самыми фундаментальными проблемами науки о языке (происхождение языка и его сущность, природа языкового знака, характер мотивированности, онтогенез речи, экспрессивность и др.). Это — позитивный момент. Но здесь же — и момент негативный. Ибо с самого начала сама проблема ЗИ остается как бы «в тени великих». И понадобились века, чтобы ЗИ стала самостоятельным «полноправным» объектом изучения.

Уже в древнейших источниках отражены первые представления людей о сущности языка, его происхождении. Центр тяжести трактовки языка здесь лежит на отдельном слове — на имени. «Известно, что для примитивного человека, так же как и для ребенка, название или слово представляется не символом или субститутом предмета, а свойством, атрибутом этого предмета. Свойство это мыслится как реальная часть, иногда даже как сущность предмета или существа, лица».⁶ Для архаического мышления имя неразрывно связано с вещью; отсюда сила заговоров, заклинаний, отсюда стремление первобытного человека «засекретить имена тех предметов, которые он считает нужным обезопасить от враждебного воздействия».⁷

Проблемы, возникающие при исследовании материала конкретных языков, могут быть хорошо прослежены на примере изучения английской звукоизобразительности. Поскольку ЗИ есть универсалия, эти проблемы неизбежно оказываются актуальными и для других языков — как родственных, так и неродственных.

Попытаемся проанализировать, что же сделано (и что не сде-

⁴ Rubinyi M. Das Problem der Lautnachahmung // Germ.-Rom. Monatsschrift. 1913. Bd 5. S. 497.

⁵ Raухut F. Probleme der Onomatopoeie // Volkstum u. Kultur der Romanen. 1928. Bd 1. S. 113.

⁶ Зеленин Д. К. Магическая функция слов и словесных произведений // XLV. Акад. Н. Я. Марру. Л., 1935. С. 515; ср.: Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1923. S. 56.

⁷ Тронский И. М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля / Отв. ред. О. М. Фрейденберг. М.; Л., 1936. С. 9.

лано) к настоящему времени в отношении изучения звукоизобразительности английского языка. В первую очередь необходимо отметить, что звукоизобразительность английского языка изучена еще весьма слабо; работы, посвященные специально ономотопее, единичны.

Ранние исследования, в которых в той или иной мере рассматриваются английские ономотопы и звуко-символические слова, носят чисто описательный характер; интерес представляет, однако, приводимый в них обширный языковой материал. Таковы работы Г. Веджвуда, Й. Райниуса, М. Мюллера, Г. Шписа, Л. П. Смита, Б. Грума, Й. Бизе, Г. Кирхнера,⁸ а также Г. Суита, Г. Брэдли, Э. Партриджа, и более поздние — статья Г. Коциоля и монографии Б. Чарльстон, Х. Ямагучи и Н. Туна.⁹

Попытки систематизации материала, разработки классификации английских ЗИ-слов мы находим и у таких авторов, как А. Фрелих и Х. Марчанд. А. Фрелих в статье «Связь между звуковой формой и значением в английских словах»¹⁰ распределяет ономотопы по группам соответственно их ауслауту, который он считает наиболее важным для звукоподражательного слова. Х. Марчанд в своей большой статье «Звуковой символизм в английском словообразовании»¹¹ (вошедшей отдельной главой в монографию «Категории и типы современного английского сло-

⁸ Wedgwood H. 1) On Roots Mutually Connected by Reference to the Term "zig-zag" // Transactions of the Philolog. Soc. London, 1855. P. 16—32; 2) On Words Descriptive of Guttural Action and the Metaphors Connected with Them // Ibid. 1857. P. 120—126; 3) A Dictionary of English Etymology: 2nd ed. London, 1872. Introduction. (1st ed. London, 1859); Reinius J. Onomatopoeische Bezeichnungen für menschliche Wesen, besonders im Deutschen und Englischen // Studier i modern språkvetenskap utgivna av nyfilologsällskapet. Uppsala, 1908. Bd IV; Müller M. Die Reim- und Ablautkomposita des Englischen; Diss. Strassburg, 1909; Spies H. Alliteration und Reimklang im Modern-Englischen Kulturleben // Englische Studien. 1920. Bd LIV. S. 149 ff.; Smith L. P. Words and Idioms. London, 1934; Groom B. A Short History of English Words. London, 1934; Biese Y. Neuenglisch "tick-tack" und Verwandtes // Neuphilolog. Mitteilungen. 1939. Bd XL. N 3—4; Kirchner G. Silbenverdoppelung ohne Vokaländerung // Anglia. 1941. Bd LXV. S. 328—340.

⁹ Sweet H. History of Language. London, 1900. P. 33—38; Bradley H. The Making of English. London, 1908. P. 155; Partridge E. The World of Words. London, 1949. P. 74 f., 145—148; Koziol H. Schalldeutungen und Schalldeutungswörter. // Orbis. 1957. Vol. VI. P. 185—191; Charleston B. Studies on the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English (Schweizer Anglistische Arbeiten 46). Bern, 1960. P. 39 f., 44—48, 134—136; Yamaguchi H. Essays Towards English Semantics. Tokyo, 1961. Passim; Thun N. Reduplicative Words in English. Uppsala, 1963. Passim.

¹⁰ Fröhlich A. Zusammenhang zwischen Lautform und Bedeutung bei englischen Wörtern // Die neueren Sprachen. 1925. Bd XXXIII. S. 27—42, 127—141.

¹¹ Marchand H. Phonetic Symbolism in English Word-Formation // Indogerm. Forschungen. 1959. Bd LXIV, Hf 2. S. 3.

вообразования»)¹² дополняет классификацию Фрёллиха, рассматривая группы как по их ауслауту, так и по анлауту и инлауту. Классификации, предлагаемые Фрёллихом и Марчандом, представляют собой первые попытки систематизации обширного и многообразного звукоизобразительного материала английского языка — и в этом их значение. Существенный недостаток их, однако, заключается в следующем. Цель классификации Фрёллиха и Марчанда (и цель совершенно оправданная) — дать группировки ономастов по соотносимости с денотатом, т. е. выделить типы лингвистических сущностей по их соотносимости с типами обозначаемых ими экстралингвистических, акустических сущностей. Цель эта, однако, достигается авторами лишь частично, поскольку звукоподражательные слова классифицируются ими соответственно фонемам (/p-/ /b-/ /-j/, /-s/ и т. д.), но не типам фонем в составе ЗИ-слова (акустические типы: взрывные, глухие, фрикативные и т. д.; артикуляторные типы: губные, палатоальвеолярные, переднеязычные и т. д.), и классификация по существу не получает требуемого выхода в экстралингвистику.

В некоторых работах предпринимаются попытки установления отдельных закономерностей в характере соотношения между ЗИ-словом и его денотатом. Так, Л. П. Смит в книге «Английский язык»¹³ указывает на то, что, например, звуки, обозначаемые звукоподражательными словами *dong* или *clank*, ниже, чем звуки, обозначаемые *ding*, *clink*: смычный согласный на конце слова передает внезапно прекращаемый звук или такое же движение; *-sh* «описывает действие, не кончающееся внезапно, а переходящее в массу смешанных звуков чего-либо разламываемого или шуршащего (*mingled mass of smashing or rustling sounds*)» — как, например, в *dash*, *splash* и т. д.¹⁴ Критикуя Л. П. Смита, М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев замечают: «Об ономастопенческой традиции в английском языке упоминает Л. П. Смит, пытаясь установить в ней известные закономерности. . . Все эти наблюдения, конечно, очень относительны, так как наряду с примерами, подтверждающими их, можно привести множество слов, их опровергающих».¹⁵ И далее: «. . . эти примеры недостаточно убедительны как доказательства регулярности звукоподражательной мотивировки при словообразовании».¹⁶ Последнее безусловно справедливо, но не потому, что наблюдения Смита «очень относительны» (сами по себе они не вызывают сомнений), и не потому, что «можно привести множество слов, их

¹² Marchand H. *The Categories and Types of Present-Day English Word Formation*. Wiesbaden, 1960. Ch. VII (Phonetic Symbolism).

¹³ Smith L. P. *The English Language*. London, 1950. P. 64—66. (1st ed. London, 1912).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. *Стилистика английского языка*. Л., 1960. С. 98.

¹⁶ Там же.

опровергающих» (наблюдения этого автора касаются не слов вообще, а лишь звукоподражательных слов; «опровергающих» же примеров среди последних — единицы). Причина недостаточной убедительности примеров Смита в том, что, во-первых, его наблюдения разрозненны, отрывочны и несистематичны, и, во-вторых, он смешивает звукоподражательные слова со словами подражательными (но не звукоподражательными), в которых имеет место лишь звуковой символизм (как в случае *quiver*, *quaver*, *quagmire*, где /kw-/ связано с передачей «понятия чего-либо трясущегося или дрожащего»).

Г. Хильмер в диссертации «Звукоподражание, словообразование и изменение значений слов»¹⁷ (построенной как на английском, так и на немецком материале) говорит о том, что «звуки, напоминающие удар», передаются звукоподражательными корнями, обычно оканчивающимися взрывными согласными, «длинные шумы» — корнями с конечными фрикативными согласными; корни с конечными носовыми согласными отражают удар с последующими «постепенно затухающими колебаниями»;¹⁸ высокие тоны наилучшим образом передаются через гласный /i/, низкие — через /u/.¹⁹ Это — важные выводы. К сожалению, однако, убедительность их в значительной мере снижается вследствие того, что Хильмер не подкрепляет их столь необходимыми в этом случае данными акустики. К тому же сам материал Хильмера весьма ограничен (он, по существу, исчерпывается звукоизображениями одних лишь ударов).

С выводами Смита и Хильмера во многом перекликаются положения работ О. Есперсена — «Грамматики современного английского языка» и особенно монографии «Язык».²⁰

Наблюдения, аналогичные наблюдениям предшествующих авторов, мы находим у Г. Коциоля в его известной работе по английскому словообразованию.²¹ При этом наряду с рядом безусловно справедливых положений Коциоль выдвигает и такие, которые никак не подтверждаются при детальном исследовании английского звукоизобразительного материала. Таков, в частности, его тезис о том, что якобы сильные удары звукоизобразительно передаются глухими взрывными (*fortes*), слабые же — звонкими (*lenes*); таково и его утверждение о том, что при подражании более слабым шумам часто употребляются плавные согласные.²²

¹⁷ Hilmer H. Schallnachahmung, Wortschöpfung und Bedeutungswandel: Diss. Halle, 1914.

¹⁸ Ibid. S. 114.

¹⁹ Ibid. S. 18.

²⁰ Jespersen O. 1) A Modern English Grammar. London, 1954. Pt. VI. P. 176—182. (1st ed. London, 1942); 2) Language. London, 1949. Ch. XX et passim (reprint from 1922 ed.).

²¹ Koziol H. Handbuch der englischen Wortbildungslehre. Heidelberg, 1937. S. 2—30.

²² Ibid.

Х. Марчанд в уже упоминавшейся статье о звуковом символизме²³ обобщил наблюдения по английским звукоподражательным словам, приводимые в работах Смита, Хильмера, Есперсена, Коциоля и других. Этой значительной по использованному языковому материалу и тщательной по исполнению работе присущ, однако, недостаток, характерный для подавляющего большинства исследований по ономотопее: недискриминированное рассмотрение собственно ономотопеи (звукоподражания) и звукового символизма вообще (пример последнего — обсуждение Марчандом слов на /sw-/: обозначений качания, размахивания — "swinging movement").

Помимо исследований, затрагивающих проблемы классификации ономотопов и соотношения «ономотоп/денотат», в англистике имеется ряд работ, в которых ставится вопрос о словообразовательном статусе сочетаний фонем и отдельных фонем в составе ономотопа, а также о понятии модели в применении к словообразованию ономотопов.

Заслуга постановки этих вопросов принадлежит Дж. Р. Фёрсу,²⁴ который также ввел в научный обиход термин *phonestheme* «фонестема».²⁵ Под фонестемой обычно понимается повторяющееся сочетание фонем, подобное морфеме в том смысле, что с ним более или менее отчетливо ассоциируется некоторое содержание или значение, но отличающееся от морфемы полным отсутствием морфологизации остальной части словоформы.²⁶

Почти одновременно с англичанином Фёрсом к идее фонестемы приходит в США Л. Блумфилд. В своей монографии «Язык»²⁷ он указывает на «сложную морфологическую структуру корня» в английских «изобразительных (symbolic) словах», к которым он относит подражания как звуковым, так и незвуковым явлениям. В этих словах наличествует, по Блумфилду, «система начальных и конечных корнеобразующих морфем (root-forming morphemes),²⁸ с весьма неопределенной (vague) семантикой».²⁹ Примеры Блумфильда, в частности, таковы: /fl-/ 'движущийся свет' (flash, flame); /fl/ 'движение в воздухе' (fly,

²³ Marchand H. *Phonetic Symbolism in English Word-Formation*. Passim.

²⁴ См.: Firth J. R. *Papers in Linguistics 1934—1951* (papers 4, 15: *The Use and Distribution of Certain Sounds in English; Modes of Meaning*). Reprint from: Firth J. R. *Speech*. London, 1930.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ср. определение фонестемы в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966). Ахманова добавляет: «(ср.) англ. sp- в splash, sprag, spout, sputter, splutter и т. п. при полной бессмысленности -ash, -ay и т. п.»

²⁷ Bloomfield L. *Language*. London, 1935 (1st ed. London, 1933). Рус. пер.: Блумфилд Л. *Язык* / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. М., 1968.

²⁸ «Корнеобразующая морфема» (начальная либо конечная) у Блумфилда — то же, что «фонестема» у Фёрса.

²⁹ Bloomfield L. *Language*. § 14. 9.

flap, flit): /gl-/ 'неподвижный свет' (glow, glare, gloat, gleam); /sl-/ 'гладкий и мокрый' (slush, slip, slide); /kr-/ 'громкий удар, столкновение' (crash, crack, crunch); /sn-/ 'звук дыхания' (sniff, snore) и 'быстрое разделение, движение' (snap, snatch); /b-/ 'глухой удар' (bang, bat); /æ/ 'сильное движение' (bash, clash, gnash); /-eə/ 'сильный свет или шум' (blare, stare); /-mp/ 'неуклюжий' (bump, hump), и т. д. Картина, как можно видеть, весьма пестрая и, строго говоря, никак не упорядоченная. Именно эта пестрота описываемого Блумфилдом материала, смешение им подражаний звуковым явлениям с подражаниями явлениям незвуковым приводит Блумфилда к пессимистическому и весьма спорному утверждению о том, что «анализ таких деталей (структуры. — С. В.), как корнеобразующие морфемы, неизбежно будет неточным и неполным, поскольку фонетическая общность — такая, как, например, /b-/ в box, beat, bang — представляет собою языковую форму лишь в том случае, если она поддержана семантической общностью — а для этой последней... у нас нет достаточно точного мерил».³⁰

Б. Уорф в своих заметках о языке³¹ говорит о «семантической структуре корня»: «... корень поддается разложению на более или менее отчетливые части и значения — например, tread, track, trip: ядро корня³² (напр., tr) и детерминатив корня»; в этой связи важен четко сформулированный Уорфом вывод о том, что «корень в значительной степени является разложимым».

Вопросы, связанные с выяснением словообразовательного статуса фонемем, в той или иной мере затрагиваются в работах Ф. Хаусхолдера («К проблеме звука и значения. Английская фонестема»³³ Д. Болинджера («Рифма, ассонанс и морфемный анализ»)³⁴ З. Харриса («Методы в структурной лингвистике»)³⁵ Ю. Найды («Система описания семантических элементов»)³⁶ М. Блумфилда («Конечные корнеобразующие морфе-

³⁰ Ibid. P. 268.

³¹ См.: Whorf B. L. Language: Plan and Conception of Arrangement // Language, Thought, and Reality: Selected Writings of B. L. Whorf / Ed. J. Carroll. London, 1956. P. 125—133.

³² «Ядро корня» у Уорфа — то же, что «фонестема» у Фёрса.

³³ Householder F. On the Problem of Sound and Meaning. An English Phonestheme // Word. 1946. Vol. II. P. 83—84.

³⁴ Bolinger D. Rime, Assonance, and Morpheme Analysis // Word. 1950. Vol. VI. P. 117—136. — Болинджер склоняется к признанию фонемем особой разновидностью морфем, подразделяя морфемы языка на «нейтральные» (обычные суффиксы, префиксы и т. д.) и «аффективные», или фонестемы.

³⁵ Harris Z. Methods in Structural Linguistics. Univ. of Chicago Press, 1951. P. 177 ff., 188, 193—195.

³⁶ Nida E. A System for the Description of Semantic Elements // Word. 1951. Vol. VII. P. 1—14. — Найда указывает, что фонемные сочетания /s/ в slip и под. (т. е., собственно, фонестемы) в плане смысловом представляют собой семы (т. е. минимальные единицы системы содержания, подлежащие соотносению с соответствующими единицами системы выражения), из чего следует, что фонестемы имеют черты сходства с морфемами.

мы»),³⁷ Х. Марчанда («Звуковой символизм в английском словообразовании»)³⁸.

При определенном различии взглядов на словообразовательную природу фонем, авторы, как правило, признают особый словообразовательный статус этих единиц, трактуя их либо как совершенно особый вид фонем (фонемных сочетаний), либо как совершенно специфический вид морфем, либо как единицы, «промежуточные» между фонемами и морфемами и обладающие признаками тех и других.

Таким образом, в отношении места фонем в иерархии языковых единиц имеется определенная ясность.

Такой ясности нет, однако, относительно собственно специфики и конкретных отличительных особенностей фонем.

Необходимо внести большую ясность и в само понятие фонемы; в частности, нуждается в пересмотре широко распространенное понимание фонемы как сочетания фонем.³⁹

Помимо работ, затрагивающих проблемы классификации ономастов (и, шире, ЗИ-слов) и соотношения «ономаст/денотат», а также словообразовательного статуса фонем, в некоторых источниках, в частности у Д. Болинджера, Дж. Орра, Дж. Смизерса, Х. Марчанда, С. Ульмана,⁴⁰ мы находим упоминание о моделях в применении к словообразованию английских ономастов. Данные по этому вопросу, однако, весьма скудны, и для состояния его разработки характерным остается замечание Блумфилда о том, что, «вероятно, формы вроде наших звукоизобразительных (symbolic) слов ... создаются скорее по формальным моделям общего характера (general formal patterns), нежели по точным и строго определенным аналогическим моделям (exact analogic models)».⁴¹

Длительное время изучение психологами-экспериментаторами звуко-символизма и синестезии велось независимо, «на па-

³⁷ Bloomfield M. Final Root-Forming Morphemes // Amer. Speech. 1953. Vol. XXVIII. P. 158—164. — Работа носит чисто описательный характер.

³⁸ Marchand H. Phonetic Symbolism in English Word-Formation. — Вместо термина «фонема» Марчанд употребляет менее удачный — «символ» (symbol).

³⁹ Ср. именно такое понимание фонемы у Харриса, который склоняется к мнению, что «если мы хотим найти элементы, которые коррелировали бы со значениями, мы должны искать их в целом не среди отдельных фонологических элементов, а среди сочетаний и последовательностей их» (Harris Z. Methods in Structural Linguistics. P. 188).

⁴⁰ Bolinger D. Rime, Assonance, and Morpheme Analysis; Orr J. Words and Sounds in English and French. Oxford, 1953. Ch. 3; Smithers G. V. Some English Ideophones // Archivum Linguisticum. 1954. Vol. VI. P. 73—111; Marchand H. Motivation by Linguistic Form // Studia Neophilologica. 1957. Vol. XXIX. P. 54—66; Ullmann S. Semantics. New York, 1962. P. 84.

⁴¹ Bloomfield L. Language. P. 424.

раллельных курсах». Важным шагом на пути к углубленному пониманию звуко-символизма, да и самой синестезии, явилось рассмотрение их «в связке».⁴²

Характерным и важным явлением последних лет следует считать усиление интереса к звуко-символизму и ономотопее со стороны видных представителей фонетики (в том числе экспериментальной) и фонологии, — публикация ими специальных работ,⁴³ а также составление библиографии ЗИ и организация конференций по звуко-символизму.⁴⁴

Более или менее полные обзоры истории вопроса можно найти в специальных работах отечественных авторов.⁴⁵

⁴² Brown R. *Words and Things*. Glencoe, 1958; Peterfalvi J.-M. *Recherches experimentales sur le symbolisme phonetique*. Paris, 1970.

⁴³ Malmberg B. *Notes sur le signe arbitraire* // *Form and Substance*. Copenhagen, 1971; Fischer-Jørgensen E. *On the Universal Character of Phonetic Symbolism with Special-Reference to Vowels: Signs and Sound* // *Studia Linguistica*. 1978. Vol. 32; Bladon R. A. W. *Approaching Onomatopoeia* // *Archivum Linguisticum*. 1977. Vol. 8, N 2.

⁴⁴ Ohala J. 1) *Bibliography on Sound Symbolism*. [Berkeley, 1983] (Mimeo-graph copy); 2) *Berkeley Conference on Sound Symbolism*. [S. 1.], 1986.

⁴⁵ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965; Баниндурашвили А. Г. Некоторые экспериментальные данные о психологической природе наименования // *Тр. Тбилисск. ун-та*. 1966. Т. 124; Журковский Б. В. Идеофоны: Сопоставительный анализ. М., 1968; Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973; Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974; Воронин С. В. 1) К истории и методологии изучения английской ономотопеи // *Романское и германское языкознание* / Гл. ред. А. И. Киселевский. Минск, 1974. Вып. 4; 2) *Основы фоносемантики*; Дубинская Е. А., Воронин С. В. К символизму лабиальных // *Функциональные особенности лингвистических единиц* / Отв. ред. А. В. Юрин. Краснодар, 1979; Иванова М. К. Экспериментальные исследования звуко-символизма в современном языкознании // *Семантические аспекты языка* / Отв. ред. М. А. Кашеева. Л., 1981; Воронин С. В., Сабанадзе М. Я. Синестезия в языке: аналитический обзор подходов к проблеме // *Лингвистические исследования*. 1986 / Отв. ред. Н. Д. Андреев. М., 1986.

І. ПРИРОДА НАЗВАНИЯ

В. фон Гумбольдт

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗВУКОВ МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ*

⟨...⟩ Достоинства языка с точки зрения его звуковой системы, помимо точного устройства органов речи и слуха и помимо стремления придать звуку наибольшее разнообразие и совершенство, особенным образом основаны на отношении звука и значения. Представление внешних предметов, воздействующих одновременно на все наши органы чувств, и внутренних движений души при помощи одних слуховых впечатлений есть операция, не поддающаяся подробному исчерпывающему объяснению. Кажется совершенно очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о нем можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о нем никакого представления ⟨...⟩ мы остановимся подробнее на простых словах и обнаружим три причины, в связи с которыми определенные звуки связаны с определенными понятиями, хотя причины эти ⟨...⟩ далеко не единственные. Исходя из этого, можно различать три способа обозначения понятий.

1. Первый способ заключается в непосредственном подражании, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные. Этот способ обозначения как бы живописный: подобно картине, изображающей зрительный образ предмета, язык воссоздает его слуховой образ. Подражать при этом всегда приходится нечленораздельным звукам. Поэтому артикуляция как бы вступает в противоречие со способом обо-

* Отрывок взят из кн.: Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1833. Рус. пер.: Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред. Г. В. Рамишвили. М., 1984. С. 90, 92—94.

значения понятий, и в зависимости от того, насколько энергично вмещивается в этот спор природа артикуляции, в звуке либо остается слишком много нечленораздельного, либо же он изменяется до неузнаваемости. Поэтому, если этот способ и находит какое-то применение в языке, то он всегда не лишен некоторой грубости; он редко бывает представлен при наличии сильного и правильного языкового сознания и постепенно утрачивается в ходе развития и совершенствования языка.

2. Второй способ основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим. Можно назвать этот способ обозначения понятий символическим, хотя понятие символа в языке, несомненно, шире. Для обозначения предметов этот способ избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рождают для слуха образ, подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета. Таковы, например, слова: *stehen, stätig, starr* ('стоять', 'постоянный', 'неподвижный'), вызывающие ощущение стабильности; далее, санскритское *li* 'плавиться, растекаться', пробуждающее мысль о текучести; *nicht, nagen, Neid* ('не', 'глодать', 'зависть'), напоминающие быстрое и точное отсечение. Таким образом, предметы, производящие сходные впечатления, обозначаются преимущественно словами со сходными звуками (ср.: *Wind, Wolke, wirgen, Wunsch* ('веять', 'ветер', 'облако', 'спутывать', 'желание')), в каждом из которых отзывается неустойчивое, беспокойное, неясно представляемое перед органами чувств движение, выражаемое звуком *w*, т. е. более твердым вариантом звука *u*, который уже сам по себе гулок и глух. Этот способ обозначения, основанный на определенном значении, заключенном в каждой отдельной букве и в целых разрядах букв, несомненно, оказал огромное и, может быть, исключительное воздействие на примитивные способы словообразования. Необходимым следствием отсюда должно быть определенное сходство обозначений во всех языках человеческого рода, так как впечатления, производимые предметами, связаны повсюду более или менее одинаково с одними и теми же звуками. Многие из этих явлений еще и в настоящее время можно обнаружить в различных языках, что вполне обоснованно не позволяет считать все встречающиеся сходства звуков и значений проявлением общности происхождения. Но если считать, что здесь мы имеем не только принцип, ограничивающий установление исторических связей или предостерегающий против скороспелых выводов, но, напротив, конститутивный принцип, и что данный способ обозначения в равной степени присущ всем языкам, то это чревато большими опасностями и может увести в сторону от правильного пути. Помимо всего прочего, никак нельзя сказать определенно, каковы в языках были изначальные звуки и изначальное значение; а к этому-то и сводится вся проблема (...). Поскольку один и тот

же результат можно приписывать различным причинам, подобный способ объяснения не исключает весьма значительной произвольности.

3. Третий способ строится на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий. Словам со сходными значениями присуще также сходство звуков, но при этом в отличие от рассмотренного ранее способа обозначения не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер <...> Этот способ <...> является наиболее плодотворным из всех известных <...> Этот способ обозначения понятий, в котором аналогия понятий и звуков в их собственных сферах проводится так, что достигается их полная гармония, можно назвать аналогическим.

Ш. Балли

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК В ЕГО ОТНОШЕНИЯХ С СИНТАГМАТИКОЙ*

а) Произвольный и мотивированный знаки

197. Установленное Ф. Соссюром противопоставление произвольных <...> и мотивированных знаков принадлежит к числу положений, играющих виднейшую роль в теории лингвистических систем. Оно определяет — двумя различными способами — значение (ценность) языка; механизм произвольного знака показывает, каким образом изолированный знак оказывается связанным с определенным понятием без помощи какого-либо контекста. Нам это кажется естественным, потому что нас вводит тут в заблуждение традиционное употребление языка; но как получается, что такое слово, как «дерево», выражает понятие дерева?

Действительно, известно, что произвольный знак не содержит в своем означаемом ничего, что относилось бы к значению слова. Что же касается знака (относительно) мотивированного, каким его мыслит Соссюр, то он является результатом комбинации двух произвольных знаков (*dix-neuf* 'девятнадцать', *petit-fils* 'внук', *vif-argent* 'ртуть', *poir-ier* 'груша (дерево)', *coup-ereet* 'резак' и т. д.) и, следовательно, не дает разрешения проблемы, потому что если она и не возникает в отношении всего знака в целом, то существует в отношении его элементов. Как бы там ни было, речь здесь идет о двух разных категориях: фактически мотивированный знак в изолированном состоянии заключает в се-

* Отрывок взят из кн.: *Bally Ch. Linguistique generale et linguistique française: 3me ed. Bern, 1950.* Рус. пер.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. Е. В. Вентцель и Т. В. Вентцель. М., 1955. С. 144—151, 407.

бе нечто относящееся к выражаемому им понятию, все равно, будет ли это рациональное указание, как в *dix-neuf*, неопределенное, как в *petit-fils*, или просто воображаемое, как в *vif-argent*; другими словами, он остается произвольным знаком, несмотря на свое относительное мотивирование.

Теория произвольности и мотивирования в том виде, в каком ее сформулировал Соссюр, выражает самую сущность характера языкового знака, где властвует произвольность; но все же эту теорию можно дополнить и систематизировать.

198. Ф. Соссюр объясняет произвольность знака теоретически безграничным множеством противопоставительных ассоциаций, которые связывают знак с другими знаками языка (тесные или слабые, непосредственные или промежуточные ассоциации). При этом он уточняет, что две части знака определяются взаимодействием двух ассоциативных рядов; другими словами, знак бывает произвольным в своем означаемом и в своем означающем.

Знак, произвольный в своем означаемом, определяется всеми означаемыми, с которыми он ассоциируется путем дифференциации, так же как понятие <...> определяется всем, с чем оно ассоциируется или что ему противопоставляется извне. Но то же можно сказать и в отношении означающего: с чисто теоретической точки зрения, слово *arbre* 'дерево' заменимо любым звуком или сочетанием звуков, не имеющими никакого значения во французском языке; с практической точки зрения, пользуясь фонологическими терминами, *arbre* определяется всеми означающими, с которыми оно связывается дифференциальными ассоциациями. Так, оно противопоставляется не только *marbre* 'мрамор', единственному слову, которое с ним рифмуется, но и всем тем словам, которые имеют общие с ним элементы, например с ассонансами *sabre* 'коза', *sabre* 'сабля', *glabre* 'гладкий' <...> *sable* 'песок', *cable* 'канат'; со словами, обладающими более отдаленным с ним сходством, например *zèbre* 'зебра' <...> *lèpre* 'проказа' и т. д.; со всеми словами, которые, в свою очередь, являются центрами ассоциаций того же рода, например *lepre* : *lettre* 'проказа : письмо', *lettre* : *litre* 'письмо : литр', *litre* : *libre* 'литр : свободный' и т. д. Таким образом, *arbre* постепенно может быть связано со всеми означающими языка и им противопоставлено.

199. Обратимся теперь к мотивированному знаку и спросим себя, наблюдается ли такой же параллелизм, какой мы констатировали в обеих частях произвольного знака, *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями), и в случае мотивирования; иначе говоря, может ли знак быть мотивированным своим означаемым или своим означающим, либо тем и другим вместе?

Начнем с означаемого. Этот случай совершенно ясен: его осветил Соссюр на примерах *dix-neuf* 'девятнадцать', *poir-ier* 'груша (дерево)' и т. д.: два понятия с чисто произвольными языковыми знаками соединяются, чтобы образовать сложное

понятие, близко или отдаленно напоминающее действительное значение полного знака.

Но знак может быть мотивирован и своим означающим, если последний дает повод к одному или нескольким восприятиям (акустическим, иногда также зрительным), которые подчеркивают значение, выражаемое знаком. Так, глагол *croquer* 'грызть, хрустеть' содержит в своих звуках нечто, производящее впечатление дробления, размалывания, что вызывает представление о хрусте.

Наконец, знак может быть мотивирован с двух сторон; так, *croque-mort* (= 'могильщик') соединяет два понятия, два означаемых, которые оба вызывают представление о похоронах, подкрепляемое чувственным впечатлением, производимым первым элементом.

Установление того, что знак может быть мотивирован своим означающим, дополняет, как нам кажется, теорию знака. Поэтому мы несколько остановимся на этом, хотя здесь мы и имеем дело с фактами, отчасти давно уже изученными (вспомним хотя бы только о «символике звуков»); но принципиальные вопросы, которые с этим связываются, все же заставляют нас вернуться к этому.

б) Знак, мотивированный означающим

200. Ф. Соссюр умышленно игнорировал этот знак, так как внимание его привлекали исключительно междометия (восклицания и ономапоен), которые он считал, — возможно, ошибочно — чуждыми системе языка.

Конечно, междометие находится вне языка, если оно является чистым воспроизведением звука или шума, если, например, говорят «тик-так, тик-так» в подражание звуку, издаваемому маятником. Но междометие относится к языку с того момента, как оно получает значение предложения: *Vos mains sont sales; rouah!* 'Ваши руки грязны; фу!' (*rouah!* = 'мне это противно'); *Je vise: pif paf, et voilà mon lièvre par terre* 'Я прицеливаюсь: пиф-паф, и вот мой заяц на земле' (*pif paf* = 'раздаются два выстрела'). В этих случаях междометия представляют собой одночленные предложения, как и всякие другие.

Кроме того, междометия, не изменяя своей формы, могут путем гипостатической транспозиции войти в состав вполне характеризованной лексической категории: *brouhaha* 'гомон, шум', *scinçin* 'пиликалка (о скрипке)', *crier haro* букв. 'кричать караул; громогласно возмущаться', *faire fi* 'пренебрегать, гнушаться', *macher cahin-caha* 'ходить кое-как', *répondre du tac au tac* 'ответить ударом на удар, отплатить' и т. д. Путем эксплицитной транспозиции (равной суффиксальному словопроизводству) междометия образуют такие слова, как *cliqueter* 'стучать', *cliquetis* 'стук', *croquer* 'хрустеть', *croquement* 'хруст', *croasser* 'каркать', *miauler* 'мяукать' и т. д. Мало того, во многих слу-

чаях говорящие субъекты утрачивают чувство того, что экспрессивное благодаря своим звукам слово произошло из ономастопей (если, конечно, это происхождение может быть доказано историей языка), и у них сохраняется лишь интуитивное восприятие наличия отношения между звуковой формой и впечатлением, которое производит самый смысл слова: cahoter 'трясти', grincer 'скрежетать зубами', crisser 'корчить', palpiter 'трепетать', tinter 'звенеть'. Далее, некоторые звуки и их сочетания вызывают чувственные представления, которые могут совпадать с впечатлением, производимым значением соответствующего слова: взрывной к подчеркивает впечатление дробления (casser 'дробить', craquer 'хрустеть', croquer 'грызть', crever 'трескаться'); р — впечатление взрыва (péter, pétiller 'трещать'). И наконец, нам известно экспрессивное значение удвоения (migmuier 'бормотать', susugger 'шелестеть') и чередований гласных, которые часто его усиливают (<...> barboter 'барахтаться в грязи', farfouiller 'рыться').

201. Случается также, что артикуляция звука или сочетания звуков определяет мышечные движения губ, языка, челюстей, в чем говорящие могут усматривать символическую связь с выражаемой мыслью; так же могут истолковываться слушающими субъектами (являющимися в этом случае одновременно и «видящими») и изменения лица, вызываемые артикуляцией. Так, губные (р, b, f) при произнесении их заставляют воздух скапливаться в ротовой полости; вследствие этого щеки надуваются, откуда происходит возможность совпадения этих звуков с представлением избытка, полноты: bouffer 'пичкать', boursouffler 'надувать', empiffer 'пичкать', gonfler 'раздувать', enfler 'надувать' и т. д. Артикуляция глаголов harper 'цапать' и lapper 'лакать' воспроизводит grosso modo (приблизительно) те самые действия, которые они обозначают.

При произнесении округлых гласных (ou, u) губы вытягиваются; это движение, даже вне речевой деятельности, выражает плохое настроение, насмешку, презрение:¹ bouder 'дуться', faire la moue 'надувать губы'; не случайно, конечно, и то, что слова на -ouille являются уничижительными или шутовскими (vadrouille 'попойка', fripouille 'прохвост', bredouille 'несолоно хлебавши'), или становятся ими в переносном значении (andouille 'колбаса', фиг. 'болван'; citrouille 'тыква', фиг. 'большая голова; большой и глупый человек'; pouille 'лапша', фиг. 'размазня'; grenouille 'лягушка' фиг. 'ухажер'); это же относится и к прилагательным на -u: bougru 'сердитый = бука', grinchu 'ворчливый = ворчун', malotru 'грубый = грубиян, олух', tetu 'упря-

¹ Еще Мольер установил это в отношении u: в "Le Bourgeois gentilhomme" учитель философии говорит: «Обе ваши губы вытягиваются, как если бы вы их хотели надуть; отсюда следует, что, если бы вы пожелали показать кому-нибудь свое недовольство и посмеяться над ним, вам было бы достаточно сказать u».

мый = упрямец', соси 'рогатый = рогоносец (о муже)', lippi 'толстогубый = губошлеп'.

Необходимо отметить еще, что наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки, кисти рук и т. д. Мы увеличиваем степень открытости рта, чтобы показать большие, и уменьшаем его, чтобы показать малые размеры чего-либо; при указании на длину мы выдвигаем губы вперед, и т. д. Точно так же мы стремимся увеличить раствор рта, когда произносим *vaste* 'обширный', *large* 'широкий', *grand* 'большой' и т. д.; мы вытягиваем губы, чтобы сказать *long* 'длинный' и *profond* 'глубокий'. Напротив, представление о малых размерах выражается, как отметил Есперсен, во множестве языков словами, содержащими гласный *i*, самый закрытый из всех наряду с *u* (*petit* 'малый', *minime* 'самый малый', *miniature* 'миниатюра' — согласно народной этимологии; *menu* 'мелкий', *tenu* 'тонкий', *pointu* 'острый', *minuscule* 'крошечный', ит. *piccolo*, англ. *little* 'маленький' и т. д.

202. Но это не все: ударение и интонация слов тоже могут приобретать символическое, или, иначе говоря, мотивирующее значение. Мы знаем ударение настояния (<...>), которое может падать на первый согласный любого слова или групп слов, произносимых с эмоцией: *Mais ttais-toi donc!* 'Да замолчи же!'; *C'est ssi amusant!* 'Это так забавно!' Отметим, что в данном случае ударение не зависимо от слов; его можно ставить на любое слово, и, следовательно, оно не имеет ничего общего с мотивированием того или иного слова, взятого в отдельности. Здесь мы имеем дело с речью. Но если слово само по себе аффективно, то оно *обычно* произносится с ударением настояния, которое в этом случае его мотивирует. Почти невозможно не подчеркнуть первые слоги таких оскорбительных слов, как *canaille* 'негодяй', *scélérat* 'злодей', *pendard* 'бездельник' и т. д. Слово *cochon* имеет окситонное ударение, когда речь идет о домашнем животном; но ударение приходится на первый согласный (и является мотивирующим), когда вместе с Куртелином мы утверждаем, что *Siboulot est un cochon* 'Сибуло — свинья' (<...>)

203. В отношении мотивирующей интонации необходимо сделать такие же оговорки, как и в отношении ударения. В наших языках это по существу синтаксический прием, т. е. независимый, осуществимый исключительно в речи и применимый к теоретически безграничному числу высказываний. Значение интонации имеет модальный характер; другими словами, она выражает или подчеркивает модальность, без которой не может быть предложения; она актуализирует предложение как мысль (<...>) актуализирует представление. Во всем этом нет ничего, что напоминало бы мотивирование слов. Но все меняется, если модальное выражение имеет единственное значение или определенное, ограниченное число значений; в этом случае интонация мо-

тививирует в той мере, в какой воспринимаемо это ограничение. Так, *bah!* допускает только две интонации: произнесенное на высокой ноте, оно означает: «То, что было сказано, меня совершенно не касается», а произнесенное с понижающейся интонацией: «Я этим в высшей степени удивлен». Слова *dame* 'ну! конечно', *sapristi!* 'чорт возьми!', *diable!* 'чорт!', *mazette!* 'кляча!', *hélas!* 'увы!' имеют только одно основное модальное значение, и оно было бы непонятно без соответствующей интонации, составляющей, следовательно, одно целое вместе со звуками, на которые она падает. Многие стереотипные выражения отличаются от имеющих такую же форму свободных синтаксических оборотов только одной интонацией; ср. *Que voulez-vous: du vin ou de la bière?* 'Что вы желаете: вина или пива?' и *Que voulez-vous! Il n'y a rien à changer à cela* 'Что поделаешь! Здесь ничего нельзя изменить'. Более глубокое исследование, к которому так и не приступили, показало бы, что модальная интонация выходит далеко за пределы этих случаев и, как бы крадучись, проникает и в собственно слова; так, почти немисливо произнести серьезным тоном такие прилагательные, как *ravissant* 'восхитительный', *charmant* 'очаровательный', *delicieux* 'прелестный', или на высоком регистре — такие, как *sinistre* 'мрачный', *lugubre* 'печальный' и т. д.

204. Как можно было заметить, почти все упомянутые до сих пор случаи мотивирования посредством означающего принадлежат экспрессивному языку или, иначе говоря, относятся к стилистике. Это несколько не умаляет их значения: разве Н. С. Трубецкой не наметил программу фонологической стилистики?...

В заключение добавим, что если мотивирование посредством означающего представляет собой столь же осязаемую действительность, как и мотивирование посредством означаемого, единственно признававшееся Соссюром тип *roig-ier* 'груша (дерево)' и т. д., то оно несколько не искажает основного понятия знака, потому что это мотивирование, как и другое, полностью относительно и никогда не раскрывает существенного значения знака без помощи многочисленных внешних ассоциаций.²

² Мотивирование означаемым имеет графическое соответствие. Известно, что написанные слова, особенно на языках с капризной и произвольной орфографией, например на английском и французском, принимают зрительную форму общих образов, монограмм; но кроме того, этот зрительный образ может ассоциироваться в какой-то мере с его значением, так что монограмма становится идеограммой; такого рода сопоставления чаще всего отличаются наивностью, хотя сам по себе вопрос заслуживает внимания. Некоторые считают, что *lys* красивее *lis* 'лилия': *u* изображает как бы стебель цветка, распускающегося между двух согласных. Другие говорят, что существует некое сходство между глазом и французским словом (*œil* 'глаз'), которое его обозначает. Для Поля Клоделя два *t* слова *toit* 'крыша' означают два щипца дома, и в слове *locomotive* 'паровоз' он видит трубу, колеса и т. п. Теоретически эти факты любопытны тем, что здесь идеограмма является завершающей точкой, в то время как в истории письма она представляет собой отправную точку.

в) Имплицитное мотивирование

205. Из всего изложенного мы видели, что произвольность и мотивированность являются относительными понятиями: в промежутке между ними мы находим все возможные степени перехода. Это значит, что число ассоциаций, которые возникают непосредственно из знаков, неравномерно; возможно, следует допустить, что чем мотивированнее обычный знак, тем больше сосредоточивается внимание на его внутреннем строении, вследствие чего уменьшается количество и значение внешних ассоциаций его «ассоциативного поля». И наоборот, чем произвольнее знак (например, arbre 'дерево'), тем многочисленнее отношения, которые он устанавливает за своими пределами для определения своего значения. Эта неравномерность числа ассоциаций относится, по-видимому, и к означающему и к означаемому. Мы видели, что означающее arbre определяется всеми означающими, которые более или менее сходны с ним, не будучи ему тождественны; напротив, такое экспрессивное слово, как craquer 'трещать, хрустеть', живет главным образом за счет своих собственных средств; его ассоциативное поле состоит в основном из близких ему экспрессивных слов (claquer 'хлопать', cracher 'плевать', sgoquer 'грызть' и т. д.). Наконец, можно полагать, что такие чистые восклицания, как аге или боит, существуют благодаря одной только своей способности вызывать в представлении соответствующие образы.

Таким образом, понятие ассоциативного поля отличается большой эластичностью. С таким же правом можно говорить о близких и о далеких ассоциациях; совершенно очевидно, что небо скорее наводит на мысли о звезде, туче, синем и т. д., чем о дороге или о доме.

Э. Бенвенист

ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА*

Теория языкового знака, ныне явно или неявно принятая в большинстве сочинений по общей лингвистике, ведет свое начало от Ф. де Соссюра. И положение Соссюра о том, что природа знака произвольна, принимается в качестве очевидной истины, хотя и не эксплицитной, но на деле никем не оспариваемой. Эта формулировка получила быстрое признание. Всякий разговор о природе знака или о свойствах речи начинается с заявления о

* Отрывок взят из ст.: Benveniste E. Nature du signe linguistique // Acta Linguistica (Copenhagen). 1939. N 1. Рус. пер. в кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. Ю. Н. Караулова. М., 1974. С. 90—94.

произвольном характере языкового знака. Этот принцип столь важен, что, о какой бы стороне лингвистики мы ни размышляли, мы обязательно с ним сталкиваемся. Тот факт, что на него повсюду ссылаются и всегда принимают за самоочевидный, и побуждает попытаться по крайней мере понять, какой смысл вкладывал в этот принцип Соссюр и какова природа фактов, служащих доказательствами.

В «Курсе общей лингвистики»¹ это определение мотивируется очень просто. *Знаком* называют «целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым...». «Так, понятие „сестра” не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков s-ø-г, служащей во французском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое „бык” выражается означающим b-ø-f (фр. bœuf) по одну сторону языковой границы и означающим o-k-s (нем. Ochse) по другую сторону» (с. 100—101).² Это говорит о том, что «связь, объединяющая означающее и означаемое, произвольна», или, проще, — «языковой знак произволен». Под «произвольным» автор понимает то, что «он *немотивирован*», т. е. произволен по отношению к означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи (с. 101). Это свойство, стало быть, призвано объяснить тот самый факт, которым оно подтверждается, а именно тот факт, что выражения для одного понятия изменяются во времени и пространстве, а значит, не имеют с ним никакой обязательной связи.

Мы не собираемся оспаривать этот вывод в пользу других принципов или на основе других определений. Речь идет о том, чтобы установить, последователен ли этот вывод, и выяснить, следует ли из признания двусторонности знака (а мы ее признаем) обязательная характеристика знака как произвольного. Мы видели выше, что Соссюр считает языковой знак состоящим из означающего и означаемого и, что очень существенно, под «означаемым» имеет в виду *понятие*. Вот его собственные слова: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ» (с. 99). Но сразу же вслед за этим он утверждает, что природа знака произвольна, поскольку он не имеет с означаемым «никакой естественной связи». Очевидно, что в это рассуждение вкрадывается ошибка по причине бессознательного и неявного обращения к третьему термину, который

¹ Saussure F. de. Le cours de linguistique generale / Publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de Albert Riedlinger. Lausanne; Paris, 1916.

² В скобках указываются страницы по изданию: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по общему языкознанию / Пер. с фр. А. М. Сухотина; Под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.

не содержался в исходном определении. Этот третий термин — сам предмет, реальность. Хотя Соссюр и утверждает, что понятие «сестра» не связано с означающим s-ø-г, он при этом тем не менее мыслит о *реальности* этого понятия. Говоря о различии фр. b-ø-f 'бык' и нем. o-k-s 'бык', он вопреки себе опирается на тот факт, что оба эти слова относятся к одному и тому же *реальному предмету*. Вот здесь-то *предмет, вещь*, сначала открыто исключенная из определения, проникает в него теперь окольным путем и вызывает в этом определении постоянное противоречие. Ибо, если принципиально — и справедливо — утверждается, что язык есть *форма*, а не *субстанция* (с. 145), то следует признать — и Соссюр прямо об этом заявляет, — что лингвистика — это исключительно наука о формах. Тем более настоятельна в таком случае необходимость исключить «субстанцию» *сестра* или *бык* из понимания знака. В самом деле, связь между bøf, с одной стороны, oks — с другой, и одной и той же реальной вещью можно считать произвольной только тогда, когда мыслят животное «бык» как предмет в его конкретном и «субстанциальном» своеобразии. Таким образом, существует противоречие между способом, каким Соссюр определяет языковой знак, и природой, которую он ему приписывает.

Подобную немотивированность вывода в обычно столь строгих рассуждениях Соссюра нельзя, мне кажется, отнести за счет ослабления его критического внимания. Я скорее склонен видеть в этом отличительную черту исторического и релятивистского способа мышления конца XIX века, обычную дань той форме философского мышления, какой является сравнительное познание. Наблюдая реакции, которые вызывает у различных народов одно и то же явление, мы видим бесконечное разнообразие отношений к нему и мнений о нем и склонны заключить, что, по-видимому, всякая необходимая связь здесь отсутствует. На основе всеобщего несходства делается вывод о всеобщей случайности. Соссюровская концепция до некоторой степени принадлежит еще этой системе мышления. Решить, что языковой знак произволен, поскольку одно и то же животное называется в одной стране bœuf, а в другой — Ochs, равносильно тому, что сказать, будто понятие горя «произвольно», так как символом его является черное в Европе и белое в Китае. Произвольно — да, но только при безучастном взгляде с Сириуса или для того, кто ограничивается констатацией извне существующей между объективной реальностью и человеческим поведением связи и таким образом обрекает себя на то, чтобы увидеть в этой связи только случайность. Разумеется, по отношению к одному и тому же реальному предмету все названия равноценны и, следовательно, их существование свидетельствует, что ни одно из них не может рассматриваться как единственно имеющее право быть данным наименованием в абсолюте. Это верно. Это даже слишком верно, а потому тривиально. Подлинно глубокая про-

блема — в другом. Она заключается в том, чтобы найти внутреннюю структуру явления, когда воспринимается лишь его внешняя сторона, и описать его зависимость от всей совокупности его проявлений.

Вернемся к языковому знаку. Одна из составляющих знака, акустический образ, представляет в нем означающее, другая, т. е. понятие, — означаемое. Связь между означаемым и означающим не произвольна; напротив, она необходима. Понятие («означающее») «бык» в моем сознании неизбежно отождествляется со звуковым комплексом («означающим»). И может ли быть иначе? Вместе запечатлены они в моем сознании, вместе возникают они в представлении при любых обстоятельствах. Симбиоз между ними столь тесен, что понятие «бык» является как бы душой акустического образа *bof*. (...) Означающее и означаемое, акустический образ и мысленное представление являются в действительности двумя сторонами одного и того же понятия и составляют вместе как бы содержащее и содержимое. Означающее — это звуковой перевод идеи, означаемое — это мыслительный эквивалент означающего. Такая совмещенная субстанциальность означающего и означаемого обеспечивает структурное единство знака. Сам Соссюр опять-таки обращает на это наше внимание, когда говорит о языке: «Язык можно также сравнить с листом бумаги. Мысль — его лицевая сторона, а звук — оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли: этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии» (с. 145). То, что Соссюр говорит здесь о языке, приложимо прежде всего к языковому знаку, в котором, бесспорно, и проявляются главные свойства языка.

Теперь мы видим сферу «произвольного» и можем очертить ее границы. Произвольность заключается в том, что какой-то один знак, а не какой-то другой прилагается к данному, а не другому элементу реального мира. В этом, и только в этом смысле допустимо говорить о случайности, и то, скорее, пожалуй, не для того, чтобы решить проблему, а для того, чтобы наметить ее и временно обойти. Ибо эта проблема есть не что иное, как знаменитое *φύσις* или *θεσις*, и решена она может быть только путем принятия той или другой точки зрения. В самом деле, эта проблема не что иное, как переведенная на язык лингвистики философская проблема соответствия разума действительности. Лингвист, возможно, в один прекрасный день сможет с пользой ею заняться, но пока ее лучше оставить. Полагать отношение произвольным — это для лингвиста способ уйти от данного вопроса, а также и от того решения, к которому инстинктивно приходит сам говорящий. Для говорящего язык и реальный мир полностью адекватны: знак целиком покрывает реальность и господствует над нею; более того, он и *есть* эта реаль-

ность (попел омен, табу слов, магическая сила слова и т. д.). По правде говоря, точка зрения говорящего столь отличается от точки зрения лингвиста, что утверждение последнего относительно произвольности обозначений ничуть не колеблет уверенности говорящего в противном. Но как бы то ни было, природа языкового знака, если ее определять по Соссюру, этим никак не затрагивается, поскольку особенность этого определения именно в том и состоит, чтобы рассматривать только отношение означающего к означаемому. Сфера произвольного, таким образом, выносится за пределы языкового знака.

В таком случае излишне защищать принцип «произвольности» знака от того возражения, которое можно было бы привести, основываясь на оноματοпоэтических и экспрессивных словах, на звукоподражаниях и междометиях (с. 102), излишне не потому, что сфера их употребления относительно узка и эффект экспрессивности по самой своей сути преходящ, субъективен и зачастую второстепенен, но главным образом потому, что, какой бы ни была реальность, изображенная с помощью ономапоэи или экспрессивного выражения, указание на эту реальность дается в большинстве случаев не прямо, а воспринимается только благодаря символической условности, конвенциональности, аналогичной той, которая свойственна обычным знакам системы. Итак, мы и здесь находим то же определение и свойства, присущие любому знаку. И здесь произвольность существует лишь по отношению к явлению или объекту материального мира и не является фактором во внутреннем устройстве знака.

Ж. Вандриес

<О «СЛУХОВОМ» И «ЗРИТЕЛЬНОМ» ЯЗЫКАХ>*

<...> Самое общее определение, которое можно дать языку, — это назвать его *системой знаков*. Поэтому исследовать происхождение языка — это значит исследовать, какие знаки естественно были в распоряжении человека и как он принужден был начать ими пользоваться.

Под знаком в данном случае надо понимать всякий символ, способный служить для взаимного общения людей. Так как знаки могут быть различной природы, то и языки могут быть различными. Все органы чувств могут служить базой для создания языка. Есть язык обоняния и язык осязания, язык зрительный и язык слуховой. Мы имеем дело с языком всякий раз, когда два индивидуума условно придают определенный смысл данному действию и совершают это действие с целью взаимного обще-

* Отрывок взят из книги: Vendryes J. Le langage. Paris, 1920. Рус. пер.: Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 21.

ния. Духи, которыми надушено платье, красный или зеленый носовой платок, торчащий из кармана пиджака, более или менее продолжительное пожатие руки — все это элементы языка, если только два человека условились использовать эти знаки для передачи приказа или сообщения.

Однако же среди всех возможных языков есть один, который доминирует над всем другим разнообразием форм выражения, которыми он располагает; это язык слуховой, называемый также произносимой или членораздельной речью; только с этим языком мы будем иметь дело в этой книге. Он иногда сопровождается, а еще чаще заменяется языком зрительным. У всех народов в большей или меньшей степени жест сопровождает слово, мимика лица одновременно с голосом передает чувства и мысли говорящего. Мимика — это зрительный язык.

В. Пизани

<О ПРОИЗВОЛЬНОСТИ И НЕ-ПРОИЗВОЛЬНОСТИ ЗНАКА>*

<...> О понятии «знак», естественно, писалось много. Исходя из сосюрковского определения («знак — целое, образуемое объединением означающего или акустического образа и означаемого им понятия»), Э. Бенвенист показывает, что знак вовсе не произволен,¹ как думал сам женевский ученый; точнее, языковой знак произволен по отношению к внешней действительности, но необходимо обусловлен в системе языка, так как для говорящего понятие и звуковая форма неразрывно связаны и воспринимаются его сознанием как единство. Понятие формируется в связи со своей звуковой формой, а звуковая форма никак не воспринимается сознанием, если она не соответствует никакому понятию. Языковые изменения коренятся в сдвигах в отношении знака к обозначаемому внешнему объекту, а не в изменении соотношения между обоими элементами знака. В синхронии языковой системы, постоянно угрожающей распадом и постоянно себя восстанавливающей, значения знаков сами по себе относительны, так как они противопоставлены друг другу и определяются из своего различия. Правильное понимание сосюрковского различия произвольного знака (например, arbre)

* Отрывок взят из ст.: P i s a n i V. Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft — Indogermanistik // Wissenschaftliche Forschungsberichte. 1953. Bd 2. Рус. пер.: Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы / Пер. с нем.; Ред. и предисловие В. А. Звегинцева. М., 1956. С. 91—92.

¹ Benveniste E. Nature du signe linguistique // Acta linguistica (Copenhagen). 1939. No 1. P. 23—29.

и знака мотивированного (например, dix-neuf, poir-ier) служит для Ш. Балли,² различающего мотивированность знака в самой его внешней форме (восклицание, ономатопеи, фонетический символизм) и подразумеваемую мотивированность (ассоциативное семантическое поле и т. п.), для того чтобы выдвинуть следующий идеальный принцип: специфика полностью мотивированного знака заключается в том, что он базируется на единичной внутренне необходимой ассоциации, тогда как специфика полностью произвольного знака базируется на его связи в сознании со всеми другими знаками посредством внешних факультативных ассоциаций; жизнь языкового знака колеблется между этническими двумя полюсами. . .

² Bally Ch. Sur la motivation des signes linguistiques // Bull. de la Soc. de linguistique de Paris. 1940. Vol. 41, f. 1. P. 75—88).

Р. Якобсон

ЗВУК И ЗНАЧЕНИЕ*

I

Вы, конечно же, помните знаменитое стихотворение Эдгара По «Ворон» ("The Raven") и меланхоличный рефрен этого стихотворения "Nevermore" («никогда»). К этому слову, единственному слову, которое произносит мрачный гость, сводится, как подчеркивает поэт, «весь запас его знаний». Хотя эта вокабула и состоит всего из нескольких звуков, у нее тем не менее очень богатое семантическое содержание. Она выражает отрицание: того, что было, уже не будет, не будет никогда. Это зловещее слово, состоящее из семи звуков — семи, поскольку По настаивает на конечном г, которое, как он считает, является «самой энергичной (most producible) согласной», — этот рефрен обладает достаточной силой, чтобы перенести нас в будущее, более того — в вечность. Действительно этот рефрен раскрывает для нас очень многое, но еще больше он от нас скрывает, у него много потенциальных значений, а также различных частных значений, выводимых из контекста диалога или из самой ситуации. Если вооб-

* Отрывок взят из кн.: Jakobson R. Six leçons sur le son et le sens. Paris, 1976. Рус. пер.: Якобсон Р. Звук и значение // Якобсон Р. Избранные работы / Пер. с фр. Е. Э. Разлоговой. М., 1985. С. 30—32, 87—91.

Настоящая работа представляет собой письменный текст лекций, прочитанных Р. Якобсоном в 1942 г. в École libre des hautes études, организованной находящимися во время II мировой войны в Нью-Йорке французскими и бельгийскими учеными. Впервые эти лекции (с некоторыми редакционными поправками) были опубликованы только в 1976 г. в Париже в серии "Arguments" издательством "Les Éditions de Minuit". (Прим. ред. рус. пер.)

ще отвлечься от контекста, то мы можем интерпретировать этот рефрен самыми различными способами. «Я внимательно следил за тем, — пишет поэт, — чтобы мысли непрерывно следовали друг за другом. Я пытался понять, что хочет выразить своим криком, своим Nevermore (никогда), эта вещая древняя птица, эта угрюмая, уродливая, мрачная, тощая, вещая птица давних времен! Так я сидел, теряясь в мечтах и догадках . . . Я хотел понять. . .» И поскольку наш рефрен появляется каждый раз в новом контексте, значение его все время меняется: ты больше никогда ее не забудешь, ты никогда не обретешь душевного покоя, ты больше никогда не обнимешь ее, и больше никогда тебя не покинут! Кроме того, это слово может употребляться как имя собственное, как символическое имя, данное автором своему ночному гостю.

Но семантика этого слова (его общее значение и окказиональные, контекстно обусловленные значения) не охватывает всей его значимости. Эдгар По нам рассказывал, что именно ономастопоэтический потенциал, заложенный в звуках слова певегтоге, вызвал у него ассоциацию с криком ворона и даже вдохновил на создание этого стихотворения. И наконец, несмотря на то что поэт не стремится нарушить единство и монотонность рефрена и каждый раз звучит строка «Каркнул ворон: "Nevermore!"», не вызывает сомнения тот факт, что различные звуковые средства языка, такие, как мелодика речи с ее модуляциями, интенсивность и темп речи, оттенки в артикуляции отдельных звуков и их сочетаний, — что все эти разнообразные средства позволяют в любом случае влиять количественно и качественно на эмоциональную значимость слова.

Рефрен Эдгара По состоит всего из нескольких артикуляций, или, если мы перейдем от артикуляционного аспекта речи к акустическому, — из небольшого числа колебательных движений, необходимых для восприятия этого слова. Короче говоря, минимальных звуковых средств достаточно для того, чтобы донести до слушающего богатое в семантическом, эмоциональном и эстетическом плане содержание. И тут мы сталкиваемся с тайнством мысли, воплощенной в звуковой материи, с загадкой слова, языкового символа, Логоса, с тайной, которую нужно раскрыть.

Разумеется, мы давно уже знаем, что слово, как и любой другой языковой знак, является двусторонней сущностью. С одной стороны, это звуки — его материальная сторона, с другой — это смысл — его содержательная, «духовная» сторона. Все слова и вообще все языковые знаки являют собой единство звука и значения, или, иначе говоря, единство означающего и означаемого . . . Но если сам факт такого объединения совершенно очевиден, структура его остается еще малоизученной. Последовательность звуков является носителем смысла, но каким образом звуки справляются с функцией «носителя»? Каковы в точности

отношения между звуками и значением внутри слова и вообще в языке? И наконец, необходимо выделить минимальную, неделимую звуковую единицу, наделенную значением, или, если так можно выразиться, найти языковой квант <...>

VI

Фердинанд де Соссюр приписывал языковому знаку два основных свойства, которые он сформулировал в «Курсе»¹ в виде двух основных принципов. Но анализ фонемы, и в особенности рассмотрение «совмещения» различительных признаков, выступающих в качестве составляющих фонемы, заставили нас отказаться от одного из этих принципов, а именно принципа «линейного характера означающего». Анализ системы фонем позволяет нам также пересмотреть другой принцип — принцип «произвольности знака». Один из первых исследователей в области общей лингвистики в Америке Уильям Дуайт Уитни, по словам Соссюра, совершенно справедливо настаивал на произвольности языковых знаков, и именно поэтому, как утверждает Соссюр, «указал правильное направление развития лингвистики».

В последние годы этот принцип стал вызывать множество возражений. Соссюр пишет <...>, что означаемое слова не связано никаким внутренним отношением с последовательностью фонем, выступающей в роли его означающего, <...> «оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое „бык“ выражается означаемым b-ö-f (фр. boeuf) по одну сторону языковой границы и означаемым o-k-s (нем. Ochse) по другую сторону ее».² Но эта теория, у истоков которой стоит учение Уитни, вступает в явное противоречие с наиболее ценными и продуктивными идеями соссюровской лингвистики <...>

Самый выдающийся современный французский лингвист Эмиль Бенвенист в своей работе «О природе языкового знака» возражает Соссюру, утверждая, что «связь между означающим и означаемым отнюдь не произвольна; напротив, она *необходима*».³ С точки зрения французского языка, означаемое «бык» обязательно отождествляется с его означающим — с последовательностью звуков b-ö-f. «Вместе запечатлены они в моем сознании, — настаивает Бенвенист, — вместе возникают они в представлении при любых обстоятельствах. Симбиоз между ними

¹ См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по общему языкознанию / Пер. с фр. Л. М. Сухотина; под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.

² Там же. С. 100—101.

³ Бенвенист Э. Природа языкового знака // Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1974. С. 92.

столь тесен, что понятие „бык” является как бы душой акустического образа b-ō-f». ⁴

Вопреки тезису Соссюра, связь, соединяющая означаемое с означаемым, или, что то же самое, последовательность фонем со смыслом, является необходимой. Но единственно необходимым отношением в этой связи будет объединение этих двух аспектов на основе смежности, т. е. на основе внешнего фактора, в то время как объединение по сходству (т. е. основанное на внутреннем факторе) лишь факультативно. Оно присутствует только на периферии понятийной лексики, в ономатопоэтических и экспрессивных словах, таких, как «кукушка», «зигзаг», «хрустнуть» и т. д. Но вопрос о внутреннем отношении между звуками и значением слова этим не исчерпывается. Из-за недостатка времени мы только вскользь коснулись этого сложного и тонкого вопроса. Мы уже говорили, что, выполняя смысловозначительную функцию, сами различительные признаки лишены значения. Ни отдельно взятый различительный признак, ни отдельно взятый пучок различительных признаков, т. е. отдельно взятая фонема, сами по себе ничего не значат. Признак «назальный», так же как назальная (носовая) фонема /п/, не имеет собственного значения.

Но природа не терпит пустоты. В силу тесной связи между звуками и значением в слове, у говорящих возникает потребность это внешнее отношение дополнить внутренним, смежность дополнить сходством, «рудиментом» изобразительного начала. В нейропсихологии известно явление синестезии: по ее законам звуковые противопоставления могут выражать отношения, связанные с музыкальным, цветовым, обонятельным, тактильным и т. д. восприятием. Например, оппозиция высоких и низких фонем может вызвать ассоциацию с противопоставлениями *светлый — темный, острый — круглый, тонкий — толстый, легкий — массивный*, и т. д. Хотя этот «звуковой символизм», как называл его Сепир, который специально занимался данным вопросом, эта внутренняя значимость различительных признаков, и существует в скрытом, неявном виде, она может тут же проявиться, как только возникает соответствие между ней и значением данного слова, нашей эмоциональной или эстетической позицией относительно этого слова; еще ярче это проявляется в нашем отношении к словам с полярными значениями.

В поэтическом языке, где звук как таковой имеет самостоятельную значимость, звуковой символизм актуализируется и создает нечто вроде аккомпанемента означаемого.

<...> Исследуя символическую значимость фонемы как таковой, мы рискуем дать повод для двусмысленных и легковесных утверждений, поскольку фонема является сложным образованием, пучком различительных признаков. Эти последние по

⁴ Там же.

своей природе носят чисто оппозитивный характер, и каждая из этих позиций, взятая в отдельности, может быть объектом синестезии, ярчайшие примеры которой мы находим в детской речи.

Для Уитни все в структуре языкового знака произвольно, случайно, все, включая органы звукообразования. По этому поводу Соссюр пишет: «Уитни заходит слишком далеко, когда утверждает, что „наш выбор пал на голосовой аппарат совершенно случайно” и что „люди с таким же успехом могли бы избрать для этой цели язык жестов или воспользоваться языком зрительных образов вместо образов акустических”». Соссюр с полным основанием возражает, что голосовые органы «в каком-то смысле были навязаны нам природой», но в то же время, с точки зрения Соссюра, американский лингвист прав по существу: «Язык — это конвенция, и природа принятого по конвенции знака сама по себе роли не играет». Обсуждая вопрос о взаимоотношениях между «статической и эволюционной лингвистикой», Соссюр и его ученики утверждают, что «природные данные никак не должны учитываться в науке о языке» и провозглашают «случайный характер» любого данного состояния всякого языка, а также тех изменений, которые привели к этому состоянию. Инвентарь различительных элементов в любом языке только по чистой случайности включает эти, а не другие единицы, и каждый из этих элементов можно заменить другим, не имеющим ничего общего с данным с точки зрения чистой материи, но имеющим ту же самую различительную значимость и отождествляющим себя с ней. Соссюр усматривает в этом аналогию с шахматной игрой, во время которой вполне можно заменить сломанную или потерянную фигуру совсем другой вещью, но только при том условии, что она будет выполнять в игре ту же самую роль. При этом возникает вопрос, почему именно эти, а не другие различительные признаки или фонемы входят в фонологическую систему данного языка: является ли этот выбор совершенно случайным, произвольным, или ввиду того, что язык — это все-таки явление социальное, этот выбор так же, как и использование голосового аппарата, «в каком-то смысле навязан нам природой».

Мы уже говорили, что различительные знаки являются чисто оппозитивными сущностями. Отсюда вытекает, что в фонологической системе ни один различительный признак не может существовать изолированно, вне оппозиции. В соответствии с природой оппозиции, и в частности с ее логической природой, каждый из этих признаков требует присутствия в той же системе противоположного ему признака. Долгота не могла бы существовать без краткости, прерывистость — без непрерывности, свойство «высокий» — без свойства «низкий», и наоборот. Таким образом, двойственность членов оппозиции не является произвольной, она необходима. Оппозицию, в свою очередь, также нельзя рассматривать как изолированный факт в фонологической системе.

Оппозиции различительных признаков связаны между собой, т. е. существование одной оппозиции может необходимо требовать, допускать или не допускать присутствия некоторой другой оппозиции в той же фонологической системе, так же как и присутствие некоторого различительного признака в составе фонемы может исключать возможность или, наоборот, требовать присутствия некоторого другого признака или по крайней мере предсказывать его с большой вероятностью. Здесь фактор произвольности также весьма ограничен <...>

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА I МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ «ЗНАК И СИСТЕМА ЯЗЫКА» (ЭРФУРТ. ГДР. 1959)*

<...> для теории языка и для лингвистики в целом эти полвека стали эпохой существенных сдвигов. Как мне кажется, наша плодотворная дискуссия ясно показала, что именно в замечательном наследстве Соссюра нуждается в серьезном пересмотре и какие составные части его учения — в том виде, в каком оно сохранено для нас его учениками, — остаются актуальными и сегодня.

Что касается первого из двух основных принципов «Курса» (по Соссюру, *lex deux principes généraux*) — принципа произвольности языкового знака (*l'arbitraire du signe*), — то этот принцип сам оказывается произвольным, как это было ясно показано в ряде выступлений. Впрочем, еще в 1939 г. Бенвенист ("Acta Linguistica", N 1) убедительно доказал, что, исходя из синхронической точки зрения говорящего коллектива, который использует данные языковые знаки, ни^{ко}им образом нельзя приписывать этим знакам произвольный характер. Действительно, употребление слова *fromage* во французском и слова *cheese* в английском языке для обозначения сыра является вовсе не произвольным, а строго обязательным. Мне представляется, что из всей дискуссии по вопросу о так называемой произвольности и немотивированности знака вытекает, что "*l'arbitraire*" — это крайне неудачный термин и что данный вопрос трактовался гораздо правильнее еще в 80-х годах прошлого столетия в работах польского лингвиста Н. В. Крушевского, который был современником Соссюра и которого этот последний высоко ценил. Крушевский различал два основных фактора в жизни языка — два типа ассоциаций: по сходству и по смежности. Связь между определенным означающим (*signans*) и определенным означае-

* Отрывок взят из кн.: *Zeichen und System der Sprache*. Berlin, 1962. Bd II. Рус. пер.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях: 3-е изд. / Пер. с англ. И. А. Мельчука. М., 1965. Ч. 2. С. 395—402.

мым (*signatum*), которую Соссюр называет произвольной, является в действительности заученной и закрепленной обычаем связью по смежности, которая обязательна для всех членов данного языкового коллектива. Однако наряду со связью по смежности, весьма важную роль играет также связь по сходству — *la ressemblance*. Как указывалось здесь и как правильно отмечал Крушевский, принцип сходства имеет большое значение для словообразования, для формирования лексических гнезд, где сходство слов с общим корнем оказывается решающим фактором и где вовсе нельзя говорить о произвольности. . . . Наконец, остается вопрос о звуковом символизме < . . . > Проблема звукового символизма, на которой я не буду останавливаться подробнее, несмотря на все допущенные в прошлом ошибки, остается важной и актуальной проблемой лингвистических исследований — наряду с прочими вопросами изобразительной и указательной мотивированности (фундированности) языковых символов (или, как сказал бы Чарлз Сандерс Пирс, основатель семиотики, наряду с проблемами иконических символов также и символов-индексов) < . . . >

В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА*

«В человеческой речи разные звуки имеют разные значения». Отсюда Леонард Блумфилд в своей известной книге «Язык» (1933) делает вывод, что «изучать это соответствие определенных звуков определенным значениям и значит изучать язык».¹ Еще столетием раньше Вильгельм фон Гумбольдт учил, что «существует очевидная связь между звуком и значением, которая, однако, в редких случаях поддаваясь точному объяснению, обычно остается неясной». Проблема такой соотнесенности и связи всегда была кардинальной в уже немолодой науке о языке. Насколько этот факт был тем не менее временно предан забвению языковедами недавнего прошлого, показывает реакция на интерпретацию знака, и в частности языкового знака, как неразложимого единства означающего и означаемого у Фердинанда де Соссюра; этой интерпретации многократно воздавалась хвала за ее изумительную новизну, хотя давняя концепция вместе с терминологией была целиком перенесена из теории стоиков, существующей уже двадцать столетий < . . . >

Возможно, самым изобретательным и разносторонним из американских мыслителей был Чарлз Сандерс Пирс (1839—1914), — настолько великий, что ни в одном университете не

* Отрывок взят из кн.: Jakobson R. Quest for Essence of Language // Diogenes. Montreal, 1965. N 51. Рус. пер.: Семиотика / Пер. с англ. В. А. Виноградова и А. Н. Журицкого. М., 1983. С. 102—116.
¹ Блумфилд Л. Язык. М., 1968. С. 42. (Прим. ред. рус. пер.)

нашлось для него места. Первая попытка классификации знаков была сделана Пирсом в его проциательной работе «О новом списке категорий», которая вышла в "Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences" (1867); спустя сорок лет, подводя итоги «изучения природы знаков, которому он посвятил свою жизнь», Пирс отмечал: «Насколько мне известно, я являюсь пионером или, скорее, даже проводником в деле прояснения и обнаружения того, что я называю семиотикой, т. е. в учении о сущности и основных видах знакообозначения; я считаю, что для первопроходца это поле деятельности слишком обширно, а работа слишком велика» (<...> В 1903 г. он выражал твердое убеждение в том, что если бы ранее «учение о знаках» не было предано забвению и если бы оно было продолжено со всей силой ума и страсти, то к началу двадцатого столетия такие жизненно важные специальные науки, как, например, языковедение, уже находились бы «наверняка в более развитом состоянии, чем то, которого они обещают достигнуть в самом лучшем случае к концу 1950-го года» (<...>)

Полувековая работа Пирса по созданию общих основ семиотики имеет эпохальное значение, и если бы работы Пирса не остались большей частью не опубликованными вплоть до 30-х годов или если бы, по меньшей мере, его опубликованные работы были известны языковедам, они, несомненно, оказали бы ни с чем не сравнимое влияние на развитие лингвистической теории в мировом масштабе.

Пирс также проводит резкое различие между «материальными качествами» — означающим любого знака и его «непосредственной интерпретацией», т. е. означаемым. Знаки (или, по терминологии Пирса, репрезентамены (representamina)) обнаруживают три основных вида знакообозначения, три различных «репрезентативных свойства», которые основаны на разных взаимоотношениях между означающим и означаемым. Это различие позволяет Пирсу выделить три основных типа знаков.

1. Действие иконического знака основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например рисунка какого-то животного и самого животного, первое заменяет второе «просто потому, что оно на него похоже».

2. Действие индекса основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого; «с точки зрения психологии действие индекса зависит от ассоциации по смежности», например, дым есть индекс огня, и подтвержденное пословицей знание того, что «нет дыма без огня», позволяет человеку, интерпретирующему появление дыма, сделать заключение о наличии огня, безотносительно к тому, был или не был огонь зажжен намеренно, чтобы привлечь чье-то внимание; то, что обнаружил Робинзон Крузо, было индексом: его означающим был отпечаток ноги на песке, а установленным по нему означаемым — присутствие на этом острове человека; по Пирсу, индекс

сом является ускорение пульса как возможный симптом жара, и в этих случаях его семиотика фактически сливается с исследованием симптомов болезней в медицине, которое называют семиотикой, семиологией или симптоматологией.

3. Действие символа основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. Сущность этой связи «состоит в том, что она является правилом» и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности. При интерпретации любого данного символа знание этого конвенционального правила обязательно, и знак получает действительную интерпретацию только потому и просто потому, что известно это правило. Первоначально слово «символ» употреблялось в сходном смысле также Соссюром и его учениками, но позже он возражал против употребления этого термина, потому что в традиционном понимании последнего предполагается некоторая естественная связь между означающим и означаемым (например, весы как символ правосудия). Достаточно сопоставить употребление Пирсом термина «символ» с различными значениями слова *символизм*, чтобы осознать, что здесь имеется опасность досадных двусмысленностей; но за неимением лучшего мы вынуждены сохранить термин, введенный Пирсом.

Рассмотренные семиотические соображения вновь вызывают к жизни вопрос, который с проницательностью обсуждался в «Кратиле», замечательном диалоге Платона: закрепляет ли язык форму за содержанием «по естеству» (*phýsei*), как это утверждает главный герой диалога, или «по соглашению» (*thései*), как это утверждается в контраргументах Гермогена. Примиряющий обе стороны Сократ склонен в диалоге Платона согласиться, что репрезентация через подобие преобладает над использованием произвольных знаков, но, несмотря на привлекательную силу подобия, он чувствует себя обязанным признать дополнительный фактор — условность, обычай, привычку.

Среди ученых, которые в своей трактовке этого вопроса следовали по стопам платоновского Гермогена, важное место принадлежит йельскому языковеду Дуайту Уитни (1827—1894), который выдвинул тезис о языке как об общественном учреждении. В фундаментальных трудах Уитни, относящихся к 60—70-м годам XIX в., язык определялся как система произвольных и условных знаков (<...>)

Это учение было заимствовано и развито Ф. де Соссюром и вошло в посмертное издание его «Курса общей лингвистики» (1916), осуществленное его учениками Ш. Балли и А. Сеше. Учитель провозглашает: «В существенном моменте, как нам кажется, американский лингвист прав: язык — это соглашение; природа знака, о котором принимается соглашение, остается безразличной». Произвольность выдвигается Соссюром в качестве первого из двух основных принципов, определяющих природу

языкового знака: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна»² <...>

Сформулированный принцип был главенствующим во всей науке о языке (*la langue* в сосюрловском смысле этого термина, т. е. языковой код); последствия его неисчислимы. В согласии с Балли и Сеше, А. Мейе и Ж. Вандриес также подчеркивали «отсутствие связи между значением и звуком», и Блумфилд вторил тому же принципу: «Языковые формы являются произвольными».

Само собой разумеется, что согласие с сосюрловской догмой произвольности языкового знака было далеко не единодушным. Так, Отто Есперсен отмечал (1916), что роль произвольности в языке слишком преувеличена и что ни Уитни, ни Сосюрю не удалось решить проблему взаимоотношения между звуком и значением. Отклики Ж. Дамуретта, Э. Пишона и Д. Л. Болинджера были озаглавлены одинаково: «Знак не произволен» ("Le signe n'est pas arbitraire" (1927), "The sign is not arbitrary" (1947)). Э. Бенвенист в своей весьма своевременной статье «Природа языкового знака» („Nature du signe linguistique", 1939) раскрыл тот решающий факт, что только для беспристрастного и стороннего наблюдателя связь между означающим и означаемым является чистой случайностью, в то время как для носителя данного языка эта связь превращается в необходимость³ <...>

Одной из важнейших черт семиотической классификации Пирса является тонкое осознание того, что различие трех основных классов знаков—это лишь различие в относительной иерархии. В основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, равно как и не исключительно фактический или исключительно условный, привычный характер связи между двумя составляющими, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими. Так, ученый говорит об «иконических знаках, в которых сходство поддерживается конвенциональными правилами»; в соответствии с традицией некоторых средневековых школ живописи злодеи в отличие от других персонажей последовательно изображались в профиль, а в древнеегипетском искусстве — только анфас. Пирс заявляет, что «было бы трудно, если не невозможно, привести пример абсолютного чистого индекса или пример знака, абсолютно лишённого свойства индекса». Такой типичный индекс, как указующий перст, передает неодинаковое значение в различных культурах; например, у некоторых южноафриканских племен, показывая пальцем на какой-нибудь предмет, его таким образом проклинают. С другой стороны, «в символ всегда

² Сосюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 100.

³ См.: Benveniste E. Nature du signe linguistique // Acta Linguistica. 1939. Vol. 1. P. 23—29.

включается своего рода индекс», и «без индексов было бы невозможно обозначить, о чем человек говорит».

Интерес Пирса к разным уровням взаимодействия трех выделенных функций во всех трех типах знаков и в особенности пристальное внимание к индексальным и иконическим компонентам языковых знаков непосредственно связаны с его тезисом, утверждающим, что «самые совершенные из знаков» — те, в которых иконические, индексальные и символические признаки «смешаны по возможности в равных отношениях». Напротив, настойчивое подчеркивание условности языка Соссюром связано с его утверждением, что «полностью произвольные знаки наиболее пригодны для обеспечения оптимального семиотического процесса».

⟨...⟩ попытаемся ⟨...⟩ рассмотреть иконический аспект языковой структуры и дать ответ на вопрос Платона: какого рода подражание (*mimesis*) используется языком для соединения означающего с означаемым?

Последовательность глаголов *veni, vidi, vici* сообщает нам о порядке деяний Цезаря прежде всего и главным образом потому, что последовательность сочиняемых форм прошедшего времени используется для воспроизведения хода событий. Временной порядок речевых форм имеет тенденцию к зеркальному отражению порядка повествуемых событий во времени или по степени важности. Такая последовательность, как «На собрании присутствовали президент и государственный секретарь», гораздо более обычна, чем обратная, потому что первая позиция в паре однородных членов отражает более высокое официальное положение.

Соответствие в порядке между означающим и означаемым находит свое место среди «основных возможных видов знакообозначения», очерченных Пирсом. Пирс выделяет два отличных подкласса иконических знаков: *образы* и *диаграммы*. В образах означающее представляет «простые качества» означаемого, в то время как у диаграмм сходство между означающим и означаемым «касается только отношений их частей». Пирс определяет диаграмму как «репрезентатив, являющийся по преимуществу иконическим знаком отношения, стать каковым ему способствует условность». Примером подобного «иконического знака», отражающего отношения частей означаемого, могут служить прямоугольники разных размеров, которые выражают количественное сравнение производства стали в разных странах. Отношения в означающем соответствуют отношениям в означаемом. В таких типичных диаграммах, как статистические кривые, означающее представляет собой изобразительную аналогию с означаемым в том, что касается отношения их частей ⟨...⟩ Теория диаграмм занимает важное место в семиотических исследованиях Пирса; он отдает должное значительным достоинствам диаграмм, вытекающим из того, что они являются «поистине ико-

ническими знаками, естественно аналогичными обозначаемому предмету». Рассмотрение различных множеств диаграмм приводит Пирса к утверждению, что «каждое алгебраическое уравнение является иконическим знаком, поскольку оно представляет с помощью алгебраических знаков (которые сами иконическими не являются) отношения соответствующих количеств». Любая алгебраическая формула оказывается иконическим знаком в силу правил коммутации, ассоциации и дистрибуции символов. Таким образом, «алгебра — лишь одна из разновидностей диаграммы», а «язык — лишь один из видов алгебры». Пирс отчетливо понимал, что, например, «аранжировка слов в предложении должна служить в качестве иконического знака, чтобы предложение могло быть понято».

Обсуждая грамматические универсалии и почти-универсалии, обнаруженные Дж. Х. Гринбергом, я отмечал, что порядок значимых элементов обнаруживает в силу своего явно иконического характера особенно ясно выраженную склонность к универсальности (см. мой доклад в сб. "Universals of Language" / Под ред. Дж. Х. Гринберга. Cambridge (Mass.), 1963). Именно поэтому в основных предложениях всех языков порядок, при котором условие предшествует следствию, является нормальным, первичным, нейтральным, немаркированным. Если почти во всех языках, опять-таки согласно данным Гринберга, в повествовательном предложении с именными субъектом и объектом первый, как правило, предшествует второму, то этот грамматический процесс с очевидностью отражает иерархию грамматических понятий.

Изучение диаграмм нашло свое дальнейшее развитие в современной теории графов. Языковед (<...>) невольно поражает подозрительная аналогия между графами и грамматическими моделями. Изоморфное строение означающего и означаемого обнаруживает в обеих областях похожие средства, которые облегчают точную транспозицию грамматических и особенно синтаксических структур в графы. В строении графов находят близкую аналогию такие свойства языка, как связанность языковых объектов друг с другом, а также с начальной границей цепочки, непосредственное соседство и связь на расстоянии, центральность и периферийность, симметричные и асимметричные отношения, эллипсис отдельных компонентов. Буквальный перевод всей синтаксической системы на язык графов позволит отделить диаграммные, иконические формы отношений от строго условных, символических черт этой системы.

Ярко выраженный диаграммный характер носит соединение не только слов в синтаксические группы, но и морфем в слова. И в синтаксисе, и в морфологии любое отношение частей и целого согласуется с пирсовским определением диаграмм и их иконической природы (<...>).

Морфология богата примерами знаков, в которых проявляется эквивалентность отношения между означающими и означае-

мыми. Так, в индоевропейских языках положительная, сравнительная и превосходная степени прилагательных обнаруживают постепенное нарастание числа фонем, например: high — higher — highest, altus — altior — altissimus. Таким способом означающие отражают градацию означаемых по степени качества.

Есть языки, в которых формы множественного числа отличаются от формы единственного дополнительной морфемой, в то время как, по данным Гринберга, нет такого языка, в котором это отношение было бы обратным. Означающее плюральной формы проявляет тенденцию отражать значение количественного превосходства путем удлинения этой формы... В склонении русских существительных реальные (ненулевые) окончания одного и того же падежа во множественном числе длиннее, чем в единственном. Прослеживая по разным славянским языкам различные исторические процессы, которые постоянно создавали это соотношение, можно убедиться, что эти и многие подобные данные лингвистических наблюдений расходятся с утверждением Соссюра, что «в звуковой структуре означающего нет ничего, что носило бы какое-либо сходство со значимостью или значением знака» (...). Таким образом, синтаксические диаграммы в системе языка как знаковой системы важны не менее словаря.

Оставляя грамматику и переходя к строго лексическим проблемам корней и далее неделимых одноморфемных слов (...). мы должны вслед за участниками платоновского диалога задаться вопросом: разумно ли на этом остановиться, прекратив обсуждение внутренней связи между означающим и означаемым, или же нужно без умных уверток «играть игру до конца и отважно исследовать эти вопросы» (...).

Новообразования типа *slithy* 'скользящий' (перен.) из *slimy* 'скользящий', 'подобострастный' и *lithe* 'гибкий', 'сговорчивый' и многочисленные виды смещений и контаминированных форм вскрывают взаимное сцепление простых слов, приводящее к тесному взаимодействию их означающих и означаемых.

В цитированной выше работе Д. Л. Болинджера ("The sign is not arbitrary", 1947) показывается «огромная важность взаимодействий» между звуком и значением и «объединение слов, имеющих похожие значения в соединении с похожими звуками», независимо от происхождения таких группировок (например, *bash* 'ударять', *mash* 'разваливать', *smash* 'разбивать вдребезги', *crash* 'рушиться с грохотом', *dash* 'швырнуть', *lash* 'хлестнуть', *hash* 'рубить', *gash* 'бросаться', *brash* 'ломать', *clash* 'столкнуться', *trash* 'отбросы', *plash* 'плескаться', 'плавать', *splash* 'брызгать', *flash* 'мелькнуть'). Такие слова смыкаются со звукоподражательными словами, для синхронного анализа которых генетические вопросы опять-таки совершенно несущественны.

Парономазия (паронимия), или смысловое сближение фонологически сходных слов, независимо от их этимологической связанности играет значительную роль в жизни языка... И все

же на обычном, лексическом уровне взаимодействие звука и значения носит скрытый, виртуальный характер, тогда как в синтаксисе и морфологии (равно как в словоизменении и в словообразовании) внутреннее, диаграммное соответствие между означающим и означаемым очевидно и обязательно<...>

Грамматические чередования в корнях приводят нас снова в область регулярных грамматических процессов. Выбор чередующихся фонем может быть чисто условным, как, например, использование передних гласных в «умлаутных» формах множественного числа в идише, приводимых Сепиром: tog 'день' — teg 'дни', fus 'нога' — fis 'ноги' и т. д. Существуют, однако, примеры аналогичных грамматических «диаграмм» с явно иконическим значением самих альтернантов, как, скажем, частичная или полная редупликация корня в плюральных, итеративных, дуративных или аугментативных формах различных африканских и американских языков. В баскских диалектах палатализация, повышающая тональность согласных, передает идею уменьшения. Замещение низких периферийных гласных или согласных высокими непериферийными, компактными — диффузными, непрерывных согласных — прерванными и неабруптивных — абруптивными (глоттализированными), используемое в ряде американских языков «для добавления к значению слова идеи малости», и обратная подстановка для выражения увеличительной, интенсивной степени — все это основано на скрытой синестетической значимости, присущей некоторым фонемным противопоставлениям. Эта значимость, легко обнаруживаемая тестами и экспериментами по восприятию звуков и особенно заметная в детской речи, может создавать шкалу «уменьшительных» и «увеличительных» значений, противопоставленных нейтральному. Наличие низкой или высокой фонемы в корне слова в языке дакота или чинук само по себе не сигнализирует о более высокой или более низкой степени интенсивности, в то время как сосуществование двух чередующихся звуковых форм одного и того же корня создает диаграммный параллелизм между оппозициями двух тональных уровней в означающих и двух градуирующих значений в соответствующих означаемых.

Автономная иконическая значимость фонемных оппозиций, если не считать относительно редких случаев ее грамматического использования, реже проявляется в чисто фактографических сообщениях, чем в поэтическом языке, в котором она становится особенно явственной<...>

Впечатляющее воздействие звуковой фактуры проявляется в поэтическом языке в двух направлениях: в выборе и в группировке фонем и их составляющих; эти два выразительных фактора, навевающих образы, хотя и скрыты, но присутствуют и в нашем обычном речевом поведении.

Заключительная глава романа Жюль Ромена «Детская любовь» ("Les amours enfantines") называется «Шумы улицы Рео-

мюр» ("Rumeur de la rue Réaumur"). Писатель говорит о названии этой парижской улицы, что она напоминает песню колес и стен и разные другие виды городского шума, вибрации и грохота. Эти мотивы, слитые в книге с темой приливов и отливов, воплощены в звуковом рисунке rue Réaumur. Из согласных фонем в это название входят только сонорные; последовательность состоит из четырех сонорных (S) и четырех гласных (V); SVSV и VSVS — зеркальная симметрия с группой ru в начале и ее перестановкой ur в конце. Начальный и конечный слоги названия трижды отражаются словесным окружением: rue Réaumur, rumeur, rouses . . . murailles, trepidation d'immeubles (шум, колеса . . . стены, дрожание зданий).

Искусное переплетение одинаковых и контрастных признаков в этой «песне колес и стен», подсказанное банальным уличным названием, дает решающий ответ на провозглашенное Александром Попом требование: «Звук должен быть откликом смысла».

Постулируя два изначальных языковых свойства — произвольность знака и линейность означающего, — Соссюр приписывал им обоним одинаково фундаментальную важность. Он полагал, что, если эти законы верны, они будут иметь «ненumerные последствия» и определяют «весь механизм языка». Однако система диаграмматизаций, явная и обязательная для всей синтаксической и морфологической системы языка, но существующая в латентном и виртуальном виде и в его лексическом аспекте, разрушает догму Соссюра о произвольности, в то время как второй из его «общих принципов» — линейность означающего — был поколеблен разложением фонем на различные признаки. Устранение этих основных положений требует, в свою очередь, пересмотра и выведенных из них заключений.

Таким образом, наглядная и ясная идея Пирса, что «символ может представлять собой иконический знак или (перепишем этот союз в современном стиле: и/или) индекс», ставит перед наукой о языке новые, насущные задачи и открывает перед ней многообещающие перспективы. Указания этого «проводника в семиотике» влекут за собой важные последствия для лингвистической теории и практики. Иконические и индексальные составляющие языкового знака слишком часто недооценивались и даже вовсе не принимались во внимание; с другой стороны, преимущественно символический характер языка и вытекающее отсюда кардинальное отличие его от других, главным образом индексальных или иконических, систем знаков также ожидает должного учета в современной лингвистической методологии.

II. ФИЛОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Г. Пауль

ПЕРВОТВОРЧЕСТВО*

§ 122. До сих пор мы неизменно руководствовались правилом выводить наши суждения о тех или иных языковых процессах из наблюдений над теми периодами исторического развития языка, которые можно достаточно четко проследить, и лишь исходя из этих наблюдений позволяли себе делать выводы относительно древнейших периодов его истории. Такого же принципа нам следует по возможности придерживаться и при рассмотрении первотворчества, хотя здесь это будет сопряжено со значительно большими затруднениями. Нам редко предоставляется возможность непосредственно наблюдать этот процесс. Ведь те единичные случаи, которые время от времени доходят до нас, вроде произвольно созданного слова «газ», не могут дать сколько-нибудь ясного представления о его естественном протекании. Это набрасывает на него некий покров таинственности, что способствует возникновению все новых и новых теорий, пытающихся найти его разгадку в какой-то своеобразной способности первобытного человека к словотворчеству, которую якобы утратило современное человечество. Подобные взгляды следует решительно отвергнуть. Физическая и духовная организация современного человека несомненно отвечает всем тем условиям, которые были бы необходимы для языкотворчества первобытных людей. Более того, умственные способности человека достигли с тех пор гораздо более высокой степени совершенства, и это обязывает нас сделать вывод, что в наши дни предпосылки для языкотворчества стали гораздо шире и богаче, чем в те времена, когда человеческая речь только еще возникала. Если мы почти свели на нет создание нового языкового материала, то это объясняется

* Отрывок взят из кн.: Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl. Halle, 1937 (1-е изд. 1880). Рус. пер.: Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. М., 1960. С. 212—228.

лишь тем, что мы уже не испытываем потребности в нем. Какое бы представление или ощущение у нас ни возникло, мы, как правило, всегда находим те или иные ассоциации, связывающие их с доставшимся нам по наследству языковым материалом. Этот материал, с которым мы раз и навсегда свыклись, составляет столь огромную массу, что ничто новое не может пробиться рядом с ним, тем более, что его еще можно легко расширять за счет многообразных сочетаний его элементов и переносов значений. Но если бы нам удалось в порядке эксперимента тщательно изолировать от внешнего мира группу детей, еще не умеющих говорить ни на каком языке, так, чтобы они росли, общаясь только друг с другом, то вряд ли можно сомневаться в том, к чему привел бы подобный опыт: подрастая, они выработали бы собственный язык, состоящий из самостоятельно созданных ими слов <...>

§ 123. Однако нам незачем искать доказательств так далеко. Мне кажется, мы вправе утверждать, что *даже и в языках цивилизованных народов Европы создание нового языкового материала никогда не прекращалось совсем*. Несмотря на успехи, достигнутые за последние десятилетия в области этимологии индоевропейских языков, значительное количество слов остается все же необъясненным, так как мы не можем ни вывести их из корней праязыка, ни признать их заимствованиями из других языков. Просмотрев лексический состав диалектов современного немецкого языка, мы даже и там обнаружим немало слов, для которых мы не сумеем найти соответствия в лексике средневерхнемецкого. Конечно, причину этого следует искать прежде всего в том, что древняя лексика дошла до нас с большими пробелами, а наши научные построения пока что еще несовершенны. Но тем не менее остается еще значительное число таких случаев, когда мы вообще вряд ли вправе надеяться на то, что знание развития звуков и законы аналогии когда-нибудь помогут нам установить связи между соответствующими словами и более древним языковым материалом. Это обязывает нас сделать вывод, что в новые и новейшие периоды развития языка люди не только обладают способностью к первотворчеству, но и проявляют ее на деле. Мы должны еще раз отвергнуть теорию о том, будто бы в развитии языка следует различать два периода: период, когда создавался первоначальный языковой материал, так называемые корни, и период, когда люди якобы довольствовались лишь комбинированием элементов уже имевшегося в их распоряжении материала. Нет такого этапа в развитии народного языка, на котором первотворчество было бы уже завершившимся процессом. Но, с другой стороны, очевидно и то, что вскоре после создания первых слов вступили в силу те самые способы дальнейшего расширения первоначально созданного материала, которые мы наблюдаем в более поздние периоды. В этом смысле различие между отдельными периодами разви-

тия носит не качественный, а лишь количественный характер. В ходе развития меняется лишь соотношение между процессом первотворчества и процессом передачи созданного материала из поколения в поколение, а также между первотворчеством и другими способами обогащения лексики, как-то: расширение значения слова с помощью апперцепции, комбинирование простейших элементов, образование по аналогии и пр.

§ 124. Как мы уже установили раньше, сущность процесса первотворчества заключается в том, что тот или иной звуковой комплекс связывается с каким-то комплексом представлений, который и придает этому звуковому комплексу известное значение, причем связь между ними устанавливается без посредничества какого-либо родственного комплекса представлений, уже ранее связанного с данным звуковым комплексом. Такой акт первотворчества вначале всегда случаен, мимолетен, и созданное таким образом слово может исчезнуть, не оставив заметных следов. Для того, чтобы из подобных актов возник настоящий язык, они должны оказывать более длительное и прочное воздействие на психику, так чтобы в дальнейшем можно было, опираясь на значение, воспроизвести по памяти звучание и, опираясь на звучание, воспроизвести значение. Кроме того, слово должно быть понято и воспроизведено также и другими индивидами.

Выводы, полученные нами из наблюдений над возникновением новых слов по аналогии и над усвоением новых понятий с помощью имеющегося в наличии запаса слов, мы вполне можем применить и при рассмотрении первотворчества. До сих пор мы неизменно убеждались, что обозначение нового происходит за счет апперцепции с тем, что уже получило название, — или путем простого переноса имеющегося названия на новое понятие, или с помощью сложного или производного слова, образованного от этого простого названия; другими словами, между вновь названным объектом и его названием всегда имеется причинная связь, промежуточным звеном которой служит какой-либо ранее названный объект. Сначала такая причинная связь является необходимым условием для того, чтобы соответствующее название вообще возникло в сознании индивида, впервые его употребляющего, и для того, чтобы оно могло быть понято другими. Лишь благодаря многократному повторению эта причинная связь становится излишней, так как ее постепенно заменяют уже успевшие стать достаточно прочными внешние ассоциации. Отсюда неизбежно напрашивается вывод, что и первообразования тоже нуждаются в такого рода причинной связи, без которой они вообще не могут быть созданы и поняты другими людьми. Поскольку промежуточного звена здесь уже нет, следует ожидать, что связь между объектом и его названием будет непосредственной. Кроме того, в самом начале понимания способствует еще и возможность непосредственного со-

зерцания, вытекающая из ситуации, а также язык жестов — точно так же, как это имеет место при закреплении новых представлений за уже существующим словом (<...>)

§ 125. Обратившись к рассмотрению слов, которые в силу тех или иных причин дают нам основание считать их относительно поздними первообразованиями, мы обнаружим, что большинство из них обозначает разного рода звуки и движения. Ср., например, нов.-в.-нем. *bambeln, bammeln* 'висеть, болтаться', *bimmeln* 'слоняться, шляться', *bimmeln* 'звенеть, дребезжать', нижн.-нем. *batzen* 'с шумом свалиться', *bauzen* (= *batzen*) 'лаять', *belfen, belfern, blaffen* 'тявкать, гавкать', *blarren, blerren* 'хныкать', *blatzen, platzen, pletzen* 'лопаться', *blentschen, pletschen, platschern, planschen, panschen, plätschern* 'плескаться, бултыхаться', *blodern, plaudern* 'болтать', *blubbern, plappern* 'тараторить', *blauzen* 'бухаться, шлепаться', *Boller* (звукоподр.) 'пушка', *bollern, bullern, ballern, boldern, poldern* 'палить (из пушки), греметь, гроыхать, грохотать', *bozpern, bumpern* 'шуметь стучать', *Buff, Puff* 'толчок, тумак; звук выстрела', *buffen, ruffen* 'дать тумака, произвести (звук, похожий на) выстрел', *birren* 'тпрукать; произносить брр!', *bubbeln, rirren*, *rippern* 'хлопать', *dudeln* 'гудеть, дудеть', *fimmeln, fummeln* 'мелькать, мельтешиться', *flattern* 'порхать', *Flinder* 'мишура, блестки, висюльки, побрякушки', *flindern* 'мерцать', *Flinderling* 'побрякушка', *flandern* 'мелькать', *flink* 'проворный', *flinken, flinkern, flirren, flarren, flarzen, flartschen* 'сверкать, мерцать, блестеть', *flismen, flisperm* 'шелестеть; шушукаться', *Flitter* 'блестка', *flodern* 'пылать', *flunkern* 'искриться', *flüstern* 'шептать (ся)', *gackeln, gackern* 'кудахтать, гоготать', *Gautsche* 'качели', *gautschen* 'качаться', *glucken* 'квохтать', *glucksen* 'квохтать; булькать, хлопать', *grackeln* 'крякать', *hampeln* 'дрыгать; дергаться', *humpen, humpeln* 'прихрамывать, ковылять', *hätscheln* 'баюкать; лелеять, баловать', *holpern* 'спотыкаться; трястись', *hurren, huschen* 'шмыгать', *kabbeln* 'плескаться', *kichern* 'хихикать', *kirren* 'ворковать', *kischen* (= *zischen*) 'шипеть', *klabastern* 'тявкать', *Klachel* или *Klächel* — в баварск. 'язык колокола или другой болтающийся предмет', *klatschen* 'хлопать, шлепать, шелкать', *kletzen* 'лязгать', *kleschen* (= *klatschen*) 'хлопать', *klimpern* 'бренчать', *klirren* 'дребезжать', *Klunker* 'висюлька', *knabbeln, knabbern, knarpen, knarzen, knarschen, knirren* 'скрипеть', *knirschen* 'скрежетать (зубами)', *knurren* 'рычать, урчать', *knascheln* 'скрежетать, скрипеть', *knaspeln, knastern, knistern* 'потрескивать, шуршать', *Knaster, Knasterbart* 'ворчун, брюзга', *knatschen, knetschen, knitschen, knutschen* 'мять, комкать, тискать', *knattern* 'трещать, потрескивать', *knittern* 'комкать, мять', *knuffen, knüffeln* 'тузить', *knüllen* 'комкать', *knurrern, knuspern* 'грызть, глотать', *kollern* 'клохтать, ворковать, катиться кувырком', *kullern* 'катиться кувырком', *krabbeln* 'барахтаться, копошиться', *krib-*

beln 'барахтаться, копошиться; зудеть', krakeln, krakeln 'кря-
 кать', kreischen 'пронзительно визжать', kuckern (cucurige) 'ку-
 карекать', lodern 'пылать (перв. 'колыхаться')', lullen 'баюкать',
 tuckern, tucksen 'пискнуть', munkeln 'перешептываться', murren
 'роптать, ворчать', nutschen 'сосать', pfuschen 'плохо работать
 (перв. 'шипеть')'; rimpeln 'хныкать', rimpelig 'изнеженный', pinken
 'кричать, как зяблик', pladdern 'шуметь (о дожде)', plumpsen
 'бухаться, шмякаться', prasseln 'трещать; падать с
 шумом (о граде, дожде)', prusten 'фыркать, прыскать', quabbeln
 'дрожать, колыхаться', quabbelig 'студенистый, дряблый',
 quackeln 'тараторить', quaken 'квакать, крякать', quaken 'пищать,
 визжать', quieschen, quieken 'пищать, визжать', garpeln 'греметь,
 стучать', garpen 'хватать', gascheln 'шелестеть, шуршать', gasseln
 'брякать, бряцать', gauspern 'откашливаться', gempeln 'толкать-
 (ся)', Rummel 'шум, суматоха', gumpeln 'громоухать', güppeln
 'дергать, щипать, рвать', schlabbern 'лакать', schlampen, schlam-
 pampen 'ходить неряшливым', schluckern 'глотать, давиться',
 schlottern 'трястись, дрожать; болтаться (о платье)'; schlürfen
 'скользнуть, выскользнуть', schmettern 'швырять; греметь, оглу-
 шительно звучать', schnack 'болтливый', schnacken 'болтать,
 пустомелить', schrill 'пронзительный', schummeln 'шмыгать',
 schwabeln 'болтать вздор', schwarpen 'шлепать(ся)', stöhnen
 'стонать', stolpern 'спотыкаться', strullen 'лить как из ведра',
 summen, surren 'жужжать, гудеть', tatschen, tatschen 'пошлепы-
 вать, трепать', tätscheln 'ласково похлопывать', ticken 'тикать',
 tockeln 'шататься' (о пьяных), turzeln в гессенском = tockeln
 'шататься', tuten 'гудеть', wabbeln, wibbeln 'качаться, колыхать-
 ся', watscheln 'ходить вперевалку', wimmeln 'кишеть', wimmern
 'стонать, хныкать; скулить'; wudeln 'кишеть; бурлить', ziepen
 'чирикать', zigren 'стрекотать', zischen 'шипеть', zischeln 'шеп-
 тать(ся)', zullen и zulpen 'сосать', züsseln (=schütteln) 'тряс-
 ти(сь)', zwitschern 'щебетать'. Некоторые слова обозначают од-
 новременно и звук и действие по глаголу типа «лопнуть, разор-
 ваться»: Klack 'щелк', Klaff 'тявк'; другие — звук и грязное пят-
 но: Klacks, Klecks, Klatsch 'хлоп, шлеп' и в то же время «кляк-
 са, пятно, лужица». Я намеренно ограничил свой выбор такими
 словами, появление которых впервые зафиксировано в период
 позднего средневерхненемецкого. Не менее обширный перечень
 такого рода слов, не имеющих никаких соответствий в других
 индоевропейских языках, можно было бы составить из лексики
 более древних германских диалектов, а также из греческой и
 латинской лексики. Мы волей-неволей должны сделать вывод,
 что здесь-то и следует искать сферу действия первотворчества;
 конечно, этот вывод справедлив лишь постольку, поскольку мы
 в состоянии проникнуть в глубь времен.

Испытываемое нами ощущение внутренней связи между зву-
 чанием и значением подобного рода слов отнюдь еще не явля-
 ется доказательством того, что любое отдельно взятое слово

этой группы и в самом деле обязано своим происхождением именно такой связи. Известен целый ряд случаев, когда было доказано, что тот особый фонетический облик или же значение, благодаря которым подобные слова производят впечатление ономапоэтических, были ими приобретены лишь в ходе позднейшего развития. Однако рассмотрев эти слова в их совокупности, мы вынуждены будем отбросить предположение о том, что их нынешний облик всегда является делом случая. Большое значение имеет здесь и то, что среди них часто встречаются очень похожие друг на друга варианты с тождественным или же очень близким значением, которые различаются обычно только гласным, хотя по фонетическим законам их нельзя возвести к одной общей первоначальной форме. В других языках также нередко наблюдаются сходно звучащие слова подобного рода, которые, согласно фонетическим законам, нельзя рассматривать как родственные.

Лишь ономапоэтическим инстинктом можно объяснить также и некоторые *видоизменения, претерпеваемые уже сложившимися словами*. Одним из самых характерных примеров таких видоизменений является ср.-в.-нем. *gouch* = нов.-в.-нем. *Kuckuck* 'кукушка' с промежуточными формами *guckauch*, *guckisch* и др. Эти образования тоже обозначают отчасти звуки, отчасти беспоконные движения. Подобные видоизменения явно не имеют ничего общего с обычным развитием звуков, и их следует рассматривать как *частичные новообразования*.

§ 126. В связи с этим нам надо заняться природой междометий.

Нам следует различать две разновидности междометий. Первые выражают только внутреннюю эмоцию, например нем. *o*, *ach*, *pfui* 'фу'. Некоторые из них относятся к какой-нибудь вполне определенной эмоции, как, например *pfui*, выражающее брезгливое отвращение. Другие, как, например, *o* и *ach*, могут быть вызваны самыми разными эмоциями, т. е. выступают как артикулируемые субстраты, которые сами по себе довольно неопределенны и наполняются более конкретным содержанием лишь благодаря сопутствующей им эмоциональной интонации. Однако эта неопределенность их значения, по-видимому, не является исконной. Первоначально *ach* было скорее всего междометием, выражающим только боль. В средневерхненемецком имелось другое междометие для выражения боли — *ouwe* (нов.-в.-нем. *auweh*), получившее почти такое же широкое распространение, как и нов.-в.-нем. *ach*, которое в настоящее время вновь вытеснило его. Традиционный характер этих междометий сказывается также и в том, что при особо благоприятных условиях они могут даже заимствоваться из других языков, как и все прочие категории слов. Так, например, наше «о» пришло из латыни. Кроме того, как показывают наблюдения над самыми различными языками, междометия могут возникать из других слов и

словосочетаний; ср., например, нем. *ach Gott* 'боже мой', *alle Wetter* 'черт побери'. Однако надо полагать, что известная часть междометий этого рода возникла все-таки не из других категорий слов, а восходит непосредственно к звукам, выражающим эмоции. От этих междометий можно производить глаголы; ср. нем. *ächzen* 'стонать, кряхтеть' <...>

Эти глаголы представляют собой поздние образования, однако мы вполне можем предположить, что на разных стадиях развития языка, когда он был еще аморфным, междометия эмоционального характера брали на себя непосредственно глагольные функции <...> Итак, мы вправе констатировать возможность того, что известная часть лексического материала немеждометного характера тоже восходит к эмоциональным выкрикам, возникшим в результате первотворчества.

Вторая разновидность междометий очень тесно связана с рассмотренными оноματοпоэтическими образованиями. Эти междометия относятся не только к внутренним эмоциям, но и к внешним явлениям. Они представляют собой ответную реакцию на внезапные зрительные или слуховые раздражения. Во всяком случае, именно так мы должны рассматривать их первоначальный характер. Кроме того, они употребляются для передачи воспоминаний об явлениях, вызывающих подобные внезапные раздражения, и для повествования о них. Я имею в виду слова типа нем. *raff* 'паф, бух!', *ratsch* 'шлеп', *bardautz*, *perdauz*, *bauz*, *blauz* 'бац, бух!', *blaff* 'тяв-тяв!', *buff*, *puff* 'пиф-паф! бум!', *bums* 'бум', *futsch* 'пшик!', *hurge*, *husch* 'шмыг! шасть!', *hussa* 'усть! ату!!', *klacks*, *klaps* 'шелк!', *kladderadatsch* 'трах! тарарах!', *knacks* 'шелк!', *plump*, *plumps* 'шлеп! бултых!', *gatsch* 'шелк!', *gutsch* 'шмыг!', *schrumm* 'трр!', *schwapp* 'шлеп!', *wupp* 'гоп-ля!' и т. д.¹ Некоторые из этих слов являются существительными или же соотносятся с глаголами того же корня, так что в ряде случаев бывает трудно сказать, что данное слово представляло собой первоначально. Впрочем, это не столь существенно — важно то, что мы так или иначе признаем их за ответную реакцию на раздражение наших органов чувств.

Ономатопоэтический характер подобных междометий проявляется еще более отчетливо при часто наблюдаемом у них удвоении и утроении корней <...> в особенности когда многократно повторяющиеся элементы различаются друг от друга аблаутом <...> ср. нем. *fickfack* 'шуры-муры', *gickgack* 'га-га-га (о гусях)', *kliffklaff* 'гав-гав', *klippklapp* 'тук-тук', *klitschklatzsch* 'шлеп-шлеп', *klimperklamper* 'трень-брень', *kribbeskrabbes* 'вжи-вжи-вжи (о шекотке)', *krimskrams* 'белиберда', *nickmack* 'ералаш', *ripkeranke* 'бряк-бряк', *gitschratsch* 'праз-праз (об очень быстром действии)', *gipsgraps* 'хватать-хватать', *schnickschnack* 'тары-ба-

¹ К этому типу приближаются междометия вроде нем. *pst* "тс...", а также окрики извозчиков.

ры', schnippschnapp (schnurr) 'шелк-пошелк', stripstrap (strull) 'топ-топ-топ', schwippschwapp 'хлоп-хлоп', ticktack 'тик-так', li-rumlagum 'тра-ля-ля', bimbambum 'бим-бом', piffpaffpuff 'пиф-паф!'; англ. criddle-craddle (о скрипке), widdle-waddle (о ходьбе вперевалку); фр. clic-clac, clic-clac 'шелк-шелк', drelin-drelop 'динь-динь'. Часть этих слов употребляется в качестве существительных, в других случаях существительные возникают непосредственно по этому образцу; ср. нем. Kringelkrangel 'каракули', Tingeltangel 'кафешантан', лат. тигтиг 'шепот, ропот', turtur 'горлица'; кроме того, от них могут быть образованы дальнейшие производные вроде нем. fickfacken, Fickfacker 'хитрить, увертываться; тот, кто прибегает к хитростям', wibelwabelig 'шаткий'. Следует отметить, что при этом нередко используется старый языковой материал, вовсе не носящий междометного характера; ср. нем. Klingklang 'трезвон', Singsang '(монотонное) пение', Hickhack 'ералаш', Mischmasch 'мешанина', Wirrwarr 'путаница, неразбериха', Wischiwaschi 'галиматья', Zickzack 'зигзаг'. Ср. также преобразованные ономастопозитические формы вроде нем. klinglingling 'динь-динь-динь' (вероятно, из klingkling-kling), hoppsasa 'гоп-гоп'. Этим же ономастопозитическим инстинктом объясняется также происхождение многих звукоподражательных словосочетаний, элементы которых отличаются друг от друга только своим вокализмом, хотя подобные сочетания в общем укладываются в рамки обычного языка; ср. нем. flimmen und flammen 'пылать и полыхать', flimmern und flammern 'мерцать', kickezen und kackezen 'заикнуться, пикнуть', klippen und klappen 'стучать', klippen und klappern 'трещать', klistern und klastern 'хлопать, шелкать', knistern und knastern 'потрескивать, шуршать', klitschen und klatschen 'трещать', knirren und knarzen 'скрипеть', kribbeln und krabbeln 'барахтаться, копошиться, кишеть', krimmen und krammen 'чесать(ся), зудеть', kritzten und kratzen 'царапать', Gekritz und Gekratz 'каракули, мазня', rischeln und gascheln 'шуршать, шелестеть' (на все эти сочетания есть литературные примеры). Известную роль в ономастопозитических выражениях играет также и рифма; ср. нем. krummeln и wimmeln 'копошиться, кишеть', holterdepolter 'трах! бац'. Hackemack 'ералаш', Kuddelmuddel 'ералаш', Schurlemurle 'жюльничество', Schlampampe 'неряха, растрепа'; англ. hotch-potch 'мешанина', hum-drum 'общее место, банальность', hurly-burly, helter-skelter 'сумятица, суматоха, ералаш'.

§ 127. Ономастопозитический характер носит также большинство слов *детского языка*, причем здесь тоже играет большую роль редупликация; ср. нем. Wauwau 'гав-гав' (собака), Putput 'ко-ко' (курица), Papa 'папа', Mama 'мама'. Этот язык не является изобретением детей. Как и всякий язык, он достается детям от прежних поколений. Его значение состоит в том, что он служит вполне понятной педагогической цели. Внутреннее отношение звучания к значению, которое в нем до сих пор сохранилось и

уж, во всяком случае, воссоздается каждый раз заново, в значительной мере облегчает задачу установления связи между ними. Привычка видеть эту связь настолько прочна, что даже часть слов «взрослого», сложившегося языка усваивается детьми первоначально в виде сочетаний со словами детского языка; ср. нем. *Wauwauhund* 'гав-гав-собачка', *Bahschaf* 'бэ-бэ-барашек', *Puthuhn* 'ко-ко-курочка', *Mukuh* 'му-му-коровка' и т. п.

§ 128. Вундт решительно отказывается от подхода к онома-топоэтическим словам как к подражанию звукам природы. С его точки зрения,² сходство между звуками языка и вызвавшими их слуховыми впечатлениями не является результатом сознательного намерения и возникает лишь впоследствии, благодаря эмоции, служащей промежуточным звеном между впечатлением и вызванным им звуком. Применительно к словам более позднего происхождения этот взгляд вряд ли правилен, а по отношению к словам детского языка он несомненно неправилен. Насколько он верен по отношению к начальному периоду развития языка, я не берусь судить. Один из доводов, приводимых Вундтом в защиту своей точки зрения, сводится к тому, что среди слов, которые принято относить к онома-топоэтическим, встречаются и слова, обозначающие лишь движение, но не звук. Однако мы вправе задать вопрос, как обстояло дело с самого начала и не входило ли в первоначальное значение этих слов еще и представление о каком-нибудь звуке.

Вундт выделяет еще один вид первотворчества, относительно которого давно уже строятся разного рода предположения. С точки зрения Вундта,³ он заключается в том, что органы человеческого тела, имеющие отношение к образованию звуков языка, а также и движения этих органов обозначаются словами, артикуляция которых происходит при помощи этих же органов и при помощи этих же движений. По мнению Вундта, таким образом возникли, например, немецкие слова *essen* 'есть', *blasen* 'дуть', *Mund* 'рот', *Zunge* 'язык'. Нельзя отрицать, что эта гипотеза представляется до известной степени вероятной, хотя вряд ли можно с уверенностью сказать, что отдельные примеры, приводимые в ее защиту, действительно подтверждают ее.

Еще больше сомнений вызывает все то, что принято называть символикой звуков, для которой Вундт пользуется теперь термином «звуковая метафора».⁴ Правда, нам нередко кажется, что в звучании некоторых слов родного или знакомого нам языка есть нечто родственное их значению, но в большинстве случаев это впечатление возникает скорее всего лишь в результате вторичных ассоциаций. Кроме того; здесь остается очень много места для субъективных мнений, и выводы обычно не идут даль-

² Ср.: W u n d t W. *Volkerpsychologie*. Leipzig, 1900. Bd 1. S. 277.

³ *Ibid.* S. 333 f.

⁴ *Ibid.* S. 336 f.

ше догадок, в лучшем случае более или менее правдоподобных. Многие из таких предположений, на первый взгляд приемлемые, в свете исторического исследования оказываются неправильными.

§ 129. Между новообразованиями, за счет которых обогащается уже сложившийся язык, и первообразованиями, с которых некогда начался сам процесс языкотворчества, имеется существенное различие. Первые — если только они не выступают как чистые междометия — приспособляются к уже существующей системе грамматических форм. Они оформляются с помощью аффиксов словопроизводства и словоизменения, употребительных для того времени, когда эти новообразования создаются. Так, например, в нем. *poltern* 'стучать, шуметь', если только оно относится к этой категории, первообразованием является только элемент *pol-*, а *-ern* образовано по аналогии. Поэтому мы можем рассматривать такого рода слова лишь как частичные первообразования. Между прочим, на этом примере мы убеждаемся, что та часть слова, которую обычно абстрагируют из него как корень, вовсе не обязательно должна существовать в языке еще до появления этого слова как самостоятельного элемента <...>

Что касается тех *первообразований, с которых началось возникновение языка*, то здесь о <...> в действительности аналогии, конечно, не может быть и речи. Они еще не могут быть связаны с какой бы то ни было грамматической категорией. Они соответствуют цельным чувственным образам и выступают как простейшие предложения, характер которых мы и сейчас можем себе представить, если возьмем за основу <...> предложения, состоящие из одного слова, вроде нем. *Diebe, Feuer* 'воры; пожар'. Подобно им, первообразования тоже представляют собой, собственно говоря, одно лишь сказуемое, причем в роли подлежащего к нему выступает какое-нибудь чувственное впечатление. Для того, чтобы у человека получилось такое высказывание, он должен выделить из множества одновременно воспринимаемых им впечатлений какой-нибудь определенный объект. Но так как человек еще не умеет производить подобное выделение логическим путем, оно должно произойти за счет какого-то толчка извне. Надо, чтобы в окружающем его внешнем мире произошло нечто такое, что привлекло бы к себе его внимание. Осознавая окружающее, человек выделяет в нем не находящиеся в покое и безмолвные предметы, а в первую очередь предметы движущиеся и звучащие, и для них-то он и создает первые звуки своего языка. Точно такую же роль, как движения во внешнем мире, могут играть и движения собственного тела, благодаря которым те или иные предметы неожиданно попадают в поле зрения человека. Если столкновение с ними вызывает у человека радость или боль, какие-либо желания или страх, то производимое ими впечатление будет, естественно, еще более сильным. Таким образом, простейшие звуки языка обозначают не только объект,

на котором сосредоточено внимание, но и то, что с этим объектом происходит. Наши возгласы удивления и восклицания, вырывающиеся у нас в состоянии аффекта, еще и поныне приближаются по своему характеру к этой примитивной разновидности человеческой речи. Итак, мы можем сказать о древнейших словах, что они являются несовершенным способом выражения впечатлений — в дальнейшем для этого служат уже целые предложения — и в то же время носят междометный характер.

§ 130. Нельзя не отметить еще одного обстоятельства, благодаря которому древнейшие первообразования отличаются от позднейших новообразований. Возникновению последних может способствовать *сознательное намерение сообщить что-то другим людям*, в то время как при создании древнейших первообразований этого намерения нет. Если остальные индивиды все же сосредоточивают свое внимание именно на том предмете, который вызвал у одного или у некоторых из них данный звук, то их побуждают к этому отчасти и сопровождающие жесты. Более того, нам следует предположить, что *начатки звукового языка вообще развились на основе языка жестов*⁵ и что звуковой язык перестал нуждаться в этой поддержке не сразу, а лишь постепенно, по мере того как он все больше совершенствовался. Что касается языка жестов, то он, в свою очередь, несомненно, возник из произвольных, инстинктивных движений. У языка жестов это происхождение обнаруживается гораздо легче, так как простейшие ступени его развития еще и сейчас доступны нашему наблюдению. Если отдельный индивид сумел неоднократно привлечь внимание других с помощью какого-либо инстинктивного движения — пусть оно проявится в выражении глаз, в мимике, в жестикуляции руками или же в движениях органов речи, — то это постепенно приведет его к уже намеренным попыткам привлечь к себе внимание с помощью данного движения, попыткам, которые он будет предпринимать каждый раз, когда у него возникнет соответствующая потребность.

После того как возможность намеренного общения индивидов друг с другом осознана, ничто больше не препятствует тому, чтобы наряду со звуками, возникшими из произвольных инстинктивных жестов, появились бы и такие звуки, возникновению которых с самого начала способствует намерение что-то сообщить друг другу. Следует подчеркнуть, что мы имеем в виду намерение сделать отдельное сообщение, а отнюдь не стремление создать постоянное орудие общения. Подобное намерение никогда не возникает в процессе естественного развития языка, а следовательно, никак не может возникнуть и в ходе первотворчества. Новый звуковой комплекс является продуктом потребности, испытываемой человеком в какой-то определенный момент.

⁵ Язык жестов подробно рассматривается у Вундта; ср.: Wundt W. *Volkerpsychologie*. S. 136—247.

Что произойдет с этим звуковым комплексом в дальнейшем, исчезнет ли он сразу же после того, как его в первый раз произнесли, или же будет функционировать постоянно, — это зависит от его свойств, а также от многих случайных обстоятельств.

§ 131. Теперь нам следует остановиться еще на одной трудности, которая должна быть преодолена, для того, чтобы могли развиваться хотя бы самые первые начатки языка, и которую, насколько мне известно, до сих пор никто еще должным образом не учитывал. Пока первобытный человек не заговорил, он точно так же, как новорожденный ребенок, не может произвольно образовать какой-либо членораздельный звук. Как и ребенку, ему тоже приходится сначала этому учиться и лишь постепенно, благодаря долгим и разнообразным упражнениям органов речи, у него, как и у ребенка, может наконец выработаться ассоциируемое со звуковым образом моторное ощущение речи, которое может в дальнейшем стать упорядочивающим фактором в его речевой деятельности. Поэтому нельзя представлять себе дело так, будто произнесенный отдельным индивидом звуковой комплекс мог быть сразу же воспроизведен другими подражавшими ему индивидами. Даже тот же самый индивид не был в состоянии намеренно повторить его. Более того, для первобытного человека все это было, пожалуй, еще труднее, чем для современного ребенка. Ребенок растет, как правило, в окружении нескольких взрослых; у каждого из них уже выработались моторные ощущения речи, в основном тождественные друг другу. Поэтому ребенок выделяет из множества доступных ему звуковых впечатлений известное ограниченное количество звуков, которые ему приходится слышать все снова и снова. Тем самым он заранее получает определенный ориентир, в направлении которого развиваются его собственные моторные ощущения и к которому все больше приближаются его попытки говорить. До возникновения языка у человека нет никакой нормы, никакого авторитета. Это позволяет предположить, что начатки человеческой речи представляли собой, по всей вероятности, смешение самых различных способов артикуляции, каких в наше время уже не встретишь рядом друг с другом ни в одном языке.⁶ Как же

⁶ Надо полагать, что и ономапоэтические образования первоначально тоже обладали столь же неустойчивой формой. Таким образом, те из них, которые дошли до нас и были здесь рассмотрены, строго говоря, не являются первообразованиями в чистом виде, — ведь они созданы из звукового материала уже сложившегося языка. Когда этот материал применяется для подражания голосам животных и другим звукам в природе, с ним происходит нечто подобное тому, что имеет место при их передаче с помощью музыки, где интервалы высоты тона подвергаются модификации с целью привести их к обычным принятым в музыке интервалам. Следующий шаг заключается в том, что для подражания начинают употребляться значимые слова и предложения. См. обширный материал по этому вопросу у Вакернагеля и Винтелера (Wackernagel W. *Voces variae animantium*. Basel, 1869; Winteler J. *Naturlaute und Sprache*. Aarau, 1892).

могли развиваться из этого пестрого хаоса единообразные моторные ощущения речи?

Рассматривая вопрос с этой стороны, мы опять-таки вынуждены сделать вывод, что некоторые звуковые комплексы должны были возникать особенно часто, причем не только у отдельного индивида, но и у многих индивидов сразу, что эти комплексы возникали спонтанно, т. е. без всякого содействия со стороны подражания, и что произносились они, по-видимому, в основном единообразно. За неимением сложившейся нормы, моторные ощущения речи могли развиваться только за счет подобных звуковых комплексов, которые в силу естественных условий занимали особое положение. В таком особом положении находились скорее всего чисто инстинктивные звуки, и на них-то, очевидно, и развились первые моторные ощущения. Моторные ощущения отдельных звуков развились — трудно представить себе, что это могло быть иначе, — очень медленно, одно за другим, и обычный язык, передаваемый из поколения в поколение, в своей первичной стадии обходился, по-видимому, лишь известным минимумом звуковых обозначений, хотя наряду с этим отдельные индивиды от случая к случаю создавали тот или иной новый звук. Ведь и дети тоже очень медленно выучиваются произвольно произносить звуки языка, на котором говорят окружающие, и усваивают их постепенно, один за другим. Кроме того, мне представляется допустимой еще одна аналогия с языком детей. Вначале ребенок умеет связывать только *один* согласный с *одним* гласным, после чего это сочетание, как правило, удваивается. Именно такую форму имеют наиболее рано усваиваемые слова детского языка (нем. Papa, Mama и т. д.), и к этой же форме дети сводят вначале также и более сложные слова, которые они пытаются воспроизвести. В особенности это касается собственных имен, и их варианты, возникшие в результате такого преобразования, входят затем в качестве уменьшительно-ласкательных форм также и в язык взрослых; ср. нем. Lili, Lulu, Mimi. Эти примеры помогают понять роль, которую, как надо полагать, первоначально играла редупликация.

Из изложенного нами вытекает, что людям пришлось довольно длительное время упражняться в речевой деятельности, прежде чем у них возникло нечто хотя бы до некоторой степени заслуживающее названия языка в том смысле, в каком мы говорим о немецком или французском языке, — пусть даже этот язык состоял вначале всего лишь из нескольких десятков слов. Тот процесс, который мы назвали первотворчеством, сам по себе еще не может обеспечить создание языка. Для этого надо, чтобы принадлежащие к одному сообществу индивиды приобрели бы, кроме того, способность сохранять в памяти созданный ими языковой материал. *Язык начинается там, где речь и понимание оскопаны на воспроизведении.*

Однако, сделав этот признак критерием, достаточным для

того, чтобы судить о наличии языка, мы вынуждены будем признать, что языком обладают также и многие животные. Вряд ли можно оспаривать, что издаваемые ими призывные и предостерегающие звуки уже не носят чисто спонтанный характер, а скорее передаются из поколения в поколение. Они представляют стадию развития, которую, по-видимому, некогда прошел и человеческий язык, ту самую, которую мы попытались обрисовать. Что же касается того типа языка, который мы сейчас наблюдаем у людей на всем земном шаре, то для его возникновения нужен еще один шаг вперед. Количество передаваемых из поколения в поколение слов, а следовательно, и количество разнообразных представлений, которыми располагает человек, намного превосходит все то, что мы наблюдаем у любой разновидности животных, и это, конечно, очень важно, однако коренное, основополагающее различие между человеческим языком и языком животных, <...> между существующим сейчас языком и прежними ступенями его развития заключается отнюдь не в этом. Решающий шаг вперед — это сочетание слов в предложении. Лишь благодаря этому человек смог оторваться от непосредственного созерцания и научился говорить о том, чего он не видит перед собой.⁷

⁷ В связи с этой главой см. также мой реферат: Paul H. Der Ursprung der Sprache // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. Jahrg. 1907. N 13, 14.

В. Вундт

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА. ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ И ЗВУКОВЫЕ МЕТАФОРЫ*

В одном интересном докладе своем о происхождении языка Герман Пауль, наряду с некоторыми другими пунктами, затрагивающими эту старую и вечно новую проблему, разъясняет также вопрос о том, насколько звукоподражания, с одной стороны, и так называемые звуковые метафоры — с другой, могут пролить свет на происхождение языка.¹ Попутно он упоминает в этом чисто фактическом в остальных частях докладе о моих воззрениях на затронутый вопрос в такой форме, что многие из читателей могут принять меня, на основании слов Пауля, за приверженца таких гипотез об отношении между звуком и его значением, которые в настоящее время считаются устаревшими. Во избежание таких недоразумений я позволю себе высказать

* Отрывок взят из кн.: Wundt W. Volkerpsychologie. Leipzig, 1900. Bd 1. Рус. пер.: Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб., 1912. С. 30—47.

¹ Paul H. Der Ursprung der Sprache // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. Jahrg. 1907. N 13, 14.

некоторые краткие замечания по поводу рассуждений автора "Prinzipien der Sprachgeschichte", которые придется, впрочем, несколько распространить, для того чтобы в правильном освещении представить соотношение понимания Пауля и моего.

Вступительные рассуждения доклада Германа Пауля подчеркивают ту мысль, что вопрос о том, как мог и должен был возникнуть язык, представляет собою, в сущности, проблему науки о принципах языка, а не философии; расчлняя эту проблему на отдельные задачи, он не упоминает и о той области, которая, как можно было бы предположить, не должна была исключаться наряду с философией, — психологии. Но для того, кто ближе познакомится с воззрениями автора "Prinzipien der Sprachgeschichte" из этого высоко ценимого и мною труда, не может подлежать никакому сомнению, что психологическая сторона проблемы о происхождении языка игнорируется в этом случае отнюдь не случайно. Происхождение языка представляет собою, по мнению Пауля, проблему не психологии, но принадлежит со всеми относящимися сюда вопросам к области особой исторической науки о принципах. В психологии же эта проблема затрагивается лишь косвенно, поскольку именно выразительные движения аффектов обусловлены именно психологически. Но и в этом случае история языка должна, однако, принять как данное факт существования аффектов и выразительных движений, не вникая глубже в вопрос об их возникновении и об их отношениях к языку.

Это отрицательное отношение к психологическому исследованию в области как конкретных, так и наиболее общих проблем, специально касающихся языка, в особенности сказывается в тех рассуждениях, которые Пауль посвящает «звукоподражаниям» и «звуковым метафорам». Значение звукоподражания нельзя, по его мнению, отрицать в таких сравнительно новых образованиях, как слова *plappern* 'болтать', *platzen* 'трескаться', *poltern* 'стучать' и т. д. в немецком языке или подобные им слова в других языках. Нельзя не принять во внимание влияние таких подражаний на зрительные представления, причем говорящий обращает внимание на зрительные представления, от которых при других обстоятельствах исходит какой-либо звук или шум. Сюда же относятся и общеизвестные подражательные звуки детской речи, напр., *wau-wau*, *hot-hot*, и т. д.

Я считаю эту теорию звукоподражания, как она ни соответствует ходячим представлениям, не выдерживающею критики, во-первых, потому, что приведенные в ее пользу сами по себе верные факты не кажутся мне доказательными, и, во-вторых, потому, что положенные в основу ее предпосылки, на мой взгляд, психологически немыслимы. Прежде всего в этом случае не играет решающей роли речь ребенка. Как верно заметил сам Пауль, она является, в сущности, языком не детей, а нянек и кормилиц. И если последние, как это не подлежит никакому со-

мнению, объясняются с ребенком с помощью произвольных, намеренных звукоподражаний, то это отнюдь еще не может служить доказательством в пользу того, что ребенок или первобытный человек точно так же прибегли бы к звукоподражанию, если бы они должны были создать речь. Кто наблюдал, как дети сначала часто совсем не понимают этих условных звуковых образов детского языка и затем усваивают их, подобно любым другим обозначениям, лишь с помощью привычки и упражнения, тот не может придавать этому аргументу какого-либо особого значения, тем более, что такие звукоподражательные слова детской речи лишь в очень редких случаях переходят в общий язык. Но и значительное число постоянно вновь образующихся звукоподражательных слов общего языка при более тщательном анализе их служит скорее аргументом против теории звукоподражания, чем в пользу ее. Если мы возьмем за образец любую группу таких ономастопозитических слов, не ограниченную намеренно с самого начала специфическими звуковыми обозначениями, то окажется, что собственно звуковые образы составляют лишь часть тех слов, в которых мы схватываем звук и значение как соответствующие друг другу, и что в остающихся за вычетом прямых звуковых образов слова не может быть и речи о воспоминании о звуковых впечатлениях, которые, может быть, ранее были связаны со зрительными впечатлениями. В таком, напр., ряду, как *bammeln* 'висеть, болтаться', *baumeln* 'висеть, болтаться', *bummeln* 'висеть, болтаться, шляться, шалопайничать', *blimmeln* 'звонить', пожалуй, только первое и последнее слова можно считать звукоподражательными; оба в середине стоящие слова не могут считаться звукоподражаниями ни в прямом, ни в косвенном, опосредствованном воспоминаниями о прежних звуковых представлениях, смысле. Отсюда и на основании других психофизических условий образования звуков я заключаю, что так называемое звукоподражание представляет собою не генезис языка, но лишь побочный результат ассоциации между объективным процессом и звуковым обозначением. Живое впечатление порождает основанное на влечении или, если угодно, на рефлексе движение органов артикуляции, звуко в о й жест, который адекватен объективному раздражению в той же мере, в какой указывающий или обозначающий предмет жест глухонемого адекватен объекту, на который он хочет обратить внимание другого человека. Этот сопровождаемый издаваемым звуком жест может, конечно, внешним образом походить на звукоподражание и в известных исключительных случаях, быть может, даже переходить в него. Но и в этих случаях мы имеем дело отнюдь не с намеренным субъективным подражанием объективному звуку, как это бывает, например, в изобретенных матерями и няньками звукоподражаниях детской речи, но с возникающим вследствие выразительного движения артикуляционных органов звуковым образованием, сходство которого со

слуховым впечатлением представляет собою непреднамеренное побочное явление, сопровождающее артикуляционное движение. Ясное подтверждение этому дает большинство тех звуковых жестов, которые служат для обозначения движений речи и других выполняемых органами артикуляции движений, равно как и самых этих органов; и Пауль допускает возможность подобного отношения при таких движениях. Сюда относятся, следовательно, названия еды, языка, зубов, рта, обозначение таких понятий, как «дуть» и т. п. По большей части такие слова отнюдь не бывают звукоподражаниями; но они кажутся нам естественными звуковыми жестами в том смысле, в каком, например, высывание языка у глухонемого ребенка или движения рта, как при еде, понимаются без дальнейших рассуждений, как обозначения языка и еды.

Отсюда нам остается уже сделать только шаг до тех звуковых образований, которые можно назвать «естественными звуковыми метафорами». Это выражение должно обозначать, что в этом случае наблюдается переход представления в чувственный образ, аналогичный с тем, который свойствен обозначаемой тем же названием фигуре речи. Присоединенное же к этому названию прилагательное «естественная» звуковая метафора должно в то же время обратить внимание на то, что речь идет при этом о произвольной, непосредственно из естественного эмоционального тона возникающей ассоциации, которая поэтому проявляется, в общем, несравненно более примитивным образом, чем при настоящей метафоре в ораторском стиле. Обычным примером такой естественной звуковой ассоциации, победоносно противостоявшим всем искусственным этимологиям прежней индогерманской филологии, служат коррелятивные понятия — *отец* и *мать* или, по свойственному бесчисленным языкам и нашей детской речи произношению, *папа* и *мама*, наряду с некоторыми подобными звуковыми вариантами, напр., *тата* и *нана* и т. д. На основании различных словарей я установил статистически, насколько часто встречаются такие звуковые сочетания с их специфическим распределением гласных в сравнении с другими. Оказалось, что около 80% слов в рассмотренных языках принадлежат к типу «папа и мама» или аналогичным звуковым вариациям и лишь приблизительно 20% уклоняются от этого типа. Более обширные данные могут привести к несколько иному результату; трудно допустить, однако, чтобы они существенно изменили характер его. Такое процентное отношение тем менее является результатом простой случайности, что оно подтверждается и при анализе языка совершенно разноплеменных народов, т. е. при условиях, исключающих происхождение таких пар слов из общего праязыка. Само собою разумеется, впрочем, что и здесь не само дитя делает такой выбор, при котором более сильный род характеризуется и более сильным звуком, а более слабый — более слабым, но окружающие ребенка, — под давле-

нием одинаковых естественных ассоциаций, основанных на эмоциях, — всюду применяют эти естественные первоначальные звуки ребенка для такого различения.

По образцу этого сравнения звуков в наименованиях отца и матери следует поступать и во всех других случаях, в которых возможно предполагать аналогичные отношения между звуком и его значением. Основные правила при этом могут быть сведены к трем.

1. Единичный случай или относительно незначительное число случаев никогда не играют решающей роли, и идущие в определенном направлении отношения между звуком и значением должны быть настолько многочисленны, чтобы возможность случая была исключена.

2. Такие отношения должны встречаться в достаточно большом числе языков разных лингвистических семейств. Если же они встречаются в столь многочисленных еще идиомах одной и той же группы языков, то им нельзя приписывать никакого значения, так как возможно предположить, что они обуславливаются общим происхождением.

3. Если нужно констатировать в известном явлении речи основанное на эмоциональном сходстве сродство звука и его значения, то необходимо найти для этого опору в других, если возможно, еще более очевидных ассоциациях подобного рода. Тем самым исключается в то же время такое совпадение, которое основано не на самостоятельном развитии из одинаковых психических основ, но зависит от внешнего, на международных сношениях основанного, заимствования <...>

Если исходить из этих основных условных правил, то окажется, по моему мнению, что наречия места и указательные местоимения образуют такую область форм речи, в которой наблюдается основанная на сходстве эмоций ассоциация между величиною отдаления предмета и звуковым образованием в исключаяющем случайность числе случаев, — именно в том смысле, что более сильный или более глухой звук ассоциируется с большим расстоянием, а более слабый и звонкий — с меньшим, выразится ли эта звуковая градация в двух или более членах ряда <...> Первые два из приведенных требований вполне соблюдены в приведенных для иллюстрации такой связи звука и его значения примерах: число случаев не так велико, как в вариантах типа «папа и мама», но все еще достаточно для того, чтобы сделать неправдоподобным случайное совпадение, и примеры заимствованы по большей части из языков, принадлежащих к различным лингвистическим семействам. Нет равным образом и оснований допускать в данном случае наличность условий, благоприятствующих заимствованию. Выполнено точно так же и третье условие: аналогичные модификации выражения, — в которых усиление звука, удлинение или равносильное им по эффекту удвоение его означает увеличение предмета, от-

даления его или иногда числа, — неоднократно встречаются нам в языке, в особенности, в относительно первобытных его формах. Многочисленные доказательства в пользу этого мнения дал уже А. Ф. Потт, собрав в своем до сих пор не утратившем значения сочинении об удвоении² <...> значительное количество примеров из всевозможных языков. В особенности характерные примеры сообщает Вестерман в своем словаре и в грамматике языка того-негров³ <...> Подобно большинству других наречий суданских племен, язык того-негров располагает указательными частицами для означения малых, средних и больших расстояний, причем отдаленность выражается более низким, а близость более высоким гласным звуком. Те же различия звуков наблюдаются и при обозначении качеств, свойств предмета: прилагательное с низким тоном и долгою гласною обозначает большой предмет, прилагательное с высоким тоном и короткою гласною — маленький. В глаголе низкая гласная выражает пассивное состояние, высокая — активное. Последний контраст наиболее устойчив и распространен: он наблюдается во всех суданских наречиях, наречиях группы банту, во всех хамитских и в большей части семитических языков. Можно ли все эти параллели считать делом случая? Конечно, история языка в собственном смысле этого слова не может ответить на вопрос о происхождении этих аналогий между языками, принадлежащими к различным лингвистическим семействам. Но если историк представит себе, что он спустился с высот чистого сравнительного языковедения в детскую комнату, в которой рассказываются в этот момент сказки, то, пожалуй, он признается в ошибочности своей гипотезы случая. Он заметит, что в сказочных повествованиях о великанах и страшных чудовищах или о карликах и дружелюбно расположенных эльфах, о больших, возбуждающих ужас существах рассказывается пониженным тоном, а о крошечных, приносящих счастье — повышенным; и в повествовании о страданиях и скорбях сказочных героев голос становится более низким. Такие изменения звука служат естественным средством выражения контрастирующих чувствований, и хотя первобытные народы — не дети, однако в языках их сохранились следы естественного выражения чувствований все же в более живой форме, чем в большинстве языков культурных народов.

Хотя в одном случае средством для выражения усиления понятия служит удлинение гласной, в другом — удвоение или повторение слова, однако обе эти формы выражения сродни между собою: припомним хотя бы распространенную, в особенности в романских языках, форму превосходной степени, получен-

² Pott A. F. Doppelung als eines der wichtigsten Bildungsmittel der Sprache. Lemgo, 1862.

³ Westermann D. 1) Wörterbuch der Ewe-Sprache. Berlin, 1905. 2) 1—2. Einleitung. S. 15; 2) Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin, 1900. S. 44 ff. <...>

ную путем повторения слова, напр., alto alto 'очень высоко', или относящиеся к ранним стадиям развития языка удвоения слов для повторяющихся, парных предметов или процессов. Можно, конечно, сказать, что отношение между словом и его значением в этом случае более наглядно. Однако приведенные выше звуковые метафоры для выражения различной величины предметов и расстояния их от нас во всяком случае не уступают в этом отношении словообразованиям типа «папа, мама» <...>

<...> Совершенно неприемлемым кажется мне аргумент Пауля: без достаточного историко-лингвистического исследования, которое во многих языках немислимо, ничего нельзя решить о значении подобных форм. С этой точки зрения мы не могли бы признать звуковыми образами даже такие формы, как belfern 'тявкать', plarren 'болтать', poltern 'стучать' и мн. др., так как историко-лингвистическое исследование приходит относительно них лишь к тем выводам, что к известному времени они уже имеются налицо, но о происхождении их обыкновенно ничего неизвестно. С вопросом о том, будет ли известное звуковое образование как-либо «ономатопэтическим», историко-лингвистическому исследованию вообще нечего делать. Равным образом безразлично для решения этого вопроса, было ли известное слово ономатопэтическим с самого начала, или стало таковым лишь в процессе развития речи. Из истории мы в крайнем случае можем лишь почерпнуть, что в известных случаях слово по законам перехода звуков, которые, сами по себе взятые, независимы от звукоподражаний и звуковых метафор, сделалось как бы ономатопэтическим. Но, во-первых, это может иметь место лишь в отдельном случае, а не аналогичным образом и в одних и тех классах понятий большого числа языков, относящихся к различным лингвистическим семействам: при таком допущении мы неизбежно должны будем приписать случаю противоречащую всем правилам вероятности силу. В таком случае мы, действительно, с равным правом могли бы допустить, что слово «кукушка», как утверждали некогда Лазарь Гейгер и Макс Мюллер, не имеет ничего общего с звуками, издаваемыми кукушкой <...>

<...> Необходимо, конечно, требовать, чтобы всякий исследователь происхождения и значения форм речи прежде всего принимал во внимание их историческое развитие. Однако история эволюции речи и, к сожалению, мало еще разработанная история эволюции значения слов, сами по себе взятые, недостаточны для объяснения таких явлений, в развитие которых непрерывно вторгаются отчасти физические, отчасти психические условия. Так как я настойчиво подчеркиваю эту точку зрения, то не думаю, чтобы сделанный мне однажды упрек в том, будто я стараюсь исключить историю из интерпретации языка, был справедлив. Историческое языковедение само все более и более чувствует потребность в психологическом объяснении и поэтому видит себя вынужденным обращать внимание на действующие еще

и в современном языке силы новообразования и изменения; именно по этой причине, к счастью, исчезло, наконец, некогда облюбованное историками языка представление о таинственном, непостижимом для нас первобытном состоянии, послужившем исходным пунктом всякого исторического развития. Сам Герман Пауль в своих "Prinzipien der Sprachgeschichte" указал на то, насколько богатые данные можем мы извлечь из фактов живых языков; в этом его особая заслуга. Однако с этим плодотворным для дальнейшей работы указанием лишь отчасти согласуется его методологический основной принцип, согласно которому современный нам фазис развития языка нужно интерпретировать, исходя исключительно из истории. Этот принцип нуждается в дополнении через свое обращение: прошлое языка можно понять лишь исходя из мотивов, определяющих также его настоящее. Но каким образом, не прибегая к психологии, возможно умоаключать обратно к этим, большею частью, психическим мотивам, это для меня непонятно.

Несколько односторонний историзм, в свое время вполне принятый в языковедении, да и в настоящее время иногда применяемый там, где он не устарел еще благодаря хотя бы ценным работам германистов, нередко ведет, к сожалению, к дальнейшей односторонности: индогерманист принимает во внимание в своей области разве еще работу специалиста по семитическим языкам и обратно. Другие области языковедения, в особенности языки так называемых первобытных народов, не считаются достойными внимания, потому что они будто бы «не имеют истории». Однако это утверждение не выдерживает критики. Конечно, опирающаяся на более или менее надежные свидетельства история у многих из этих народов, о языках которых идет здесь речь, обнимает собою лишь очень незначительный период прошлого. Но разве мы знаем историю индогерманцев того времени, к которому относится древнейшая история их языков?<...>

<...> Мы располагаем историей языка не только культурных народов, так как ценные вклады в нее вносят также многочисленные языки первобытных народов, благодаря многим сравнительным лингвистическим исследованиям, не уступающим уже существенно в строгости методологии аналогичным отраслям индогерманской филологии.

<...> Языки первобытных народов, как ни уступают они во многих отношениях более богатым языкам культурных наций, в *одном* отношении во всяком случае представляются бесконечно более удобными для психологического исследования: во многих формах выражения понятий в них чаще замечается еще сродство между звуком и его значением, чем это бывает в языках культурных народов. Первобытные языки часто еще сохраняют на себе отпечаток той стадии развития языка, на которой непосредственно из интуиции возникающее стремление к словообразованию чаще проявляется в своей нетронутой, не искажен-

ной традицией и культурой, силе, как это до известной степени можно наблюдать даже в нашем народном языке в его отношении к литературному. Прежде всего в тех случаях, когда ставится вопрос о «происхождении языка», не следует поэтому, по моему мнению, игнорировать эти — несмотря на долгий период развития, который и они имеют за собою, — все же во многих отношениях более первобытные и до известной степени более наивные формы речи.

В. Пизани

<О КЛИКСАХ И ЖЕСТАХ. О «САКРАЛЬНОМ» U>*

Я. Ван-Гиннекенем была предпринята смелая попытка набросать картину наиболее ранней истории человеческих языков.¹ По мнению этого исследователя, гласные звуки являются результатом позднейшего развития, преобразования ларингальных звуков, служивших как бы заместителями гласных при соседних с ними согласных (отражением безгласного состояния языка являются безгласные системы письма, как, например, семитская); поэтому нулевая ступень аблаута является исходным состоянием, а так называемая полная ступень — ее дальнейшим развитием, как это считала теория «подъемов гласных» древнеиндийских грамматиков. Древние, состоящие только из согласных, слова-корни являются результатом распада *кликсов* (шелкающих звуков), которые встречаются иногда и в существующих сейчас языках. Эти кликсы, имевшие первоначально значение междометий, получили затем лексическую значимость, заменяя собой жесты или же мимику лица; древнейшим же языком человечества был язык жестов, продолжающий свою жизнь в *lingua franca* современных краснокожих. Отражением этого «зрительного» языка является древнекитайская, иероглифическая, и другие системы письма, которые предшествовали «кликсовым» языкам. «Слуховые» языки имели место не позднее V или IV тыс. до н. э. и были неоценимым достижением человека, поскольку они дали возможность создания огромного числа слов с четким лексическим значением; зато они лишили людей той непосред-

* Отрывок взят из ст.: P i s a n i V. Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft — Indogermanistik // Wissenschaftliche Forschungsberichte. 1953. Bd 2. Рус. пер.: Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы / Пер. с нем.; ред. и предисловие В. А. Звегинцева. М., 1956. С. 126—127, 141.

¹ Ginneken J. van. 1) La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité // Verhandelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. Nieuwe Reeks, 1939. T. 44; 2) Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase // Ibid. 1938. T. 42; 3) Les clics, les consonnes et les voyelles dans l'histoire de l'humanité // Proceedings of the III International Congress of Phonetic Sciences, Gent, 1939. P. 321—326.

ственной ясности, которой обладали жесты, *символизирующие* понятия. «Кликсовые» языки могли первоначально служить для общения в темноте или в тех случаях, когда обстановка мешала видеть жест. Гласные звуки были введены для того, чтобы язык, состоящий из одних только согласных и воспринимаемый в непосредственной близости, можно было бы услышать и на большем расстоянии (<...>)

Происхождение «сакрального» *и*, на которое обратил внимание еще В. Шульце (1904),² объясняется, по мнению В. Хаверса,³ из сакрально-культового эмоционального интонирования, которое принадлежало «мрачному» звуку *и* уже «на начальной стадии номинации»: здесь мы имеем дело уже с областью звуковой символики (<...>)

² Schulze W. Zur Geschichte der lateinischen Eigennamen. Berlin, 1904. S. 473 ff.

³ Havers W. Zur Entstehung eines sogenannten sakralen U-Elements in den indogermanischen Sprachen. Ein Versuch über Lautbedeutbarkeit in indogermanischer Frühzeit // Anzeiger der phil.-hist. Klasse d. Oesterreich. Akad. d. Wissensch. Wien, 1947. Hf 15. S. 139—165.

И. Йордан

ГУГО ШУХАРДТ*

Среди ученых, широко способствовавших прогрессу науки о языке, был тот, кто пользовался большим уважением и кем восхищались все лингвисты (<...>). Если серьезно и глубоко учесть все, что он сделал для изменения направления мыслей языковедов в течение своей долгой и плодотворной жизни, нам пришлось бы цитировать его на каждом шагу. Имя этого ученого — Гуго Шухардт.

Значительное место в научной деятельности Шухардта занимают этимологические исследования. Будучи противником фонетических законов в понимании младограмматиков, Шухардт уделяет наибольшее внимание не звукам, а значению, поскольку то, что в слове живое, «душа» слова, заключено в понятии, а не в звуках (<...>). По тем же причинам он считает, что необходимо изучать слово вместе с вещью (<...>).

Большое внимание Шухардт уделяет звукоподражательным, или имитативным, образованиям в самом широком смысле этого слова.¹ Исследуя множество языков, входивших в круг его

* Отрывок взят из кн.: Jordan I. *Lingvistica romanica*. București, 1962. Рус. пер.: Йордан И. Романское языкознание / Пер. с рум. С. Г. Бережан, И. Ф. Мокрян. М., 1971. С. 81, 88—95.

¹ Ср. среди других: Grammont M. *Traité de phonétique*. Paris, 1933. P. 337 ff.; Nogueira Rodrigo de Sa. *Subsidios para o estudo das onomatopéias em português* // *Boletim de filologia*. 1936—1937. IV. P. 221 ff. (содержит богатый языковой материал, и не только португальский).

научных интересов, Шухардт часто мог установить, что некоторые слова такого рода встречаются в различных — что касается их исторического родства — языках, очень часто сохраняя одну и ту же форму. Так, например, указательные частицы обычно содержат гласный *i*, когда указывают на предметы, находящиеся вблизи от говорящего, и гласный *a* (или *o*), когда относятся к предметам более удаленным: фр. (*i*)*ci* наряду с *la*, рум. (*a*)*ici* наряду с (*a*)*colo*, исп. *allí* наряду с *allá*, *aquí* наряду с *aca* и т. д. Гласный *i* появляется также в словах, выражающих понятие «малый», в то время как *a*, напротив, — в случае, когда слова выражают понятие «большой»: рум. *mic* наряду с *mare*, фр. *petit* наряду с *grand*, ит. *piccolo*, *piccino* наряду с *grande* и др.² В звукоподражательных словосочетаниях, состоящих из двух элементов, воспроизводящих последовательно две фазы движения или звучания определенного предмета, гласный верхнего подъема появляется в первой части (ближе во времени и в пространстве), а гласный нижнего подъема — во второй (более отдаленной); *bimb-bamb*, *ding-dang*, *mic-mac*, (фр.), *mis-mas*, *pi-raf*, *pipr-pamp*, *ping-pong*, *tic-tac*, *zig-zag* и т. д. Шухардт также устанавливает, что определенные фонетические группы в самых различных языках выражают одно и то же понятие. Так, глагол «греметь» почти везде содержит взрывной *g*, к которому, естественно, добавляются другие звуки, менее важные, разные в различных языках; группа *i(v) + l(g)* характерна для слов, обозначающих «движение вокруг неподвижной точки», как в рум. *sîrleaza*, *zviruga*, *azvirl*, *filîi*, *flutura* (<...>) Как видно из вышеприведенных примеров (<...>) Шухардт понимает звукоподражание очень широко, поэтому здесь больше подошел бы другой термин, более емкий, а именно, фонетическая символика (нем. *Lautsymbolik*) (<...>) Помимо нашей воли между понятием и звуком устанавливается столь тесная связь, что они взаимно индуцируются в нашем сознании, порождая слова, подобные вышеприведенным³ (<...>)

² См.: Jordan I. *Stilistica limbii romîne*. Bucureşti, 1944. P. 84.

³ Jespersen O. *Symbolic Value of the Vowel i* // *Philologica*. London. 1922, где на примерах из самых разнообразных по происхождению языков (индоевропейских и экзотических) Есперсен показывает, что гласная *i* часто появляется при выражении понятий «малый, нежный, мелкий, болезненный». Это первая попытка... рассмотреть в специальном исследовании символическое значение одного отдельно взятого звука. О том, что акустическое впечатление, производимое определенными звуками, может рождать в сознании говорящего определенные образы или побуждения, знал уже Платон. В произведении «Кратил» он говорит, что *g* выступает в словах, обозначающих движение, волнение, потому что при артикуляции этого звука язык вибрирует, *l* — в словах, выражающих идею мягкого, гладкого (см.: Thomesen V. *Geschichte der Sprachwissenschaft*. Halle, 1927. S. 11) (<...>) Фонетической символикой одно время занимались многие специалисты; см.: Debrunner A. *Lautsymbolik in alter und neuester Zeit* // *Germanisch-Romanisch Monatsschrift*. 1926. Bd XIV. S. 321 ff.; Paget R. *L'évolution du langage* // *Psychologie du langage*. Paris, 1933. P. 92 ff.; Bühler K. *L'ono-*

Исходя из этих положений, Шухардт в отношении родства языков пришел к мнению, отличающемуся от общепринятого; оно сформулировано им довольно четко (цит. по кн.: H. Schuchardt - Brevier. 2 Aufl. Halle, 1928): «... историческому родству (как основанному на общем происхождении, так и основанному на заимствовании) противостоит родство неисторическое, элементарное» (с. 248). Далее: «Это элементарное родство мы отчетливее всего узнаем в случае языков, по отношению к которым нельзя доказать ни родства в узком смысле слова, ни соприкосновения» (с. 248—249). Шухардт вовсе не отрицает значения генеалогического критерия или роли заимствования, когда необходимо объяснить совпадения в языках, имеющих общее происхождение или находившихся долгое время в тесных контактах. Однако он выступает против преувеличения в применении этих критериев, считая, что нужно предположить и элементарное родство: поскольку формы логического мышления в сущности одинаковы во все времена и во всех местах, мы вправе и мы обязаны, когда речь идет о совпадениях и сходстве между языками различного происхождения, задать себе вопрос, не является ли их общим источником именно это психологическое общечеловеческое сходство. Сам он уделяет больше внимания последнему фактору не только для правильного объяснения совпадений между языками, отдаленными друг от друга географически или исторически, и не только для объяснения одинаковых звукоподражательных выражений различных языков <...>

Исследование перечисленных выше проблем естественно приводит к большому, конечному вопросу языкознания: происхождение языка. Не мог не заниматься им и Шухардт, посвятивший этому вопросу, особенно в последние годы жизни, ряд работ. Подробно остановиться на этой проблеме невозможно, поэтому коснусь лишь некоторых аспектов вопроса. Итальянский ученый А. Тромбетти <...> основываясь на многочисленных фактах самых разных языков, в свое время выдвинул идею моногенеза: человеческая речь имеет единое происхождение в том смысле, что она появилась в одном месте, откуда затем распространилась на другие части земного шара, подобно тому, как человек вначале появился лишь в одном, а не во многих местах земного шара. Шухардт видит в этой теории пережиток натуралистической концепции и потому выступает против нее, без всякой, однако, уверенности, что гипотеза полигенеза обязательно является

matopee et la fonction representative du langage // Ibid. P. 101 ff.; Müller H. Experimentelle Beiträge zur Analyse des Verhältnisses von Laut und Sinn. Berlin, 1935. На III Международном съезде лингвистов (Рим, 1933) этой проблеме было уделено особое внимание (см.: Atti del III Congresso internazionale dei linguisti. Firenze, 1935. P. 119 ff. — ответы различных специалистов, присланные оргкомитету съезда, и представленный на съезде доклад П. Фуше). Ср. также: Patsch G. Grundfragen der Sprachtheorie. Berlin, 1955. P. 77, 86—87 <...>.

ся верной. Он понимает, что ни та, ни другая теория не имеют достаточных доказательств, так что вопрос надо ставить в форме «и — и», а не «или — или». Во всяком случае, многочисленные и часто очень значительные совпадения между самыми отдаленными языками совсем не предполагают; как этого желает Тромбетти, общего происхождения, а объясняются при помощи элементарного родства <...>

Другим важным положением в связи с этим является следующее. Для Шухардта язык представляет собой прежде всего средство передачи наших мыслей. Поэтому первичным элементом любого человеческого языка было предложение, состоящее первоначально только из одного слова. Предложение — это простейшая форма, в которую мы можем облекать наши мысли, чувства и намерения. Из предложения затем вычленилось слово, подобно тому, как из законченной мысли вычленяется понятие. И этот единственный элемент примитивного предложения мог выражать только действия, события <...> Эти свои утверждения Шухардт основывает на наблюдениях над детской речью и в особенности над бесписьменными слаборазвитыми языками <...>

В. Пизани

ЭТИМОЛОГИЯ

V. Фонетические изменения*

В заключение вопроса о фонетических изменениях скажем несколько слов о так называемом фонетическом символизме. Люди античной эпохи, особенно стоики, связывали происхождение первоначальных слов с произношением некоторых звуков, которые благодаря производимому ими впечатлению вызывали определенные представления (например г — резкость, л — мягкость и т. д.), — теория, которую невозможно доказать и к тому же чуждая интересующему нас вопросу.¹

Но несомненно, что некоторые звуки способны вызывать у большинства людей или у отдельных лиц определенное представление: например, Есперсен в своем известном труде² ут-

* Отрывок взят из кн.: P i s a n i V. L'etimologia. Milano, 1947. Рус. пер.: Пизани В. Этимология / Пер. с ит. Д. Э. Розенталя. М., 1956. С. 81, 95—97, 109—111.

¹ О фонетическом символизме и связанных с ним вопросах см. доклад П. Фуше в связи с дискуссией на тему «Природные отношения между звуком и представлением; фонетический символизм» в: *Atti del III Congresso internazionale dei linguisti*. Firenze, 1935. P. 119 ff.

² Jespersen O. *Symbolic Value of the Vowel i* // *Philologica*. London, 1922. P. 1 ff.

верждает, подкрепляя серьезными аргументами, что *i* часто вызывает представление о чем-то «маленьком, грациозном»; это не означает, что все слова, содержащие *i*, имеют или должны иметь такое значение, но иногда это впечатление влияет на значение некоторых языковых элементов или на форму слов. Например, латинский суффикс *-ipo-*, служащий только для образования имен прилагательных, обозначающих принадлежность или отношение, дал итальянский суффикс *-ipo*, который образует преимущественно уменьшительные имена, тогда как *-ope* сохранился для имен увеличительных; англосакс. *lytil* правильно образовало англ. *little* 'маленький', но существует тенденция удлинить в нем *i*, тогда как англосакс. *micel* 'большой' дало *much* [mʌtʃ] 'много' с ненормальным развитием гласного, возможно, чтобы избежать *i*, который вызывал ощущение чего-то противоположного значению слова; англосакс. *was* дало англ. *weak* [wi:k] 'слабый' вместо **woke*, может быть, под влиянием указанного значения *i* (<...>)

VI. Морфологические системы

Источником обогащения новыми корнями какого-либо языка является звукоподражание. Такие слова, как лат. *tinnio* 'бренчу' и *tinnio* 'звеню', связанные с *tinnabulum* 'колокольчик', *tinnitus* 'бряцание' и т. д., *siculus* 'кукушка' с *siculare* 'кричать ку-ку' и *sicubio* 'испускаю крик филина', *ululare* 'выть' с *ulula* 'сова' (<...>) образованы из слогов, подражающих определенным звукам, причем эти слоги сами по себе находятся за пределами языка, но, усваивая морфологические приемы и становясь выразителями некоторых понятий, входят в его систему и образуют нормальные слова. Необходимо, однако, остерегаться безоговорочно сводить слова, которые мы не понимаем с точки зрения этимологической, к звукоподражаниям, реально существующим или, еще хуже, лишь предполагаемым. Прежде всего следует иметь в виду, что некоторые звукоподражания представляют собой слова, более или менее изувеченные, как ит. *to* 'на!', являющееся не чем иным, как формой повелительного наклонения *togli* 'возьми', или рус. *мах-мах* (о быстром движении), взятое из *махнуть*, *мах* и т. д., однокоренное с лит. *mosuoti* 'махать, размахивать', корень которого представляет собой расширение элемента *ma-* в слав. *ma-jati* 'делать знак'.

Однако, доверяясь кажущемуся звукоподражанию (подражательной гармонии), которое, как представляется, присуще какому-нибудь корню, мы часто рискуем отнести к звукоподражаниям и слова совершенно другого происхождения. В романском этимологическом словаре Мейер-Любке³ приведено звукоподра-

³ Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911. N 1373.

жанне buff, от которого якобы произошли слова, содержащие понятие «раздуваться, дуть». Я полагаю, однако, что в основе этих слов лежит лат. *bufo* 'жаба', откуда сицил. и юж.-калабр. *buffa* 'жаба', ит. *bufone* 'жаба' и т. д., юж.-ит. *abboffare* 'разбухать', сард. *abbuffare*, 'разбухать' (как *abbottare* от *botta* 'жаба') <...> откуда ит. *buffare* 'дуть, раздувая щеки', а также *buffo* 'порыв ветра' и т. п. <...>

<...> Несомненно, однако, что, как показывает Томмасео, случайно возникшие звуки могут создавать подражательное созвучие, которое придает слову особый колорит, тогда как звукоподражание может иногда повлиять на фонетический облик слова, что, как было сказано, относится к фонетическому символизму <...>⁴

⁴ Помимо случаев подражания отдельным звукам, существуют и другие подражания, например *zig-zag* "зигзаг", которое, по-видимому, взято из немецкого языка, где оно вначале употреблялось для обозначения рвов с острыми углами у крепости (впервые при осаде Ландау в 1703 г.) и образовалось из *Zacke* "острый конец"... или *ratapinfete* "трах, шум" и др. Об элементарных образованиях говорит в своей статье В. Эль (*Oehl W. Elementare Wortschöpfung: papilio — fialtra — farfalla* // *Miscellanea linguistica dedicata a Hugo Schuchardt per il suo 80° anniversario*. Geneve, 1922. P. 75 ff.; нужно, однако, с большой осторожностью подходить к этой проблеме.

В этом примечании я укажу только на слова, полностью придуманные. Таким представляется слово *Kodak*, созданное американским изобретателем Г. Истманом около 1889 г. для обозначения фотоаппарата, производившего шум при нажатии на рычажок (следовательно, звукоподражание!). Слово *gas* 'газ', которое долгое время принималось за произвольное образование, недавно было признано созданием голландского врача фон Гельмонта (1577—1644) по связи с лат. *chaos* "хаос" (*Bloch O., Wartburg W. v. o. n. Dictionnaire etymologique de la langue française*. Paris, 1932. Vol. I. S. v. *gas*).

III. ОНТОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В. Вундт

РЕЧЬ*

<Язык жестов>

3. Индивидуальное возникновение речи у ребенка не может объяснить нам *общего развития речи*, потому что ребенок учится говорить под преобладающим влиянием разговора взрослых <...> Однако ж процесс обучения ребенка речи показывает, что его физические и психические способности содействуют усвоению речи, которую он слышит. Можно действительно предполагать, что эти способности сами по себе, даже и при полном отсутствии какой-нибудь передачи речи извне, должны были бы привести к порождению каких-либо выразительных движений, сопровождаемых звуками, имеющими значение несовершенной речи. Это предположение находит себе подтверждение в наблюдении глухонемых, именно тех глухонемых детей, которые подрастают без всякого намеренного обучения, и между которыми тем не менее может развиваться все-таки оживленное духовное общение. Такое общение становится возможным благодаря естественному развитию *языка жестов*, который слагается из выразительных движений, имеющих определенное значение. Глухонемой вынужден, само собою разумеется, пользоваться исключительно такими знаками, которые можно видеть. При этом чувства выражаются обыкновенно с помощью мимических знаков, а представления с помощью пантомимических. Глухонемой или указывает пальцем на предметы представления, или же старается начертить в воздухе приблизительный образ данного представления: *указательные* и *изобразительные жесты* <...> Эти знаки составляют вместе, и таким образом возникают своего рода предложения, с помощью которых глухонемой выражает свои желанья и задает вопросы, или же описывает различные вещи, рассказывает о различных событиях. Однако этот естест-

* Отрывок взят из кн.: W u n d t W. Psychologie. Berlin, 1873. Рус. пер.: Вундт В. Очерки психологии. М., 1897. С. 72—93.

венно возникший язык жестов ограничивается всегда только сообщением конкретных чувственных представлений и их связи; в нем совершенно отсутствуют знаки для выражения отвлеченных понятий.

< Общее развитие звуковой речи >

4. По аналогии с возникновением этого естественного языка жестов мы должны представлять себе и первоначальное развитие *звуковой речи*; с тем только различием, что благодаря способности слухового восприятия кроме мимических и пантомимических жестов в звуковой речи появляется еще третья форма жестов — *звуковых жестов*, которые очень быстро должны получать перевес над другими формами жестов, не только потому, что они легче воспринимаются, но также и потому, что они допускают несравненно более богатые модификации. Если, далее, жест обязан своею понятностью непосредственному отношению, которое существует в жесте между характером движений и их значением, то мы должны предполагать, что такое же отношение существует и в области первоначальных звуковых жестов. Кроме того, можно предполагать, что эти последние подкреплялись первоначально сопутствующими мимическими и пантомимическими движениями, соответственно тому менее сдержанному проявлению этих движений, которое всегда наблюдается у первобытного человека. Эти движения играют здесь приблизительно ту же самую роль, которая выпадает на их долю в процессе обучения ребенка речи. Таким образом развитие звуковой речи следует представлять себе по всем вероятностям как процесс дифференциации, в котором из массы разнообразных, взаимно подкрепляющих друг друга выразительных движений возникает постепенно звуковой жест, вытесняющий все прочие жесты, как скоро он сам отливается в достаточно стойкую форму. Поэтому психологически можно разложить этот процесс на *два* следующих друг за другом акта. Во-первых, это движения, порождаемые отдельными членами данной группы людей в форме импульсивных действий, причем из числа этих выразительных движений получают перевес над другими движения органов речи под влиянием стремления человека передавать свои переживания. Во-вторых, к этому примыкают ассоциации между звуком и представлением, которые постепенно укрепляются и в то же время переносятся с места их первоначального возникновения на более широкие круги одаренных способностью речи людей.

< Изменение звуковой стороны слов >

5. Но в процессе возникновения звуковой речи участвуют с самого начала еще и другие физические и психические условия, которые постоянно и непрерывно видоизменяют ее элементы.

Следует различать два вида таких видоизменений: *изменение звуковой стороны слов и изменение их смысла.*

⟨...⟩ Изменения звуковой стороны слов и их значения действуют совместно в том смысле, что под их влиянием постепенно все более и более утрачивается непосредственное соотношение или родство между звуком и смыслом, существующее, как можно предполагать, первоначально. Благодаря этому слово в конце концов получает значение лишь внешнего знака какого-нибудь представления. Этот процесс пускает столь глубоко свои корни, что даже те звуковые знаки, в которых это соотношение, по-видимому, еще сохраняется, — звукоподражательные словообразования — являются большею частью сравнительно поздними продуктами вторично устанавливающейся ассимиляции между звуком и смыслом слова, с помощью которой мы стремимся восстановить утраченное первоначальное родство между звуком и его смыслом.

Дальнейшее важное следствие этого совместного действия изменений звука и смысла состоит в том, что многие слова постепенно совершенно теряют свой первоначальный конкретный чувственный смысл и становятся знаками общих понятий или средством выражения апперцептивных функций отношения и сравнения и их продуктов. Таким образом развивается *отвлеченное мышление*. Отвлеченное мышление, которое не было бы возможно без лежащего в основе его изменения смысла слов, является порождением тех психических и психофизических взаимодействий, из которых складывается процесс развития речи.

Э. Бейтс

ИНТЕНЦИИ, КОНВЕНЦИИ И СИМВОЛЫ*

Начало языка: два момента

В течение весьма длительного времени мы наблюдали младенцев в возрасте от 9 до 13 месяцев. По-видимому, когда достаточно долго и пристально всматриваешься в какое-то явление, оно начинает приобретать космическую значимость — глубочайшие тайны Вселенной раскрываются в улыбке младенца ⟨...⟩ По мере того, как мы продолжаем изучать этот короткий период онтогенеза человека, мы все больше убеждаемся, что он отражает не один, а два решающих момента, стоящие у истоков человеческого общения с помощью символов: а) возник-

* Отрывок взят из: Bates E. Intentions, Conventions and Symbols // The Emergence of Symbols Cognition and Communication in Infancy / E. Bates et al. (Eds.). New York, 1979. Рус. пер.: Бейтс Э. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика / Пер. с англ. В. Голода. М., 1984. С. 50—102.

новение коммуникативных интенций и конвенциональных сигналов, б) появление символов и открытие того факта, что у вещей есть имена <...>

Конвенции и интенции

Первый Момент — появление коммуникативных намерений и конвенциональной сигнализации — имеет место у большинства детей в возрасте около 9—10 месяцев. Конечно, общение идет и до этого времени. Младенец плачет, тянется к своей цели, а взрослый интерпретирует желания ребенка и выступает в качестве посредника, удовлетворяя их. Но осознает ли ребенок, *когда он производит сигналы*, что они послужат целям коммуникации? Адресованы ли звуки плача и движения дотягивания взрослому слушающему или они направлены на сам объект? Если исходить из филогенетической перспективы, то очевидно, что плач младенца используется для целей коммуникации. Спросите любого родителя, который пытался игнорировать этот плач в 3 часа ночи. Однако у нас есть основания считать, что в течение первых 9 месяцев этот вид поведения ребенка является просто врожденной реакцией на определенное внутреннее состояние. Другими словами, до 9 месяцев, по нашему мнению, общение сущностно-обусловлено, но не целе-обусловлено <...>

Мы определим интенциональное общение как «сигнальное поведение, в котором отправитель априори осознает то действие, которое сигнал окажет на слушающего, и продолжает вести себя соответствующим образом, пока не будет получен результат или не будет ясно продемонстрирована невозможность его получения» <...>

Определим «конвенцию» как «звуки или жесты, форма и функция которых предварительно согласованы и осознаются как родителями, так и ребенком». Конвенциональные сигналы появляются как побочное следствие того, что ребенок теперь предназначает свои сигналы для цели коммуникации. С этого времени он обнаруживает наилучший и наиболее надежный тип поведения для достижения желанной цели. Процесс, в ходе которого такие виды поведения, как дотягивание, выражение беспокойства и хватание, становятся «ритуализованными» (т. е. сокращенными и/или гиперболизированными по форме), является, с нашей точки зрения, не чем иным, как процессом «конвенционализации» <...>

Следует отметить, что, согласно приведенным здесь определениям, форма конвенций не всегда произвольна <...>

Символы и символическая коммуникация

Тот тип конвенциональной коммуникации, который мы наблюдаем в 10-месячном возрасте, еще не является символиче-

ской коммуникацией в общепринятом значении слова «символ». Второй Момент, связанный с начальными этапами усвоения языка, — это открытие факта, что вещи имеют имена, открытие, к которому большинство наблюдавшихся нами детей приходят в возрасте 13 месяцев. В период от 9 до 13 месяцев репертуар конвенций ребенка — как звуковых, так и жестовых — расширяется и становится все более стабильным <...> Конвенциональная коммуникация не является символической коммуникацией до тех пор, пока нельзя сделать вывод о том, что ребенок в какой-то мере объективировал взаимоотношения между средством и референтом, осознав, что средство (т. е. символ) с определенной целью может быть замещено своим референтом, в то же время осознавая, что символ и референт не одно и то же. Именно это специфическое использование конвенции для того, чтобы вызывать в памяти, узнавать или представлять референт, делает это конвенциональное использование истинно символическим актом.

Мы уже выделили те типы поведения, которые использовались для того, чтобы сделать вывод о наличии «интенций» и «конвенций». Значительно труднее определить набор тех типов поведения, которые приведут нас к выводу об истинном осознании символических взаимоотношений между формой конвенционального поведения (средством) и референтом. Вероятно, проще предложить ряд примеров, представляющих собой непрерывный переход от конвенциональных процедур, используемых в соответствующие моменты игры, к референциальным актам или процедурам того рода, который мы можем с уверенностью определить как «называние». Начнем со звуковых жестов <...> где превращение жеста в называние выражено наиболее отчетливо. Около 9—10-месячного возраста, когда наблюдались конвенциональные дотягивания, ворчание, мычание, давание предметов и т. п., у некоторых из наблюдавшихся детей развились очень отчетливые сопутствующие звуковые жесты, которые применялись систематически при просьбе или указании на предметы. Например, Карлотта <...> использовала звукокомплекс «на-на», о чем бы она ни просила — от пищи до компании <...> Несмотря на то что «на-на» не имеет никакого отдельного референтного объекта или класса объектов, мы, несомненно, можем считать, что этот словоподобный звукокомплекс кодирует или имеет значение «Я хочу X» <...> Звуковой жест, хотя он больше похож на слово, функционально равнозначен всем другим жестам просьбы <...>

Последующие примеры еще больше приближаются к настоящим словам, не приобретая, однако, статуса имен <...> <...> наша испытуемая Карлотта использовала звукокомплекс *bat*, только спотыкаясь об игрушки, и никогда — в других ситуациях <...> Однако <...> *bat* Карлотты <...> существовало в течение нескольких недель только как процедура во время игры, появляясь в определенные моменты. Эти словоподобные звуко-

комплексы не использовались для описания событий, происходящих с другими участниками, или для того, чтобы потребовать начать игру в *bat* (<...>). Поскольку эти звукокомплексы связаны с определенным контекстом, они, вероятно, и принадлежат всему контексту, а не обозначают референт. О них нельзя сказать, что это имена, которые принадлежат референтам или идентифицируют их.

У Карлотты в возрасте около 12—13 месяцев произошло небольшое изменение в употреблении *bat*. В одном наблюдении было отмечено, что в течение короткого промежутка времени она сидела среди своих игрушек, ничем не занимаясь, произнесла *bat*, затем повернулась и ударила по игрушечному роялю. Отделение во времени звукового жеста от момента деятельности, с которым он был связан, является первым признаком того, что *bat* означает или представляет действие извлечения звука. Как описывали Вернер и Каплан в книге «Формирование символа»¹ (<...>) такое поведение является истинно символической деятельностью, когда средство отделяется от своего референта и при этом одновременно представляет свой референт, предполагает его или напоминает о нем. Приблизительно в то же самое время Карлотта начала осуществлять референциальные акты, которые с большей уверенностью можно именовать названиями. Звукокомплекс *тао-тао* издавался в присутствии кошек в самых разнообразных контекстах. Точно так же *woo-woo* появлялся в присутствии собак (включая и те случаи, когда собачий лай был слышан с улицы) и т. д. После того как этот процесс начался, репертуар звуков, обозначающих животных, значительно расширился. Здесь, по-видимому, мы уже вправе считать, что для Карлотты вещи стали обладать именами.

Наш вывод о том, что ребенок определенным образом схватывает отношения между средством и референтом в порождаемых им звукокомплексах, основан на явлении медленной деконтекстуализации, в процессе которой процедура употребления слова появляется не в одной многоаспектной игре, а в самых различных контекстах, связанных с наличием ситуации или включением в нее конкретного референта для данного слова. Несомненно, этот последний шаг в развитии словесных игр имеет громадные качественные последствия для процесса усвоения языка и познавательной деятельности в целом. Однако мы не рассматриваем открытие ребенком номинации как серию скачков. В номинации на этом этапе слова все еще являются процедурами или видами деятельности с определенными контекстуальными правилами использования. Однако правила игры уже изменились (<...>).

¹ Werner H., Kaplan B. *Symbol Formation*. New York, 1963.

К построению модели символической деятельности

В предыдущем разделе мы описали ряд типов поведения, ведущих к открытию языковой игры в «номинацию», которая включает как звуковые названия, так и жестовое или «игровое» название в символической игре. Из наблюдения за этими типами поведения вытекает следующее рабочее определение «символа»:

[Можно утверждать, что символ появляется в тех случаях, когда имеет место] понимание или употребление в коммуникативной ситуации или вне ее отношения между знаком и его референтом, причем такое, при котором знак рассматривается как принадлежащий своему референту и/или способный замещать его в различных контекстах; в то же время использующий его осознает, что знак отделен от своего референта, т. е. что это не одно и то же <...>

Отношения знак — референт: подход Пирса

В рамках многомерной классификации знаков Пирса одно расчленение связано с физическими отношениями между знаком и его референтом. Это разделение отношений знак — референт на «иконическое», «индексальное»² и «символическое», которые существуют независимо от общества <...>

Иконический знак представляет собой знак, который связан со своим референтом благодаря некоторому физическому сходству между ними. Например, рисунок языка пламени является иконическим знаком огня, поскольку рисунок сохраняет некоторые двухмерные, зрительно воспринимаемые признаки огня. Знаки могут различаться по «степени иконичности», т. е. по количеству признаков (или степени выраженности одного конкретного признака), общих для средства и референта <...> Смысл (такого рода связи между знаком и референтом) для сообщества носителей знака состоит в том, что если бы группа, использовавшая данное отношение между иконическим знаком и референтом, должна была бы исчезнуть без следа, то это отношение потенциально могло бы быть восстановлено и использовано другими мыслящими существами, способными заметить то же физическое сходство. Чем больше степень иконичности, тем больше вероятность повторного открытия этого отношения.

«Знак-индекс» — это знак, который связан со своим референтом при помощи некоторого непосредственного физического сосуществования с референтным объектом-событием. Например, дым является индексом огня, поскольку дым есть событие, которое порождается огнем, и, следовательно, всегда появляется

² В русской терминологии подобные отношения иногда обозначаются соответственно как изобразительное и указательное. (Прим. перев.).

вместе с ним. Менее ясно, что могла бы обозначать степень индексальности в сравнении со степенью иконичности. По-видимому, знак мог бы быть более или менее индексальным в зависимости от степени постоянства его появления вместе с референтом (...). Смысл связи между референтом и знаком для сообщества носителей знака одинаков для знаков-индексов и иконических знаков: если бы сообщество мыслящих существ должно было исчезнуть без следа, то отношение «индекс — референт» вполне могло бы быть восстановлено другой группой в ходе практической деятельности в том же физическом мире. Здесь, так же как и в предыдущем случае, чем больше степень индексальности, тем больше вероятность того, что данное отношение будет открыто вновь.

«Знак-символ» — это знак, который связан с референтом *только* посредством конвенций, принятых сообществом носителей. Это отношение совершенно произвольное, так как между его двумя компонентами отсутствует «естественное» физическое сходство или сочетаемость. Слово «огонь» представляет собой референт потому, что между нами есть договоренность использовать данную последовательность звуков именно таким образом. «Степень произвольности» в отношении «знак — референт» противоположна степени иконичности и/или индексальности между знаком и референтом. Смысл связи в этом случае для сообщества носителей знака состоит в том, что если бы сообщество мыслящих существ должно было бесследно исчезнуть, то это отношение никогда, или почти никогда, не могло бы быть самостоятельно открыто вновь. По мере того как степень произвольности отношения «знак — референт» приближается к 100% (т. е. по мере приближения степени иконичности и/или индексальности к нулю), вероятность того, что данное отношение будет открыто вторично, приближается к нулю.

Следует отметить, что Пирс не обсуждал количественных характеристик вероятности повторного открытия, как это делается здесь. Он, однако, подчеркивал, что указанные выше три класса знаков являются чистыми формами, в то время как отношения «знак — референт» в реальной действительности весьма часто оказываются сочетанием по меньшей мере двух типов.

Например, благодаря физической сочетаемости со своими референтами знаки-индексы характеризуются также и определенной иконичностью. Дым движется в том же направлении, что и огонь, и может увеличиваться в размерах пропорционально силе огня. След копыта оленя является индексом всего оленя, но он характеризуется и отношением иконичности с копытом оленя, а также с направлением движения оленя.

Кроме обычного сочетания иконических знаков и знаков-индексов, существует множество других видов отношений между знаком и референтом, в которых различная степень произвольности сочетается либо с иконичностью, либо с индексальностью.

В некоторых теориях происхождения и развития языка слишком большое значение придавалось «звуковому символизму», или ономастике³ (...). Однако несомненно, что отдельные лингвистические знаки характеризуются отношением частичной иконичности с предметом или событием, которое они представляют (например, «гул», «чих», «лязг»). Примеры подобного рода, где легко прослеживается физическое сходство между акустическим знаком и референтом, правда, встречаются весьма редко. Именно этот факт дал некоторым исследователям основание утверждать, что звуковая речь имеет более произвольный характер, и, следовательно, она более абстрактна по своей природе, чем визуально-жестовые формы коммуникации типа американского жестового языка (American Sign Language—ASL). Подобным же образом буквенные системы письма оцениваются как более абстрактные и, отсюда, как «высшие» по сравнению с идеографическими или иероглифическими системами (...). Мы не разделяем этой точки зрения (...). Что же касается звукового языка и ASL, а также буквенного и иероглифического письма, то утверждение о большей иконичности отношения «визуальный знак — референт» часто оказывается иллюзорным. В большинстве случаев иконичность отношений между жестовым знаком и референтом в ASL, а также иероглифом и референтом во многих сложных системах письменности может быть осознана *только* после того, как нам станет известно значение знака (...).

У истоков многих жестов ASL и иероглифов действительно стоят иконические знаки. Однако знаки в процессе исторического развития претерпели переход от иконичности к произвольности под влиянием, например, тенденции к легкости и простоте их сочетания и т. п. Как и в тех формах коммуникации 9-месячных детей, в которых используются дотягивание и выражение беспокойства, сигналы становятся все более абстрактными и конвенционализированными в процессе употребления (...).

Кроме этого процесса конвенционализации, развивающегося во времени, существует и другой тип произвольности, который относится к моменту первого появления иконического знака. Принимая во внимание тот факт, что каждый признак референта не может быть исчерпывающим образом представлен в конкретном символическом акте, при создании иконического знака необходимо «отобрать» какой-либо аспект этого объекта-события для изображения в иконическом знаке. Процесс отбора сам по себе часто весьма произволен, так что, встретившись с этим знаком спустя долгое время после его появления, нельзя обнаружить связь между изображаемым признаком и целым объектом-событием, которому принадлежит данный признак. Например, в ASL есть жест, который представляет собой крест, изо-

³ См. обзор в работе: Stross B. The Origin and Evolution of Language. Dubuque (Iowa), 1976.

бражаемый на верхней части руки, между локтем и плечом. Узнав, что этот жест является конвенцией, принятой в ASL для обозначения медсестры или медработника, можно легко установить его связь с красным крестом на нарукавной повязке медработника. Однако вероятность того, что такое отношение может быть установлено без знания смысла жеста, очень низка. Данный тип иконического отношения между сложным референтом и средством, изображающим некоторый произвольно выбранный аспект референта, получил название «метонимического» отношения.

Приведенные утверждения о произвольности жеста ASL связаны главным образом с вероятностью самостоятельного открытия отношения, которое только отдаленно напоминает иконическое. Сказанное, однако, не означает, что если нам станет известно об иконической связи между знаком-жестом и референтом, мы не воспользуемся этой иконичностью. Как указывал Р. Браун, иконичность определенных жестов ASL может иметь мнемоническое значение, быть средством удержания в памяти или узнавания этих знаков после первого знакомства с ними.⁴ Известен феномен (. . .) когда аутичные дети или дети, страдающие афазией, которые не могли усваивать звуковую речь, делали значительные успехи в усвоении ASL. Браун высказал предположение, что иконичность определенных жестов ASL может облегчать этим детям усвоение языка в зрительной модальности. Он указывал, что, хотя многие жесты действительно очень отдаленно связаны со своими референтами, жесты, преобладающие в словаре детей с указанными формами нарушений (и, между прочим, в словаре шимпанзе, обученных использовать жесты), имеют тенденцию быть наименованиями «объектов базисного уровня».⁵ В отличие от более абстрактных значений типа «люди» и «неделя» жесты, соответствующие понятиям базисного уровня, такие, как «стул» и «машина», в значительно большей степени сохраняют свою иконичность. В эксперименте с нормально слышащими детьми Браун обучал их набору из 8 таких жестов базисного уровня. Согласно условию одной серии опыта, дети получили жесты ASL с их правильным переводом на английский язык. В другой серии те же самые жесты и их английские значения были перепутаны так, что иконичность отношений была утрачена. Усвоение было значительно лучше в той группе, которая получала помощь в виде иконического отношения.

Подводя итоги, можно сказать, что иконичность жестов и иероглифов может использоваться для запоминания отношения между знаком-жестом и референтом *после* того, как на нее было указано. Однако процесс исторического смещения в сторону

⁴ Brown R. Why Are Signed Languages Easier to Learn than Spoken Languages? // Keynote Address to the National Association of the Deaf. [S. 1] 1977.

⁵ Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978.

произвольности формы, а также метонимические процессы выбора жеста привели к ситуации, когда иконичность жестов играет очень малую роль в раскрытии отношения между знаком-жестом и референтом. Действительно, многие разновидности жестового языка столь же непонятны носителям различных диалектов, как и звуковые языки. Аналогично обстоит дело с иероглифическими системами письменности. Следовательно, часто упоминаемое противопоставление звукового и жестового языков по степени произвольности является иллюзорным (<...>)

Пересмотр концепции Пирса применительно к поведению младенца

До сих пор мы описывали «объективные» отношения, которые могут существовать между внешними событиями, событиями реального мира, выступающими в роли знаков и референтов. Взрослые не испытывают никаких трудностей в установлении различий между иконическими знаками, знаками-индексами и знаками-символами, поскольку первые «естественны», а последние искусственны и сохраняются в силу договоренности. Однако способность различать естественное и искусственное приобретает в результате весьма сложного процесса. *В данной работе мы утверждаем, что указанные три типа отношений между объективным средством и референтом вначале связаны с двумя видами субъективных, или психологических, отношений между средством и референтом, которые основываются на двух видах психологических процессов.* Случаи иконичности выявляются и усваиваются через восприятие сходства; знаки-индексы и знаки-символы выявляются и усваиваются через единый процесс восприятия смежности. Знание о том, что знаки-индексы и знаки-символы различны, появляется на очень поздней ступени развития и не связано с усвоением отношений «знак — референт» маленькими детьми.

Рассмотрим поведение 12-месячного ребенка, вступающего в мир знаковых отношений. Развивающийся перцептивный аппарат ребенка, по-видимому, позволит ему выделить иконические отношения, как только он сможет обращать внимание на данный перцептивный признак или набор признаков и сравнивать их в явлениях объективной реальности. Способность улавливать сходство оказывается решающей для узнавания того, что отдельный объект остается тем же самым в момент А и в момент Б, несмотря на очевидные изменения в размере и форме, производимые перемещениями в пространстве (т. е. константность восприятия размера и формы). Кроме того, восприятие сходства является процессом решающим для формирования естественных категорий, объединяющих более одного предмета. Иными словами, узнавание иконических отношений независимо от их употребления в процессах общения представляется фундаментальным ас-

пектом переработки информации. Это вовсе не означает, что выделение сходства происходит сразу и непосредственно <...>

В действительности, каждый конкретный символический акт может содержать в себе комбинации всех трех типов отношений (иконические, произвольные и индексальные) <...>

Согласно теории Пиаже, считается, что все мышление — это интериоризованное действие, формируемое с помощью ассимиляции и приспособления (accommodation) к объективной реальности; следовательно, все сенсомоторное знание является, по-видимому, индексальным по своей природе. Это должно означать, что <...> действия ребенка, определяющие ложку, и сама ложка объединяются благодаря их непосредственной физической сочетаемости и, следовательно, находятся в индексальном отношении. Конечно, физическая форма объектов и природа явлений будут накладывать ограничения на форму действий, совершаемых с этими объектами и явлениями, — так же как огонь будет определять величину облака дыма и его направления. Поэтому знаки-индексы, в которых заключено сенсомоторное знание о мире, будут содержать в себе примесь иконических характеристик или отношений, изоморфных формам реальной действительности <...>

Резюмируем все сказанное: тройственная система знака Пирса, в которой выделяются знаки-индексы, иконические знаки и знаки-символы, описывает объективные отношения между средством и референтом. Для сознательного существа, по крайней мере для сознательного существа, вступающего в жизнь, имеется только два процесса восприятия и усвоения отношений «знак — референт»: иконические знаки осваиваются посредством восприятия сходства; знаки-индексы и знаки-символы — посредством восприятия смежности (т. е. ассоциативно). Следовательно, и знаки-индексы, и знаки-символы одинаково произвольны с точки зрения сознательного существа <...>

Почему же <...> некоторые жесты выучиваются легче благодаря их иконичности, как это показал Браун⁶ <...>

Усвоить произвольный жест не легче, чем усвоить произвольную последовательность звуков... Убежденность детей даже 5-летнего возраста в том, что имя является неотъемлемой частью референта, обозначается термином «словесный реализм». Слово «корова» для ребенка такой же признак коров, как цвет, размер, форма, рога и т. п. К. Танц⁷ <...> следующим образом интерпретирует эту особенность маленьких детей.

Словесный реализм характеризует тенденцию детей обращаться с именами как с неотъемлемыми свойствами объектов. Когда их спрашивают, дети обнаруживают уверенность в том,

⁶ Brown R. Why Are Signed Languages Easier to Learn than Spoken Languages?

⁷ Tanz Chr. Studies in the Acquisition of Deictic Expression. Cambridge, 1978.

что, если изменить имя, изменится и объект и что имя сохраняется благодаря тому, что объект обладает различными другими свойствами. Иными словами, дети того возраста, когда обнаруживается феномен словесного реализма, говорят так, как если бы референциальные слова были иконическими знаками и знаками-индексами, а не символами. Хотя словесный реализм представляет собой металингвистическую ориентировку, которая неверна с нашей точки зрения, это явление можно рассматривать как в определенной степени закономерное — оно является отражением собственной ранней языковой активности ребенка. В речи маленьких детей все имена одинаковы. Они не возникают без своих референтов и, таким образом, выступают в роли атрибутов своих референтов <...>

Резюмируем сказанное. Троичная классификация Пирса отношений «знак — референт» (которые превращаются в отношения «средство — цель», будучи обращены на достижение какого-либо результата) предполагает два основных психологических процесса: восприятие смежности и восприятие сходства. Поскольку любое отношение в конкретный момент может быть проанализировано только частично, эти два процесса взаимодействуют таким образом, что образуется континуум, непрерывный переход от произвольности к иконичности <...>

Пересмотр учения Пиаже и Вернера — Каплана

Только что предложенная модель согласуется в большинстве аспектов с традиционными подходами к структуре символа, изложенными в работах Ж. Пиаже и Х. Вернера и Б. Каплана.⁸ В то же время имеются некоторые отличия в акцентах, которые должны быть объяснены прежде, чем эта модель будет применена к нашим собственным данным <...>

<...> Поскольку Пиаже обсуждает общие проблемы языка, он отдает дань классическому философскому различению произвольной и конвенциональной природы языковых символов, с одной стороны, и индивидуальной, иконической природы остальных символов — с другой. Рассматривая это различие, мы разделяем мнение Пиаже, что языковые знаки окажут особенно сильное влияние на последующее когнитивное развитие, поскольку они употребляются коммуникативно и, следовательно, являются постоянным источником новой информации о мире. Однако мы не согласны (как уже должно быть ясно) с утверждением, что языковые знаки, хоть каким-то образом, релевантны для раннего этапа когнитивного развития, «более произвольны» и «более абстрактны», чем жестовые символы. В самом деле непонятно, почему Пиаже считает, что эта традиционная философ-

⁸ Piaget J. *Play, Dreams, and Imitation in Childhood*. New York, 1962; Werner H., Kaplan B. *Symbol Formation*.

ская точка зрения необходима для его собственной эпистемологии. Он четко определил, что все формы сенсомоторного взаимодействия с миром имеют, по сути, индексальную природу (<...>). Он также показал, что внутренние, или ментальные, знаки возникают в результате интериоризации того, что вначале было иконической, внешне выраженной имитацией явлений реального мира (<...>). Мы приспособляем к себе объекты, применяя к ним наши ранее усвоенные схемы, часто изменяя форму предмета таким образом, чтобы он подошел к этой схеме (например, приспособляем форму соски ко рту). Мы сами приспособляемся к объектам в той мере, в какой мы изменяем наши схемы, чтобы учесть данные обратной связи об особенностях объекта (например, приспособляем рот к соске). Большая часть нашего знания о физических объектах, согласно Пиаже, поступает к нам от приспособления к их зрительным контурам, кинестетической обратной связи и т. д. В результате наши действия с объектом приобретают иконическое имитативное отношение к этому объекту (отсюда — комбинация иконически-индексальных отношений, рассматривавшаяся выше, где манипуляции с объектом приводят к частичному изоморфизму между объектом и действием). Это означает, что ментальные образы состоят из интериоризованной имитации зрительных, ручных и других форм действия, осуществлявшихся с объектом при нашем первом взаимодействии с ним (<...>). Либо мы не поняли, почему Пиаже считает, что лингвистические знаки более произвольны для младенца, чем другие, либо сам Пиаже сделал это заявление как необоснованный поклон традиционной европейской философии языка. В настоящий момент представляется, что верно последнее (<...>).

Теперь обратимся к теории формирования символа Х. Вернера и Б. Каплана⁹ (<...>). Наша модель действительно во многом согласуется с их подходом. Одно важное различие касается вопроса о субъективной иконичности в символическом развитии. Вернер и Каплан, по-видимому, чувствуют, что *все* субъективные, или психологические, отношения между средством и референтом независимо от объективного отношения в конечном итоге превращаются во внутренние иконические представления. Это составляет суть весьма таинственного процесса, который они обозначают как «физиогномизацию значения». Слово (или в конечном итоге любой другой внешне произвольный символ) приобретает значение за счет того, что телу во внутреннем плане придаются различные позы и состояния готовности, которые как-то косвенным образом изоморфны внешнему референту. Для иллюстрации этого понятия внутренних состояний готовности, представленных в знании, рассмотрим следующий пример. Представьте себе пень с максимально возможным для вас числом

⁹ Werner H., Kaplan B. Symbol Formation.

деталей. Не меняя зрительного образа, подумайте об этом пне как о месте, куда вы собираетесь сесть во время пикника. Теперь же, после того как вы уже привели себя в данное «состояние готовности», измените свои планы и примите решение использовать этот пень во время пикника в качестве стола. Далее, как можно быстрее поочередно переходите от одного решения к другому (т. е. от стула к столу). Внутреннее ощущение изменения состояния готовности и должно иллюстрировать то, что Вернер и Каплан подразумевают под физиогномизацией; это — реакция всего организма на значение данного объекта... (<...>).

Мы охотно готовы признать существование феномена, на который Вернер и Каплан указывают в качестве подтверждения правомерности введения такого понятия, как «субъективная иконичность». Однако в предлагаемой здесь модели нам не требуется понятие внутренней иконичности как составной части символической деятельности (<...>). Так же как Пиаже слишком большое внимание придавал произвольности языковых символов по сравнению с другими, Вернер и Каплан чрезмерно подчеркивают роль иконичности в языковых и неязыковых символах. С нашей точки зрения, развитие символа в значительной степени связано с напряженностью, которая существует между произвольностью и иконичностью и которая возникает при взаимодействии двух психических процессов — восприятия смежности и восприятия сходства, участвующих в анализе отношений между знаком и референтом (<...>).

Е. Кларк

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ: О СЕМАНТИКЕ СЛОВ-КЛАССИФИКАТОРОВ И ЗНАЧЕНИЯХ ПЕРВЫХ СЛОВ, УСВАИВАЕМЫХ ДЕТЬМИ*

Вводные замечания

Классификаторами называются знаменательные или служебные слова, которые используются для категоризации предметов. В английском языке подобную функцию выполняют, например, слова head 'голова' и sheet 'лист' в сочетаниях 200 head of cattle '200 голов скота' и 50 sheets of paper '50 листов бумаги': с помо-

* Отрывок взят из ст.: Clark E. V. Universal Categories: on the Semantics of Classifiers and Children's Early Word Meanings // Linguistische Forschungen. Wiesbaden, 1979. Bd 27. S. 253—267. Рус. пер. в кн.: Психоллингвистика. М., 1984. С. 221—223, 225—239. Впервые опубликовано в сборнике: Linguistic Studies Offered to Joseph Greenberg: On the Occasion of his Sixtieth Birthday / Ed. by A. Juillard. Saratoga, 1977.

щью указанных слов предметы индивидуализируются, вычленяются из совокупности (соответственно стада и пачки). Во многих языках подобные классификаторы употребляются в сочетании с числительными¹ или с глаголами определенного типа. При анализе семантики классификаторов в естественных языках обнаруживается, что в качестве критерия для отнесения предметов к той или иной категории «выбираются» определенные признаки соответствующих предметов <...> Большинство признаков, служащих критерием классификаций, выявляется при зрительном восприятии объектов окружающей действительности.

Дети также пользуются словами для категоризации окружающих предметов — по мере того, как они начинают находить в языке соответствие тому реальному миру, который они уже знают. Однако в процессе овладения языком дети иногда формируют категории, не совпадающие с категориями взрослых, причем основания категоризации, используемые на ранних этапах владения языком, во многом сходны с теми, которые мы находим в существующих системах слов-классификаторов естественных языков. В обоих случаях ведущую роль в определении категориальной принадлежности играет зрительное восприятие.

Настоящая работа посвящена описанию сходных моментов в семантике слов-классификаторов и в начальных представлениях детей относительно значений слов. Я постараюсь показать, что классы слов, определяемые классификаторами, и категории, выделяемые детьми, являются отражением определенных базисных мыслительных способностей. В качестве существенных признаков категоризации дети выбирают такие, которые представляются им психологически наиболее значимыми. Те же самые признаки, по-видимому, являются ведущими в системах нумеративов и глагольных классификаторов. Гипотеза состоит в том, что эти естественные категории носят универсальный характер в силу того, что они имеют общее познавательное основание.

Категоризация в естественных языках

Нумеративы и глагольные классификаторы относятся к числу тех классификационных систем естественных языков, которые имеют под собой семантическое основание <...>

В существующих системах классификаторов одушевленных и неодушевленных предметов очень часто используются признаки, связанные с формой предмета. К трем основным формам относятся: КРУГЛАЯ (предмет имеет сферические очертания и протяжен в трех измерениях); ПРОДОЛГОВАТАЯ (предмет вытянут в одном направлении) и ПЛОСКАЯ (предмет протяжен в двух измерениях). Из перечисленных форм наиболее распростра-

¹ В советской литературе такие слова называют еще «нумеративами», а также «счетными словами». (Прим. перев.)

ные — КРУГЛАЯ и ПРОДОЛГОВАТАЯ; по предположению Адамса и Конклина, ПЛОСКАЯ форма является производной от ПРОДОЛГОВОЙ² <...> В дополнение к этим основным многие классификаторы опираются еще и на некоторые второстепенные признаки, хотя последние <...> никогда не являются единственным основанием для классификации <...>

В зависимости от целей категоризации у одного и того же предмета могут выделяться разные признаки. Так, если в процессе действия предмет трансформируется, то в его начальном и конечном состояниях могут употребляться разные слова-классификаторы. Целые апельсины, например, могут быть классифицированы как «круглые-предметы», а будучи очищенными и разделенными на дольки, перейдут в категорию «части-круглых-предметов» <...>

Итак, анализ нумеративов и глагольных классификаторов во многих языках Азии и Америки показывает, что в основе классификации предметов лежит их внешний вид. Дополнительные физические параметры позволяют произвести более дробную классификацию. Кроме того, иногда категоризация может основываться на функции предмета, но этот вид категоризации специфичен и ориентируется на конкретный язык или культуру — в отличие от категоризации, критерием которой является форма.

Овладение значением слов

По мере того как ребенок начинает овладевать языком, перед ним встает важнейшая задача: как воплотить в языке имеющиеся у него знания о тех или иных предметах. Как показывают исследования ранних этапов языкового развития, поначалу дети, видимо, исходят из того, что слово отображает лишь какую-то определенную часть признаков предмета³ <...> Например, многие дети довольно быстро усваивают слова «собачка» или «кошечка». Однако в дальнейшем они употребляют их совсем не так, как взрослые. Наряду с собаками и кошками они называют этими словами лошадей, коров, овец и разного рода других животных. Иногда в качестве признака, обуславливающего эту сверхгенерализацию слова, выступает способность к движению, и потому слово употребляется тогда, когда ребенок хочет привлечь внимание к любому движущемуся предмету. В других ситуациях ведущим признаком выступает форма (в данном случае нечто вроде «наличие четырех ног»), и тогда

² Adams K. I., Conklin N. F. Toward a Theory of Natural Classification // Papers from the Ninth Regional Meeting. Chicago Linguistic Society, 1973.

³ См.: Clark E. V. Knowledge, Context, and Strategy in the Acquisition of Meaning // Georgetown Round Table on Language and Linguistics 1975. Developmental Psycholinguistics: Theory and Application / Ed. by D. P. Dato. Washington, 1975.

слово употребляется для обозначения любых четвероногих животных.⁴

Анализ сверхгенерализаций в речи ребенка позволяет узнать, какое именно значение придается первым усваиваемым словам. Если ребенок использует одно и то же слово для названия целого ряда непохожих (с точки зрения взрослого) предметов, то можно предположить, что он придает этому слову значение, которое включает по крайней мере один или несколько признаков, общих для данных предметов (<...> Сверхгенерализации чаще всего встречаются в возрасте от одного до двух с половиной лет (<...>)

Что же служит ребенку основанием для сверхгенерализации? Прежде всего, надо заметить, что большая часть сверхгенерализаций связана с сенсорным восприятием окружающего мира. При образовании многих, если не большинства, сверхгенерализаций ребенок использует зрительную информацию; кроме этого, он может опираться также на тактильную, обонятельную и слуховую информацию. В зависимости от того, что является основанием сверхгенерализаций, они могут быть разделены на

Таблица 1. Примеры сверхгенерализаций, основанных на форме

Лексема ребенка	Исходный референт	Перечень предметов, для обозначения которых употребляется лексема *
Mooi	Moон 'Луна'	Печенье, круглые следы на оконном стекле, надписи на окне или в книге, тисненый узор на кожаном переплете книг, круглые почтовые марки, буква О
Nenin	Breast 'грудь',** food 'еда'	Пуговица на одежде, кончик оголенного локтя, глаз на портрете, лицо человека на фотографии
Buti	Ball 'мяч'	Игрушка, редиска, каменные шары при входе в парк
Ticktock	Watch 'часы'	Всевозможные виды часов, газовый счетчик, намотанный на барабан пожарный шланг, наполные весы с круглой шкалой
Gumene	Coat button 'пуговица на пиджаке'	Кнопка съемного воротничка, дверная ручка, выключатель, все маленькое и круглое
Baw	Ball 'мяч'	Яблоки, виноград, яйца, тыква, язычок колокольчика, все круглое
Kotibaiz	Bars of cot 'прутья детской кроватки'	Большие игрушечные счеты, решетка тостера с параллельными прутьями, картина, изображающая фасад здания с колоннами
Tee	Stick 'палка'	Трость, зонт, линейка, опасная бритва, доска, все предметы, похожие на палку

* Порядок предметов в перечне соответствует последовательности перенесения на них лексемы ребенка (<...>)

** Имеется в виду сосок груди кормящей женщины. (Прим. перев.)

⁴ С точки зрения теории коммуникации сверхгенерализация — это следствие крайней ограниченности словаря ребенка (<...>)

сколько групп: по форме, движению, размерам, материалу, звуку и вкусу. Во всех перечисленных случаях (кроме, пожалуй, звука и вкуса) в той или иной мере обязательно наличие зрительной информации о предмете. Наконец, некоторые сверхгенерализации могут иметь еще и функциональную основу.

Если судить по опубликованным дневникам наблюдений, то наиболее обширный класс составляют сверхгенерализации, основанные на признаках формы. Характерные примеры таких генерализаций приведены в табл. 1 (<...> По-видимому, для детей раннего возраста одним из наиболее существенных является признак округлости (при относительно небольших размерах предмета); во всяком случае, именно сверхгенерализации, основанные на признаке округлости, имеют наиболее широкое распространение. Среди других признаков, на которых строятся сверхгенерализации, отметим еще продолговатость («как палка»), отсюда — наличие множества (вертикальных) палкообразных объектов (<...> приводятся примеры сверхгенерализаций, в основе которых лежит размер предметов.⁵ Обычно дети с этой целью склонны выбирать относительно небольшие объекты — чаще всего предметы и людей своего размера. Выбор ребенком размера как критерия употребления слова приводит иногда к дроблению привычной для взрослых категории. Например, Н. Х. Швачкин (<...> сообщает о ребенке, который называл собак словом «ва».⁶ Когда он овладел словом «му» для названия коров, то начал употреблять его применительно к большим собакам размером с овчарку, помещая их тем самым в одну категорию с коровами.

Табл. 3 содержит несколько примеров сверхгенерализаций, основанных на характере материала, из которого сделан предмет. В большинстве приведенных случаев материал можно опре-

Таблица 3. Примеры сверхгенерализаций, основанных на материале

Лексема ребенка	Исходный референт	Перечень предметов, для обозначения которых употребляется лексема
Sizo	Scissors 'ножницы'	Все металлические предметы
Bow wow	Dog 'собака'	Игрушечная собака, шкура животного с головой, другие шкуры без головы
Waw-waw	Dogs 'собаки'	Другие животные, игрушечная собака, мягкие домашние тапочки, картина, изображающая старика в меховой одежде

делить как визуально, так и осязательно. (Из этих примеров видно, между прочим, что в процессе осознания значения первых слов ту или иную роль для ребенка могут играть самые разные

⁵ Имеется в виду табл. 2, которую мы здесь не воспроизводим.

⁶ Швачкин Н. Х. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте // Изв. АПН РСФСР. 1948. Т. 13.

признаки. Например, вначале он обращает внимание только на форму предмета, затем начинает учитывать материал, который может либо сопутствовать форме, либо вообще ее заместить (<...>)

Наконец, еще один сравнительно большой класс составляют сверхгенерализации, основанные на способности предмета к движению. Эта способность, конечно же, является собой еще один пример признака, легко воспринимаемого зрительно. Примеры сверхгенерализаций этого типа приведены в табл. 4 (<...>)

Таблица 4. Примеры сверхгенерализаций, основанных на способности предметов к движению

Лексема ребенка	Исходный референт	Перечень предметов, для обозначения которых употребляется лексема
Sch	Sound of train 'шум поезда'	Все движущиеся машины
Bird	Sparrows 'воробьи'	Коровы, собаки, кошки, все животные, которые могут передвигаться
Tutu	Train 'поезд'	Паровоз, движущийся поезд, путешествие <...>

Некоторые сопоставления

Если способность к движению действительно является одной из наиболее существенных характеристик одушевленных предметов, тогда не удивительно, что дети выделяют именно ее, когда начинают постигать значения слов.

Однако наиболее распространенным основанием сверхгенерализации оказывается форма. Она же широко используется и как основание в системах классификаторов: категоризация здесь (<...>) опирается прежде всего на такие признаки предметов, как круглый, продолговатый или плоский. Для иллюстрации приведем несколько примеров из работы К. Адамса и Н. Конклина.⁷

- (6) а) индонезийский: фрукты, горох, глаз, мяч, камень (круглые);
 б) лао: солнце, луна, звезды, тарелка, горшок, глаз, камень (круглые);
 в) тайский: бусинка, камень, семя (круглые-и-небольшие); глобус, фрукты (круглые-и-несколько-большого-размера); камень, комок земли, всякие куски чего-либо неправильной формы (круглые-и-неправильной-формы).
- (7) а) нунг⁸: дерево, бамбук, нитка, гвоздь, свеча (продолговатые);

⁷ Adams K. I., Conklin N. F. Toward a Theory of Natural Classification.

⁸ Нунг — сино-тибетский язык тибето-бирманской группы. (Прим. перев.)

- б) чрау⁹: палка, рыба, карандаш, нож, змея (продолговатые-и-тонкие);
- в) трук¹⁰: дерево, каноэ, палка, карандаш, сигарета (продолговатые-и-тонкие)⟨...⟩

Предметы, объединенные классификатором в одну категорию, по своему составу весьма похожи на те, которые встречаются в сверхгенерализациях детей. Ср., например, перечень предметов, объединенных детьми по признакам «круглый» и «продолговатый», с данными примеров (6) и (7):

- (9) а) английский: часы всех видов, газовый счетчик, намотанный на барабан пожарный шланг, напольные весы с круглой шкалой (круглые);
- б) французский: сосок (груди), кончик оголенного локтя, глаз на портрете, лицо человека на фотографии (круглые-и-небольшие);
- в) сербский: пуговица на пиджаке, кнопка съемного воротничка, дверная ручка, выключатель, все маленькое и круглое (круглые-и-небольшие).
- (10) а) английский: палка, трость, зонт, линейка, старомодная опасная бритва, доска (продолговатые);
- б) английский: прутья детской кроватки, игрушечные счеты, фасад здания с колоннами (продолговатые-и-вертикальные-и-параллельные).

Каких-либо примеров сверхгенерализации, приводящей к группировке предметов по признаку «плоский», нет. Возможно, это связано с тем, что, по предположению К. Адамса и Н. Конклина ⟨...⟩, ПЛОСКИЙ представляет собой особый случай ПРОДОЛГОВАТОГО.¹¹ Что же касается признаков КРУГЛЫЙ и ПРОДОЛГОВАТЫЙ, то данные по детской речи показывают, что они играют важнейшую роль в формировании языковых категорий (см. табл. 1)⟨...⟩

Относительный размер (как правило, небольшой) довольно часто используется в детских сверхгенерализациях ⟨...⟩ Впрочем размер для детей менее важен, чем форма, хотя они и предпочитают его в ситуации, когда есть выбор между размером и цветом ⟨...⟩

Признак «цвет» ⟨...⟩ не используется в качестве основания для сверхгенерализации ⟨...⟩

Последняя группа сверхгенерализаций, которую мы здесь рассмотрим, — это обобщение по материалу, из которого изготовлен предмет (табл. 3). При употреблении слова ребенок в этом случае опять-таки опирается на доступный восприятию признак: он может определять материал, исходя из зрительной или тактильной информации. В системах классификаторов признаки,

⁹ Чрау — австроазиатский язык мон-кхмерской группы. (Прим. перев.)

¹⁰ Трук — один из австронезийских языков Микронезии. (Прим. перев.)

¹¹ Adams K. I., Conklin N. F. *Toward a Theory of Natural Classification.*

наиболее близкие к данному, играют второстепенную роль <...> Из табл. 3 видно, что при использовании признака «материал» как основания сверхгенерализации дети чаще всего привлекают мягкие материалы или мех.

В большинстве категоризаций, осуществляемых в естественных языках при помощи классификаторов, а также во многих сверхгенерализациях детей ведущую роль играет зрительное восприятие. В обоих случаях классификация предметов основывается прежде всего на форме, причем важнейшими оказываются одни и те же признаки формы, а именно округлость и продолговатость (в вертикальной или горизонтальной плоскости).¹² Признак «плоский» имеет для детей значительно меньшее значение, хотя в некоторых случаях наличие горизонтальной поверхности и играет определенную роль <...>

Итак, мы берем на себя смелость утверждать, что система классификаторов и сверхгенерализации отражают один и тот же базисный процесс категоризации, который вначале протекает на неязыковом уровне. И классификаторы, и сверхгенерализации содержат информацию о принципах систематизации объектов, лежащих в основе процесса осмысления людьми окружающего их мира. Один из этих принципов состоит в том, что люди организуют группы предметов на основе воспринимаемых органами чувств физических свойств, среди которых ведущую роль играет форма.¹³ <...> Экспериментальные исследования по развитию ребенка показывают, что некоторые признаки формы являются для детей более значимыми и, соответственно, скорее используются в качестве основания категоризации. Признаки, которые являются психологически значимыми для ребенка, оказываются в числе наиболее важных оснований категоризации и в системах классификаторов. Это может означать, что последние прошли путь онтогенетического развития, потому что они отражают в точности те же различительные признаки, на которых ребенок строит свое отображение в языке окружающего мира <...> В обоих случаях — анализируем ли мы значения различных классификаторов или сверхгенерализацию ребенка — категоризация имеет когнитивное основание.

Итак, классификаторы, как и сверхгенерализация, являются отражением некоторого априорного процесса категоризации, в котором центральное место отводится сходству по форме и другим физическим признакам предмета. В то же время анализ ха-

¹² В литературе можно найти большое число наблюдений, а также описаний результатов, полученных экспериментальным путем, свидетельствующих об исключительном внимании, которое дети уделяют продолговатым предметам; особенную психологическую значимость имеет для них вытянутость по вертикали...

¹³ Rosch E.: 1) Cognitive Representations of Semantic Categories // J. of Experimental Psychology: General. 1975. N 104; 2) Human Categorization // Advances in Cross-Cultural Psychology / Ed. by N. Warren. London, 1971. Vol. 1.

рактера различения предметов, осуществляемого путем использования классификаторов или в детской речи, позволяет предположить, что некоторые признаки являются психологически более значимыми, чем другие <...> Таким образом, и классификаторы, и сверхгенерализации могут пролить свет на природу познавательных способностей, позволяющих объединять в категории предметы окружающего мира.

Г. Кларк, Е. Кларк

КАК МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ УПОТРЕБЛЯЮТ СВОИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

Дети в возрасте одного года очень активны: они постоянно заняты исследованием новых предметов и все время узнают что-то новое о старых предметах, трогая их, передвигая и играя с ними. В возрасте около года они прибегают к помощи взрослых для совершения своих действий <...> Но для того, чтобы добиться всего этого, дети должны уметь общаться, используя свои первые слова как для совершения речевых актов,¹ так и для выражения тематического содержания. Речевые акты и тематическое содержание являются такой же составной частью детских высказываний, как и пропозициональное содержание.²

* Отрывок взят из кн.: Clark H., Clark E. Psychology and Language: An Introduction to Psycholinguistics. New York, 1977. P. 312—320. Рус. пер.: Психоллингвистика. М., 1984. С. 353—366. Данная статья представляет собой главу из книги Г. и Е. Кларков «Психология и язык», поэтому мы сохранили нумерацию таблиц и примеров в соответствии с авторским текстом. (Прим. ред. рус. пер.)

¹ Имеется в виду теория речевых актов, получившая развитие в работах Дж. Остина, Дж. Сирля и др. Согласно этой теории, всякое высказывание есть совершение говорящим определенного действия или поступка, т. е. речь понимается как один из видов целенаправленной деятельности человека. В речевом акте выделяется *локутивный акт* — собственно говорение, произнесение чего-либо, и *иллокутивный акт* — то действие, тот акт, тот поступок, которые мы осуществляем при говорении. Это то, что мы *делаем*, когда говорим то, что говорим. Иллокутивный акт является конвенциональным актом и как таковой противопоставляется *перлокутивному* акту, т. е. тому эффекту, который был произведен данным высказыванием. Более подробное изложение основных положений теории речевых актов содержится в работах: Арутюнова Н. Д. 1) Предложение и его смысл: Логико-семантические аспекты. М., 1976; 2) Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований / Отв. ред. В. Н. Яреца. М., 1976. (Прим. перев.)

² Под пропозициональным содержанием (иногда оно называется идеационным содержанием) авторы понимают те идеи, мысли и представления, относительно которых совершается речевой акт. (Прим. перев.)

Что предшествует речевым актам

Родители и дети начинают общаться задолго до того, как дети научатся пользоваться языком. Их первые акты коммуникации главным образом жестовые; их инициаторами являются взрослые, когда ребенок находится еще в очень раннем возрасте <...>

Кроме указательных, дети используют для общения и другие жесты. Например, они часто тянутся с открытой ладонью или используют хватательный жест для того, чтобы показать, что они хотят чего-либо <...> При этом ребенок смотрит попеременно то на предмет, который он хочет получить, то на взрослого «слушающего». Дети также используют более специфические жесты или комбинацию жестов для того, чтобы продемонстрировать, чего они хотят <...>

В целом жесты детей, по-видимому, распадаются на две группы. Во-первых, они используют указательные жесты, которые, вероятно, имеют коммуникативное содержание типа «Посмотри на X» или «Расскажи об X». В этих случаях дети обычно удовлетворены, если их «слушающий» тоже смотрит в указанном направлении и, возможно, называет предмет или что-нибудь говорит о нем. Во-вторых, дети используют жесты, связанные с дотягиванием, которые, вероятно, должны обладать коммуникативным содержанием типа «Дай мне X» или «Дай мне посмотреть на (потрогать, поиграть) X». В этих случаях дети могут быть более настойчивы в получении ответа. Они повторяют жест и иногда сопровождают его хныканьем. Обычно они, скорее всего, ожидают, что «слушающий» даст им то, что они хотят. Некоторые исследователи утверждают, что эти два типа жестов предшествуют речевым актам, выражающим соответственно утверждение и просьбу. Указательный жест используется для утверждения факта присутствия, наличия чего-либо, а жест дотягивания используется для просьбы о чем-либо <...> То есть жесты и речевые акты аналогичны по функции: указательные жесты требуют подтверждения со стороны слушающего, так же как и утверждения, а жест дотягивания требует действия или ответа, так же как и просьбы. О справедливости этой гипотезы говорит и тот факт, что дети продолжают использовать указательные жесты и жесты дотягивания вместе с отдельными словами и даже комбинациями слов.

Речевые акты в раннем возрасте

Самые первые слова у детей, по-видимому, составляют единое целое с жестами, которые они сопровождают, как, например, в случае «До свидания + помахивание рукой» <...> Эти самые первые комбинации жеста и слова скорее являются частью привычной процедуры или игры, выполнения которой до-

бываются взрослые в определенных ситуациях, чем начальными речевыми актами. Правда, вскоре уже возникают речевые акты утверждения и просьбы. Первые утверждения присутствия обычно состоят из общего дейктического, или «указательного» слова (типа «там» или «вот») в сочетании с жестом, как, например, в «Во (от „вот“) + указание», а первые просьбы обычно состоят из общего слова просьбы в сочетании с жестом дотягивания, как, например, в «Ма (от „мама“) + дотягивание»... Вскоре после этого дети начинают называть предметы, выделенные в их утверждениях и просьбах. П. Гринфельд и Дж. Смит... обнаружили, что двое детей, за которыми они наблюдали, сначала произносили слова, сопровождая их указательным жестом или взглядом, направленным на выбранные или названные предметы.³ Затем, спустя два или три месяца, они также начали использовать слова в сочетании с жестом дотягивания. Слово просьбы у них (обычно это какой-нибудь вариант слова «Ма» или «мама»), как правило, произносилось с хныканьем <...> По мере того, как увеличивается словарный запас, дети начинают называть предметы, о которых они говорят в своих утверждениях или просьбах.

Дети на этой стадии речевого развития продолжают использовать в основном два типа речевых актов: утверждения и просьбы. Оба они принадлежат к тому классу, который Дж. Сирль <...> назвал репрезентативами и директивами.⁴ Поясним, что репрезентативы употребляются для выражения убеждения говорящего в истинности пропозиционального содержания, а директивы — для того, чтобы заставить слушающего действовать в ответ на просьбу говорящего совершить поступок или представить информацию. Дети могут также использовать один или два примитивных экспрессива, приветствуя кого-либо словом hi 'здравствуй' или выражая тревогу с помощью oh-oh. В этом возрасте они не дают обещаний (комиссивы), не делают заявлений типа «Я отказываюсь» (декларативы) <...>

³ Greenfield P. M., Smith J. H. The Structure of Communication in Early Language Development. New York, 1976.

⁴ Searle J. R. A Taxonomy of Illocutionary Acts // Minnesota Studies in the Philosophy of Language / Ed. K. Gunderson. Minneapolis, 1975.

IV. ЗВУК И ЗНАЧЕНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Д. Вестерман

ЗВУК, ТОН И ЗНАЧЕНИЕ В ЗАПАДНОАФРИКАНСКИХ СУДАНСКИХ ЯЗЫКАХ*

〈Вводные замечания〉. Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Языкознание сопротивлялось подобным попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетантство. Все это не мешает, однако, тому, что подобные отношения действительно существуют; при определенных условиях это можно доказать.

〈...〉 В языках примитивных племен можно скорее ожидать сохранения древних ступеней, чем в языках народов с богато развитой культурой. Конечно, примитивность западноафриканских негрских языков относительна: они имеют долгую историю развития и порою отличаются поразительным богатством формообразований.

В отношении звуков африканские языки тоже могут считаться относительно древними 〈...〉

Под звукоподражанием я понимаю звуковой комплекс, который, согласно восприятию суданцев, представляет собой непосредственную звуковую реакцию на полученное смысловое впечатление и является непосредственным и точным звуковым выражением внутренних чувств. Хотя справедливость этого утверждения нам удалось доказать только на отдельных, проверенных на практике случаях, мы убеждены, что звукоподражания создаются по мере надобности *всегда* заново, что здесь мы имеем дело с еще не завершившейся в своем развитии областью словообразования. Во время путешествия в сопровождении местных жителей можно увидеть, как они находят мгновенное выражение для какого-нибудь увиденного на далеком расстоянии,

* Отрывок взят из кн.: Westermann D. Laut, Ton und Sinn in westafrikanischen Sudansprachen // Festschrift Meinhof. Glückstadt; Hamburg, 1927. Рус. пер. в кн.: Африканское языкознание. М., 1963. С. 94—113.

но еще не слышимого явления или для внезапно ворвавшегося отчетливого запаха; окружающие повторяют его или принимают с молчаливым одобрением: вызванное внешним впечатлением внутреннее волнение находит выход в соответствующем ему звуковом выражении. Если в языке действительно осознается связь между звуком, тоном и значением, то это находит выражение, вероятно, именно в таких звукоподражаниях (которые нельзя еще назвать привычными словами), так как здесь эту связь осознают и говорящие и слушающие.

Поскольку звукоподражания рождаются еще и теперь, они не во всех случаях подчиняются законам звукового развития <...>

Из звукоподражаний образуются и имена. В языке эве это в большинстве случаев происходит при помощи изменения тона и прибавления уже упоминавшегося *é* 'есть это'. Эве *dabodabo* 'походка вперевалку' и *ʃabodabo* 'утка'; тви *dabodabo* 'утка'; в языке кру *dabedabe* 'утка' (примем во внимание чередование *e, o*; тон в кру не известен). Это, несомненно, позднее образование, так как впервые утка появилась в Западной Африке в XVII в. (Второе название для утки в языке эве *кра-кра*; тви *o-kwakwa*; ган *kwakwā*; гуанг *кракра*; йоруба *krékkré-ye*; эдо *крекре*; ликпе *крэкрэ*; ахло *крэкрэ*; акпафу *крэкрэ*; бовили *крэкрэ*. Отметим нисходящий тон в языке тви, который вместе со звуком *kw* наглядно изображает крик утки. Утка, таким образом, названа, во-первых, по ее походке, во-вторых — по ее крику.) Эве¹ *kodzokódzo* 'походка сутулого человека', от *kodzo-é* 'сутулый есть это' — 'леопард'; *laɣalaɣa* 'описание легкого шума пилы', *laɣalaɣa* 'пила'; *todo, todotodo* 'раскачиваясь', *tedotodo-é* или *todoto do-é* 'качели', 'крылья'; *lebe, lebelebe* 'длинный, гибкий' от *lebè* 'дикая кошка с гибким телом' и *lebelebe* 'длинный' (при разрезании оставшихся 'в похлебке овощей'); *wasawasa* 'трясущийся' от *wasawasé* (*-é < a-é*) 'клецки'; *lalala* 'тихо журчащий', *a-lalé < -lalá-é* 'название маленького ручейка' <...>

По своей форме большинство звукоподражаний двусложны. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что по крайней мере очень многие сложные слова составлены из двух не связанных между собой односложных элементов, которые еще и теперь можно поменять местами. Эве *loɣo* наряду с *ɣolo* 'шероховатый', *kedze* наряду с *dzeke* 'лохматый, шероховатый', *klitsa* наряду с *tsakli* 'шероховатый, растрескавшийся', *ɲadgi* наряду с *driɲa* 'жесткий', *ɲatsa* наряду с *tsaɲa* 'жесткий, липкий', *modzo* наряду с *dzomō* 'сильно выступающий, выдающийся', *kaɲa* наряду с *yaɲa* 'бесполезный'. Некоторые звукоподражания образовали при помощи словосложения целые семьи слов.

¹ Примеры без указания языка относятся к языку эве.

Возьмем для примера слог кра 'сухой, жесткий': эве краба 'сухой, высохший'; краді 'жесткий, крепкий'; крако 'жесткий, прочный, крепкий'; крато 'прочный, твердый'; кра̀тса 'жесткий, крепкий'; крау̀і 'засохший'; (с аффиксом l) кра̀ладза, кра̀лдза 'жесткий, твердый'; кра̀ла, кра̀ла̀ла 'очень сухой, высушенный'; кра̀ла̀ко 'крепкий'.

Звукоподражания передают любые впечатления, причем часто с такими оттенками и такой полнотой значения, какие наш язык может выразить в лучшем случае приблизительно. Их существует бесчисленное множество; даже многолетнее собрание дает возможность учесть лишь какую-то часть их. С особой любовью звукоподражания описывают различные виды движения. Так, в своей грамматике языка эве (§ 133) мы привели 38 звукоподражаний, характеризующих различные виды походки человека.

Оттенки значения звукоподражаний определяют следующие факторы: повтор, высота тона, количество гласного, качество гласного, напряженность согласных.

Повтор. Языки используют повторы не только в звукоподражаниях. Разнообразные функции повторов можно обобщить следующим образом: повторным произнесением того же слова выражается повторный процесс, событие; они обозначают:

а) повторенное и тем самым усиленное действие; тви ка́ 'трогать', кека́ 'часто трогать'; ка́ 'кусать', кека́ 'часто, сильно кусать';

б) множественное число имени; тви е-киу́ 'куча', мн. ч. а-киу́ а-киу́;

в) разделение, дробление на части; гуанг ка́ 'резать', кака́ 'резать на отдельные (и, следовательно, маленькие) куски'; отсюда образуется:

г) значение уменьшительности; эве го́ли 'цилиндрический', го́лиго́ли 'маленький и цилиндрический'. В языке яунде повтор тоже служит для выражения уменьшительности; па́да 'дом', о-па́нда 'маленький дом'; мо́т 'мужчина', о-мо́то 'маленький мужчина'; бо́т 'люди', а-бо́бот 'мало, немного народа'...

Повторность создает представление о длительности действия, состояния; повтор образует:

д) отглагольное имя (<...>)

<...> В языках мандинго повтор часто используется в звукоподражаниях, в большинстве случаев употребляющихся как глаголы или имена; приведем только несколько примеров из языка бамбара: пи́рирага́ 'ничего не стоящий', у́ки́яка́ 'балансировать', пи́пи́пата́ 'забота', си́рисага́ 'торговать ветошью', ки́си́ка́са́ 'идти осторожно', би́ри́бага́ 'разбрасывать', фи́ли́фала́ и фи́си́фаса́ 'обходить'

вокруг', figifaga 'шататься', djigidjaga 'зигзагами (идти)', mili-
kimalaka 'идти зигзагами', kiribikaraba наряду с kolobokalaba
'ничтожный, бесполезный', golobogalaba наряду с kolobokalaba
'путаница'.

Высота тона. В зависимости от низкого и высокого тона можно установить ряд параллельных групп; значение высоты тона определяется совершенно четко. Там, где язык не отмечен, примеры взяты из эве.

Низкий тон обозначает:

1. Что-нибудь большое, объемистое, широкое: Gbagbagba 'большой'; kplodzò, kprukplù, kponogò, kplòhò, likpè 'толстый'; tri, kli, tò, kpè 'быть толстым'; lòlò 'быть большим, толстым', kèkè 'быть широким'; kaka 'быть расширенным', didi 'быть длинным', krombo 'толстый, огромный'. <...>

2. Что-нибудь неловкое, неуклюжее; медленное движение: gligo, kako, klaña, kokodi, kokodiko, kaña, gbodro, goña, krobò 'неуклюжий, неловкий', gügluglu, giligili 'неуклюжий, неловкий', blewu, dododo, bokò, kro, laña, liña 'медленный'.

3. Что-нибудь тупое, притупленное: dogò, kprangò, klifo, klikò, gbugblu 'тупой, притупленный'.

4. Шаткость, расхлябанность, слабость: dzogblo, dzohlò, kedè, kèdzè 'шаткий', fòflòkòdzò 'слабый, легкий', dzòbo, bòtsò lù, de agblo 'быть шатким'.

5. Путаницу, беспорядочность: pamà, bàsà, ñàgà, dribà, klauyklauè 'спутанный', kplòhò, kloyi, xolo, badabada, blayi 'спутанный, как попало'.

6. Пасмурное, туманное, темное: babi 'ищущий в темноте, ощупью', blu, blublu, blükü, blükütü 'закрытый, покрытый, затуманенный', bitu 'закрытый, пасмурный, сумрачный, ворчащий' <...>

7. Что-либо неподвижное, жалкое, убогое, глупое (ср. 6): dü, düle, ga, npi 'установиться; пустой взгляд', mò, do, fundra 'жалкий', gologolo, gologolo 'глупый', gügluglu 'неловкий, неуклюжий', lusu 'тупоумный'.

8. Распухшее, слабое, больное: krobò, kplimò, kpongblo,

godzo, bodzi, budzebudze 'распухший, вздутый'; no, gblo, gblodo, lafa, blobi, betse, gboyi 'слабый, вялый; болезненный' <...>

9. Что-нибудь пресное, безвкусное: ya, yaub, lalo, ye, drosi 'безвкусный', vo, vovo 'быть безвкусным', lusu 'безвкусный'.

10. Противный запах: lilili, ku, geligeli, ligbaligba, sramasrama, badabadada, ge 'неприятно пахнущий'.

11. Беззвучный, глухой: bidibidi 'глухой (барабан)', krokrokro, krodokro 'беззвучный'.

12. Испуг, стыд, смущение: gu 'неподвижный, испуганный взгляд', hahaha 'испуганный', gbatsa 'испуганный, пристыженный', bobo 'пристыженный'; dibo 'застигнутый, пристыженный'; krodokro 'сгорбившийся от стыда'.

Высокий тон обозначает:

1. Нечто маленькое, тонкое, нежное: tukui, tukutukui 'маленький, немного', kitsi, kitsikitsi 'маленький, крохотный, узкий, острый', bidibidi 'тонкий, нежный', wluwlu 'тонкий' fe, flafle, fafle 'нежный'; te 'быть тонко размолотым'. В языке эве многие звукоподражания имеют высокий или низкий тон; первые обозначают нечто маленькое (при этом часто прибавляется e 'есть это'), последние — нечто большое: goba 'изогнутый' (о больших предметах), gobé — то же о маленьких; bolí 'короткий и толстый', bolí — то же о маленьком; lobó 'овальный' — lobóé, lubú 'глубокая впадина' — lubui; lebe 'длинный', lebi < lebe-e >. В тви какга 'большой', какга 'маленький'. В йоруба bigi 'быть большим' (об участке земли), bigi 'быть маленьким' <...>

2. Нечто узкое, туго натянутое, острое: xa, xaxa 'быть узким', tswé 'острый (быть острым)', krii 'быть коротким', fia 'сжимать', mia 'быть узким, давить, сжимать', bi 'узкий', kribó 'узкий, сжатый', fidé, kége bidui 'острый', kodzo 'сутулый' kradikradí 'прижатый', fla 'тонкий, нежный'.

3. Тихий, незаметный, осторожный: xa 'тихий, осторожный', dzá, kro, bebebé, lululu klana kléne 'тихий, крадущийся, безмолвный', pikri 'молчаливый', goligoli 'очень скрытный', minamina

'крадущийся', biebie 'идуший осторожно, мелкими шагами', xlixlixli 'тихое, осторожное натягивание'. Тви wo 'с тихим шорохом', wo 'с сильным шумом'.

4. Быстрый, скорый, поспешный: viivui 'быстро идущий', dzédzé 'бодрая, легкая походка', blobloblo 'быстро, живо говорящий', dogodogo 'ловкий', 'проворный', gblulululu 'быстро бегущий', gegége 'семенящий', kasia 'внезапно', fifi 'на месте', bla, kaba 'быстрый', yo 'торопиться'. Тви ntem, haréharé 'поспешный'.

5. Энергичный, свежий, бодрый, внимательный: miamia 'свежий', ha, hé 'бдительный, зорко следящий'.

6. Точный, тщательный: re, réré, tututu 'точно, как раз вровень', dza dzi 'точно, как раз только'.

7. Высокую степень: fufufu, gbidi gbidi, xalixali 'совсем, совершенно', xa, bo, vi 'далеко от', kékéke, kakaka 'в значительной степени' <...>

Выражения, обозначающие совокупность, целостность: kata, krata, pete, kuga, kli, kliklikli, krikro 'все', fu, ken, tan, son, yo 'совсем, совершенно, всецело, только'.

8. Яркость красок, сильную темноту: heliheli 'ярко-красный', gbagbagba 'крово-красный, багровый', ti, tititi 'совершенно белый'.

9. Кислый, острый вкус: didri, hoyihoyi, heliheli 'кислый, острый', ve, véve 'быть кислым, острым'.

10. Приятный запах: lilili, ku 'благоухающий' (противоположность lilili <...>)

11. Приятный вкус: napanana, debidebi 'сладкий', vivi 'быть сладким, вкусным'.

Количество гласного. Если многосложные звукоподражания описывают маленькие предметы, то они получают, следовательно, высокий тон, а долгий гласный, как правило, становится кратким: lebe 'длинный', lebi 'длинный' (о каком-нибудь маленьком предмете). Примеры можно найти выше, где говорится о высоте тона. Итак, долгий гласный обозначает нечто большое, краткий — маленькое <...>

Качество гласного. Мы различаем в этом отношении только две группы: звукоподражания с гласными заднего ряда и звукоподражания с гласными переднего ряда. К первым относятся и,

о, о; к гласным переднего ряда — і, е, е и также а<...>

Различие в значении обеих групп ясно: гласные заднего ряда («темные») передают значения огромного, толстого, туго набитого, распухшего, мрачного, темного; гласные переднего ряда («светлые») — значение тонкого, длинного, вытянутого, растянутого, светлого<...>

А) Гласные заднего ряда

blu 'мрачный', bluku, blukutu 'совсем закрытый, закутанный, темный', bluhò, blòhò 'мрачный', bũ 'глубоко выдолбленный', bibù 'темный, мрачный', bugebuge 'густой (о поднимающемся дыме)', bũdzabũdza 'опухший', butu 'закрытый, мрачный'.

flũflũ 'темный, затемненный, затуманенный', flũkrẽ 'мрачный', fũli 'неясный, пасмурный'.

glo (там, где в дальнейшем тон не отмечен, слово имеет низкий тон) 'всем телом, всей тяжестью', globo 'глубокий, выдолбленный', gloto 'пузатый, толстый', glubu 'глубокий, выдолбленный', glubutui 'пузатый', glulu 'большой и сильный', gò 'шишковатый', gobo 'выдолбленный, глубокий', godzo 'опухший', godogodo 'круглый и большой, пузатый', goglo 'быть глубоким', gògò 'обширный, упругий, опухший', goña 'неуклюжий', goto 'круглый, выдолбленный'.

gblolo 'толстый', gbloto 'пузатый, распухший', gblovu 'толстый, надутый', gbũ 'бросающийся в глаза', gbodgo 'неуклюжий', gbudu 'крепкий, сильный', gbudugbudu 'глухой шум от шарканья ногами', gbudugbudu 'короткий и толстый', gbugblu 'толстый, крепкий, тугой'.

какò 'прочный, затвердевший, толстый, полный', kolikoli 'обожженный дочерна', kolikoli 'сильно дымящий, чадящий', koño 'густой', kokodì, kokodiko 'неуклюжий', kusu 'густолиственный, темный', kutu 'плотно сжатый'.

krafo 'толстый', krafu 'неясный, пасмурный', kplimò 'полный, круглый', kplodzo 'толстый', kplòhò 'толстый', kro 'пышный, хорошо откормленный', kro 'быть толстым, хорошо откормленным', kробо 'короткий и толстый', krodì 'приземистый', krodò 'шарообразный', krofu 'жирный, толстый', krodzo 'жирный, толстый', крокрло 'плотный, упругий', krolòhò 'мясистый, хорошо откормленный', kромbo 'толстый, огромный', kроного 'толстый', kроngo 'округлый, короткий', krongblo 'распухший', kрото 'округлый, изогнутый', kрото 'мрачный, грязный', крооу 'кустистый',

kpidu 'короткий и толстый', krikpɪu 'округлый, крепкий, упругий'.

lifu 'мрачный', lobo 'округлый', lɔbo 'овальный', logbo 'овальный', logo 'пузатый', loɔo 'овальный', lokro 'толстый, выступающий' (например о скулах), lɔlɔ 'быть толстым, большим', loto 'овальный', lubu 'с глубоким дуплом', lutu 'плотный, округлый'. mlago 'толстый, округлый', mlomlomlo 'толстый, округлый'. nogo 'шарообразный, круглый' <...>

Б) Гласные переднего ряда

bagā 'тонкий, узкий', balā 'изящное движение', balē 'тонкий', bī 'узкий', bīdā 'длинный и тонкий', bīdēbīdē 'растянутый', bīdībīdī 'тонкий' <...>

fēdēfēdē 'тонкий', fābē, fatro 'тонкий', flā 'тонкий, нежный', flagbē 'плоский, тонкий', frāmā 'тонкий'.

degre 'худощавый'.

gegege 'ярко пылающий, взволнованный' glenglen 'с длинными стройными ногами', glī 'длинный, вытянутый', glidza 'далеко отстоящий, отгороженный'.

kaḁa, kaḁē 'тонкий, тощий', kankaḁ 'ярко сияющий', keḁe 'лишенный ветвей, вытянутый', keḁē 'тонкий, тощий', kēndē 'высоко поднявшийся', kēnglē 'высокий и узкий' <...>

labā 'гибкий', laka 'вытянутый в длину', lakati 'худой, тощий', lē 'тонкий', lebe 'длинный, гибкий', lebe 'гибкая дикая кошка', lēdze 'вытянутый в длину', lege 'длинный', legbe 'длинный и тонкий', lēlēlē, lēlēlē 'длинный, гибкий'.

mī 'ровно в ряд', mīmīmī 'вытянутый' <...>

В языке нянгбо ke-tsukpu 'большой горшок', ke-tsikpi 'маленький горшок'.

В кпелле kropotolo 'жирный, мясистый' (о крупных, больших животных или людях), krikpitili — то же самое о мелких, маленьких.

Напряженность согласных. Здесь я тоже ограничиваюсь несколькими отчетливо выступающими главными группами.

Согласный b означает нечто мягкое, ветхое, дряхлое, гнилое: ba 'грязь', baba 'водянистый', bada, badaba, badabamba 'вязкий, грязный, водянистый', baḁa 'вязкий, грязный', baḁa 'мясистый, мягкий', beḁe 'вязкий, мягкий', belebele 'слабый, дрожащий', be 'быть дряхлым', bī 'дряхлый', bibibi 'мягкий, ветхий', bīdībīdī 'мягкий, тонкий', bīḁa 'подгнивший, мягкий', bīhibīhi 'мягкий',

biho 'кашеобразный', blifu 'мягкий', bliṇa 'мягкий, подгнивший', blobi 'дряхлый, гнилой', blonibloni 'слабый', bobo 'быть мягким', abobo 'улитка', bohoboho 'мягкий, студенистый', bolī 'мягкий, скользкий', bolobolo, bolobolo 'мягкий, скользкий' (о дороге), boloe 'мягкий, слабый, нежный', bonobono 'мясистый, мягкий', boi 'мягкий, размоченный', boto 'влажный, размоченный', boyo 'мясистый, пышный'.

Звук w имеет то же значение: wloṇo 'мягкий, слизистый', wloyi 'мягкий', wluwo 'тонкий, порошкообразный', wobiwobi, wobliwobi 'гнилой', woyi 'расхлябанный', wowowo 'слабо накрапывающий', woyi 'подгнивший, мягкий', wuba 'дрожащий <...>

Наибольшую противоположность звукам b и w представляют звуки k и kr; они обозначают нечто крепкое, твердое, жесткое, сильное: како 'прочный, толстый, крепкий', katsakatsa 'жесткий, крепкий', klika 'крепкий, сильный' kokotako обозначает крепость, силу, могущество, kotoko — восклицание, издаваемое по поводу большой работоспособности, kraḍi 'жесткий, твердый, крепкий', kraḍo 'крепкий, прочный', kraladza 'жесткий', krali 'с силой', kram 'с силой' <...>

Таким образом, в звукоподражаниях противостоят друг другу следующие два ряда, четко различающиеся по своему значению:

Ряд А	Ряд Б
Звукоподражание	
<i>Высокий тон</i>	<i>Низкий тон</i>
Краткий гласный	Долгий гласный
Гласный переднего ряда	Гласный заднего ряда
Глухой согласный	Звонкий согласный
Значение	
Маленький, тонкий, тугой, твердый, прочный, крепкий	Большой, обширный, неуклюжий, бесформенный, мягкий, слабый
Светлый	Темный
Быстрый	Медленный
Острый, приятный на вкус	Безвкусный, пресный
Приятный запах	Неприятный запах
Яркий (интенсивный) цвет	Блеклый цвет
Энергичный, свежий, бодрый, точный	Затхлый, тупой, запутанный

Эта группировка, естественно, не может применяться механически, но она соответствует общему характеру языка.

Г. И. Рамстедт

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ СЛОВА*
<на материале алтайских языков>

Словообразование в алтайских языках выявляет значительную склонность к ономатопоэтическим воспроизведениям. Если взять, например, слово тюркск. *ир* 'пить', монг. *иw-* (то же), то сразу же становится ясным, что возникновению этого слова способствовал звук, различаемый при питье. Тунгусо-маньчжурское слово *им-*, *имі-* 'пить' — не тождественно тюркско-монгольскому, однако первоначально оно должно было иметь один и тот же звукоподражательный источник. Множество имен, в особенности — наименований зверей, птиц, насекомых и т. д. во всех языках обязано своим происхождением склонности человека к подражанию. Глаголы, которые своей звуковой структурой должны производить желаемое впечатление, по своему числу значительно превосходят эти имена. Новые глаголы того же типа беспрестанно возникают в различных языках и диалектах, вне всякой зависимости друг от друга.

Некоторые древние глаголы, не имеющие ни ясных словообразующих суффиксов, ни других групповых примет, могут, однако же, быть по своему происхождению ономатопоэтическими, например: тюркск. *tik-*, монг. *сікі-*, тюркск. *сар-*, монг. *сарсі-* 'шлепать, хлопать'; тюркск. *соq-*, *тоq-*, *соq-*, монг. *сокі-* 'толкать, бодать' и т. д. Форманты, существующие для образования производных форм простейших звукоподражательных глаголов, в монгольском и тюркском языках в большинстве своем одни и те же, а потому могут считаться достоянием, унаследованным из древнего языка.¹ Например:

- 1) *-га-*: тюркск. *суңга-* 'блестеть', *jaltуга-* 'блестеть', *сіңгä-k* 'резкий', *joltуга-* 'блестеть', *külgä-* 'бултыхаться', *jiltire-* 'мерцать', *bükгä-* 'кланяться', *titire-* 'дрожать', *сісіге-* 'дрожать', *тоң-гä-* (монг. *mō-ge*) 'роптать, ворчать'.
- 2) *-ла-*: казах. *bälä-* 'блеять', *juула-* 'плакать', *аула-* 'стонать, вздыхать'; монг. *ујла-* 'плакать', *хайла-* 'звать', *огла-* 'ворчать', *бурла-* 'роптать, ворчать'.

* Отрывок взят из кн.: Ramstedt G. J. Einführung in die Altäische Sprachwissenschaft. Helsinki, 1952. Рус. пер.: Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание / Пер. с нем. Л. С. Слоним. М., 1958. С. 223—225.

¹ То же следует сказать и об ономатопоэтических словах, получивших наиболее полное освещение в работе (Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928), где подробно даны все сведения как об основах звуко- и образоподражательных слов, так и о морфологических формантах, образующих различные словообразовательные формы этих слов.

- 3) -kira-: кирг. goçyга- 'ворчать', sirkire- 'чирикать'; монг. çaikira- 'звать', caskira- 'кудахтать', sis-kire-, iskire- 'свистать', tukira- 'травить, науськивать'; тюркск. çaçyга- 'звать'.
- 4) -ki-: монг. çoki- 'бить', toŋki- 'выковыривать'; маньч. toŋki- (то же) <...>
- 5) -gi-: монг. sugi- 'шуметь, буянить', sagi- (то же значение), niggi- 'гремять', tūrgi- 'выплывать', turgi- 'сопеть, фыркаать, храпеть', ŷirgi- 'щебетать'.
- 6) -gina-: монг. sugina-, sagina- 'шуметь, буянить'.
- 7) si-: монг. toŋsi- 'долбить крючковатым клювом', siŋsi- 'обнюхивать', samsi- 'шелкать', tūksi-, tuksi- 'колотить, стучать', sobsi-, sogsi- 'лениво бежать (вперевалку)', oksi- 'взламывать'.
- 8) -na- (редкий): тюркск. çatyna- 'брызгать', 'прыскать'; ср. также монг. su-gi-na.
- 9) -l̄ḡa-: монг. irḡal̄ḡa-, irbal̄ḡa- 'скалить зубы', 'ухмыляться', sirbal̄ḡa- 'барахтаться, трепетать'.
- 10) -ŋpa-: монг. darḡiŋpa-, tarḡiŋpa- 'дребезжать, хрустеть' (калм.) [= -gina-, -ḡigina-, и -ŋla-, тюркск. (кирг.) — -ŋda-].

Особый тип образуют монгольские глаголы на -ji- (-aji-, -uji-), которые выражают внешнюю форму или положение, например: oboji- 'иметь форму конуса', doldaji- 'быть неустойчивым', dalbaji- 'быть широким и плоским', orŋaji- 'изумленно рассматривать, делать большие глаза', kelbeji- 'стоять криво', ke-seji- 'прислоняться, облакачиваться' и т. д.

В маньчжурском языке для передачи звуков и голосов употребляются оноματοпоэтические комбинации звуков, которые предшествуют глаголу se- 'делать, говорить'; в корейском подобные же звуковые комплексы предшествуют глаголу ha-da 'делать, производить, выполнять'.

Для того чтобы точнее описать какое-либо действие, состояние или происшествие — в отношении способа его осуществления либо конечного результата, непосредственно перед глаголом употребляется ряд звукоподражательных либо иных описательных слов; особенно часто это можно наблюдать в гольдском языке и ольча, а также в корейском языке.

Примеры их: <...> гольд. tul-tul 'постоянно', tek-tek 'прямо', teas-teas 'совсем', leas-leas 'все время, непрерывно', lekce-lekce

‘плотный, густой’, luktu ‘через, сквозь’, pes ‘в сторону’, pos ‘на-сквозь’, lak-lak ‘счастливо и неожиданно’; тунг. tin-tin, tiŋ-tiŋ ‘твердый, крепкий’ и т. д.; кор. sellen-sellen ‘прохладный’, ssek-ssek ‘очень’ и т. д. Этот способ выражения при помощи «квази-слов», которые с предельно возможной при звукоподражательном изображении выразительностью передают содержание сказуемого, очень принят и распространен в корейском языке. Такого характера производные образования применяются там в качестве наречий и наречных предложений чрезвычайно разнообразно и обобщенно. Это пристрастие корейского языка к различного характера ономастике, по моему мнению, едва ли должно возводиться к праязыковым свойствам, исконно присущим алтайским языкам <...>

В. Скаличка

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕНГЕРСКИХ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ*

В превосходном венгерском этимологическом словаре¹ значительное место занимают выражения, именуемые звукоподражательными. Речь идет об известных всем языкам словах, в которых звучание слова само по себе выражает понятие, заключенное в слове; ср., например, венг. babog ‘лепетать’, dadog ‘заниматься’, csicsereg ‘чирикать’ и т. п.

Этимология подобных слов объяснена в венгерском этимологическом словаре на основе программной статьи З. Гомбоца.² В этой статье он рассуждает примерно, следующим образом.

Наряду со словами финно-угорскими по происхождению и более поздними заимствованиями из различных языков в венгерском языке обильно представлены звукоподражательные слова, созданные в процессе языкового развития. Последние возникли на почве подражания действительности.

Гомбоц сам отмечает, что не все слова, воспринимаемые в качестве звукоподражаний, являются звукоподражательными по происхождению. Поэтому в каждом подобном случае следует выяснить, является ли то или иное слово звукоподражательным по происхождению или нет. В связи с этим Гомбоц приводит

* Отрывок взят из ст.: Skalicka V. Studie o maďarskych vyrazech onomatopickych // Sbornik filologicky. 1935. XI. Str. 75—101. Рус. пер. в кн.: Пражский лингвистический кружок / Пер. с чешск. Г. Я. Романовой. М., 1967. С. 277—316.

¹ Gombocz Z., Melich J. Magyar etymologiai szótár (MESz). Budapest, 1914—1936, Bde 1—12.

² Gombocz Z. Hangutánzás és nyelvtörténet // Magyar nyelv. 1913. 9. Str. 385—392.

три категории для распознавания звукоподражательных по происхождению слов.

1. Незначительное географическое распространение. Звукоподражательные по происхождению слова являются по преимуществу диалектными, слова же финно-угорского или турецкого происхождения почти всегда носят общевенгерский характер.

2. Отсутствие таких слов в старых словарях и письменных памятниках.

3. Разнообразие фонетических вариантов (ср., например, ballag, bullog 'медленно идти, семенить', billeg, büllog 'шататься, колебаться').

Кроме собственно звукоподражательных слов, как отмечает Гомбоц, в языке встречается множество слов, которые выражают движение и передают это посредством своего фонетического состава (наряду с звукоподражательными словами <...> Гомбоц выделяет <...> звукоописывающие слова).

Наконец, Гомбоц отмечает, что звукоподражательные слова, подобно прочим, развивают систему значений и иногда с определенным значением попадают в литературный язык (так, например, из обширной группы слов на saf-, sar- и т. п. в литературный язык вошли слова safol 'опровергать' и safat 'лохмотья, рубище').

Этим принципам соответствует и практика венгерского этимологического словаря. Звукоподражательные слова даются в нем двояко:

<...> 2. С <...> указанием на то, что данное слово присоединяется к другому или к другим словам или к целой группе других звукоподражательных слов. Так, например, при слове safog 1) 'шлепать по грязи', 2) 'трястись' приводится много сходных слов (safat, saflat, safol и т. д.) с указанием на то, что вся группа слов образована от звукоподражательного корня saf- <...>

Однако теория и практика З. Гомбоца и Я. Мелиха противоречат многим наблюдениям современной науки, и поэтому будет, очевидно, полезно рассмотреть данную проблему еще раз.

Мы будем исходить из самых основ языка. Язык — это семиологическая система, так как его неразрывной составной частью являются семиологические, семантические отношения. Семиологические отношения связывают два элемента — означаемое (signifié) и означающее (signifiant). В языке означаемым элементом является внешний мир, означающим — область фонетики.

I

Прежде всего мы коснемся фонетической и фонологической сторон оноματοпоэтических слов. Как мы убедимся, фонетическая, т. е. чисто звуковая, сторона звукоподражаний чрезвычайно важна. В связи с этим мы уделим ей особое внимание.

Обычно фонетика имеет отношение только к фонологии. Эти

отношения в интеллектуальном словарном составе вполне обычны и непроблематичны, а поэтому они и не особенно важны.

Звукоподражательные слова существенно отличаются от последних в двух направлениях:

1. Фонемы, образующие соответствующее слово, произносятся иначе, чем обычно, выступая в стилистических вариантах и тем самым приближаясь к действительному звуку. Это касается в значительной мере только междометий; ср., например, произношение чешск. *bit-bat*.³ Тем самым фонология теряет свое превосходство над фонетикой и возникает проблема взаимоотношения фонологии и фонетики. Однако, как уже было сказано, этот факт не имеет большого значения для всех звукоподражательных выражений, а распространяется только на область собственно междометий.

2. Более важно другое явление. Фонемы, образующие определенное слово, не являются случайными, а воспринимаются так, что наличие их в слове соотносится с тем, что выражает слово в целом.

Сколь далеко простираются эти отношения — в этом вопросе мнения исследователей расходятся. Так, З. Гомбоц в указанной выше статье придерживается взгляда, что оноματοпоэтические слова возникли самостоятельно, вследствие чего их единственной этимологией является сам естественный звук. Это означает, что в них преобладает звукоподражание, а прочие элементы не имеют значения. Напротив, Й. М. Коржинек пишет: «Не следует забывать, что звуковой вид звукоподражательных семантем сравнительно мало зависит от объективного характера соответствующих естественных звуков, что в данном случае речь идет прежде всего об установившемся и традиционном представлении об особой пригодности звукового строя определенных семантем для выражения соответствующих звуков, существующих в языковом сознании носителей определенного языка и зачастую весьма разнообразных у различных народов».⁴ Таким образом, звукоподражание сведено до уровня пустой, ничем не обоснованной фикции.

Действительность, однако, гораздо сложнее, чем указанные крайние точки зрения (< . . . >)

В отличие от языка знаков или жестов, которые являются семиологическими оптическими системами, речь представляет собой семиологическую акустическую систему. Понятие звукоподражательности основано на воображаемой или реальной близости означающего и означаемого элементов. Пример оптических систем указывает нам путь, по которому надо следовать, чтобы отыскать звукоподражания в языке. Означающий элемент, по видимому, и здесь будет иметь определенные свойства, соотно-

³ Ср.: Kořínek J. M. Studie z oblasti onomatopoeje // *Facult. philos. Univ. Carol. Prag. Praha*, 1934. Vol. XXXVI. P. 28 ff.

⁴ *Ibid.* P. 176.

сительные с означаемым. Необходимо подчеркнуть, что звукоподражание не может стать идентичным звуку. И даже если бы звукоподражание физически соответствовало естественному звуку, то и тогда это не были бы тождественные явления, поскольку оба они принадлежат к разным системам и играют в последних разную роль.

С терминологической точки зрения мы считаем уместным распространить понятие звукоподражательности и на аналогичные явления оптических систем. Мы полагаем, что благодаря этому увеличится ценность этого понятия.

Следовательно, для нас звукоподражательность является отношением элементов означаемого и означающего, базирующимся на соотносительности их свойств.

Как мы уже отметили, ономастическое слово не бывает идентичным и не может быть идентичным звукам внешнего мира. Звуки языка являются элементами языковой системы, звуки же внешнего мира являются составной частью системы реального мира. Таким образом, они выступают в качестве составных частей разных систем и следовательно, не могут быть тождественными. И если бы даже звук языка физически точно соответствовал естественному звуку, все же тождественным ему он быть бы не мог.

Однако нам известны определенные тенденции, на основе которых звуки распределяются по определенным группам. Совершенно объективно можно установить, что определенные звуки или определенные виды звуков языка связаны с определенными звуками или определенными видами естественных звуков.

Выражения, передающие отчетливый звук, содержат обычно гласный -а; ср. *csahol* 'тявкать', *gagog* 'гоготать' *harog* 'крякать', *jajgat* 'ахать, охать', *károg* 'каркать'.

Выражения, передающие звук высокого тона, обладают тенденцией к вокализму типа *i*: *szisszen*, *sziszeg* 'шипеть', *cincog* 'пищать (о мыши)', *ciripel* 'трещать (о сверчке)', *visit* 'визжать'.

Со свистящими и шипящими согласными имеют тенденцию употреблять слова, передающие свистящие, дребезжащие звуки: *sziszeg* 'шипеть', *sziv* 'сосать', *szippant* 'шмыгнуть (носом)', *zizeg* 'шуршать (о листьях)', *susog* 'шептать', *suhogni* 'свистеть (о кнуте)', *süvölt* 'выть (о ветре)', *zsong* 'жужжать'.

С аффрикатами употребляются слова, передающие чавкающие, трескучие звуки; ср. *csatcsog* 'чавкать', *csicseg* 'чавкать (о воде в сапогах)', *cserdít*, *csördít*: 1) 'стучать, колотить в дверь', 2) 'чем-либо трещать, греметь', 3) 'шелкать бичом', 4) 'стукнуть по шее' <...> *csoszog* 'волочить', *cafog* 1) 'шлепать по грязи', 2) 'трястись, дрожать' <...>, *sirog* 'издавать чавкающий звук (например, ногой в воде, в грязи, около веза, при поцелуе, при замешивании теста, при падении предмета)' <...>

К употреблению губных склонны трескучие и хлопающие звуки; ср.: *grüsszent* 'чихнуть', *grüszkol* 'чихать', *pattint* 'шелкнуть'

(бичом)', rikkap 'треснуть', bofog 'рыгаť', fitty 'щелкать пальцами' <...> brekeg 'квакать (о лягушках)'.

К употреблению носовых (п, m) согласных имеют склонность звуки прерывистые, приглушенные. Звук -п- выступает чаще всего как полугласный, т. е. употребляется перед согласным. Ср.: tofog, tofogl 'ворчать', 'бормотать', zümmog 'жужжать (о мухе)', motyog 'говорить себе под нос', mekeg 'блеять', kong 'гулко звучать (о пустом помещении)', dong 1) 'гудеть, жужжать', 2) 'говорить неясно, в нос' (MESz. IX. P. 1388), zsong 'жужжать (о пчелином рое)', sancekol 'шататься' <...>

Нам остается рассмотреть еще звуки -г-, -л-. Звук -г- означает дребезжащий, довольно грубый звук; -л- — гораздо мягче. Ср.: kagog 'каркать (о вороне)', brekeg 'квакать', tofog 'ворчать', kogog 'бурчать, урчать (в желудке)', gesseg 'скрипеть', gofog 'хрюкать (о поросенке)', liheg 'пыхтеть', lobog 'реять (о знамени)', locsol 'брызгать, опрыскивать', locsog 'много болтать'.

Звукоподражательные функции свойственны не только отдельным звукам языка, но и их сочетаниям. Очень важно при этом удвоение.

Удвоение целых слогов подчеркивает повторяющийся звук; ср.: dadog 'заикаться', kotkodacsol 'кудахтать', kukogekol 'кукарекать', kakuk 'кукушка', bugybogekol 'булькать (о воздухе в воде)', kelepel, kegerel 'стучать (аист клювом)'.

Удвоением согласных выражается прерывистый резкий звук; ср.: koccsint 'чокаться (стаканом)', gobban 'взрываться', tüsszent, grüsszent 'чихнуть', kullog 'красться, медленно идти', loccsan 'плескаться (о воде)'.

Наш обзор в научном отношении никак не упорядочен. Для этого потребовалось бы сотрудничество с акустикой. Но все же и на основании этого можно сделать кое-какие выводы.

Прежде всего все приведенные слова еще раз свидетельствуют о том, что каждое звукоподражание неточно воспроизводит звук. Это видно уже из переводов с венгерского на чешский, которыми нельзя точно передать венгерские глаголы.

Но при этом все же очевидно, что подражание в известной мере имеет место. И опять-таки на это указывает чешский перевод. Некоторые чешские глаголы иногда очень сходны с венгерскими, иногда же сходство отсутствует. Ср. bög — biceti 'мычать', mekeg — meceti 'блеять', но nyerít — rehtati 'ржать', tüsszent, grüsszent — kychati 'чихать'.

Звуки, передаваемые оноματοпоэтическими словами, весьма разнообразны. Некоторые из них очень сложны, и воспроизведение их оказывается довольно приблизительным. Возьмем хотя бы слово «ржать» — чешск. rehtati, венг. nyerít. В обоих глаголах представлен звукоподражательный элемент, но звучат они различно. Это вызвано тем, что звук ржания весьма сложен и звукоподражанием можно воспроизвести только какую-то его часть, в каждом языке свою. Другие же звуки совершенно эле-

ментарны, вследствие чего передать эти звуки гораздо легче. В связи с этим их выражение в разных языках оказывается почти тождественным. Ср., например, чешск. *buceti* 'мычать', венг. *bögni*, финск. *amua*, турецк. *büyüktek* (...). В зависимости от того, насколько точно звукоподражательные слова воспроизводят естественный звук, они образуют целую лестницу, своеобразную иерархию.

Все это имеет большое значение и для этимологии звукоподражательных слов.

Слова, обладающие значительным элементом звукоподражания, очень точно передающие звук, повторяются в различных языках. Поэтому мы не можем, например, считать венгерское слово *tekegni* заимствованием из чешского, где существует слово *tekati*, или наоборот. Вместе с тем мы обязаны предполагать значительную устойчивость, постоянство данной категории слов. Во-первых, эта устойчивость и преемственность поддерживаются прежде всего близостью к действительному звуку. Последнее препятствует фонетическому изменению и замене рассматриваемых слов другими словами. Во-вторых, подобная устойчивость обязана влиянию иностранных языков, в которых представлены похожие слова. Поэтому такие слова сохраняются веками, не заменяясь другими. Не следует сомневаться, таким образом, и в их общем происхождении в двух родственных языках (...).

Между тем слова с менее точным подражанием звуку больше различаются в разных языках. Поэтому если они встречаются в соседних неродственных языках, то можно считать, что они заимствованы одним языком из другого. Эти слова менее устойчивы; их устойчивость не поддерживается ни реально существующим звуком, ни влиянием иностранного языка. Этим, по-видимому, и объясняется допустимость заимствования венг. *babralpi* из слав. *babrati* 'копаться; возиться', что также отрицается З. Гомбоцем (...).

II

Итак, мы рассмотрели звукоподражание в фонетическом аспекте. В настоящей главе речь пойдет о фонологической стороне звукоподражания, т. е. о звукоподражательных звуках как о звуках языка (...).

Звук или группа звуков сами по себе уже сигнализируют о наличии какого-то значения или оттенка значения (...).

Какова же связь между звукоподражанием и аномалией? Эта связь весьма сложна. Известны случаи, когда звукоподражательные звуки одновременно являются и звуками, аномальными для данного языка; например, венг. *csamcsogni* имеет необычную группу звуков (*cs-cs, mcs*) и в то же время является

звукоподражательным (звук *cs* напоминает причмокивание; ср. выше). Тем не менее в языке встречаются или звукоподражательные и свойственные этому языку слова (*bög* 'мычать'), или несвойственные языку и в то же время незвукоподражательные слова (*dsida* 'пика'). Подобная независимость, однако, имеет свои пределы. Звукоподражательные слова тяготеют к аномалии и, как правило, содержат в своем составе или какой-то непривычный звук (в венгерском языке — звук *s*), или необычную группу звуков (*d-, b-, g-, p-, z-* — в начале слова, *-f-* — в середине слова, двоянные согласные и т. д.).

Почему же звукоподражание сочетается с аномалией? Не обусловлено ли это их сущностью или их свойствами. Действительно, звукоподражание и аномалия опираются на означающий элемент. В случае звукоподражания это обусловлено тем, что создаются особые отношения между означающим и означаемым, а в случае аномалии — тем, что создаются особые отношения между означающим элементом и другими означающими. Следовательно, звукоподражание и аномалия объединяются друг с другом. Из этого вытекает, с одной стороны, что звукоподражательные слова создают впечатление некоторой аномалии даже тогда, когда не являются таковыми (ср. чешск. *tikati* 'тикать' наряду с *utikati* 'бегать'), с другой — что аномалия усиливает звукоподражание. Слова с сильным акустически значимым компонентом являются — при прочих одинаковых условиях — тем более звукоподражательными, чем более они аномальны в звуковом отношении (ср. чешск. *stekati* 'лаять', 'тявкать', *hafati* 'лаять', 'тявкать', *pařati* 'лаять', 'тявкать').

Объединение звукоподражательности и аномалии способствует прежде всего тому, что звукоподражательность объединяется с эмоциональностью и ощущением инородности слова.

Интеллектуальные, индифферентные в эмоциональном отношении слова являются в фонетическом отношении нормальными. Поэтому аномальные слова всегда имеют сильный эмоциональный компонент. В связи с этим такие эмоциональные слова тяготеют к аномалиям и тем самым приближаются к звукоподражательным словам. К эмоциональным словам следует отнести и слова-табу, также обладающие склонностью к аномалии.

Иностранные слова заимствуются из языков с иными фонетическими навыками. Поэтому подобные слова имеют фонетические особенности, также воспринимаемые в качестве аномалий. Таким образом, последние также сближаются с эмоциональными и звукоподражательными словами.

Склонность к аномалии свойственна, таким образом, всем трем группам. Важно, что во всех этих группах указанные тенденции одинаковы и не существует одного какого-то типа аномалии для звукоподражательных слов, а другого — для слов заимствованных и т. п.

III

Рассмотрим теперь вопрос об отношении звукоподражательных выражений к их тематической стороне, т. е. к тому, что представляет собой внешний мир в свете языка. Иными словами, поскольку мы разобрали означающее, постольку следует обратиться к означаемому, чтобы иметь возможность приступить к исследованию знака <...>

Прежде всего отметим, что для значимой стороны звукоподражаний важен акустический компонент <...>

Отношение акустического компонента к остальным компонентам неодинаково. В одних случаях акустический компонент является доминирующим (ср. венг. *puāvogni* 'мяукать', *bōgni* 'мычать' и пр.). В других случаях акустический компонент является в какой-то мере подчиненным (ср. *babuka* 'удод', *ballagni* 'хромать'). Отношение акустического компонента к остальным компонентам может меняться <...>

Другой важной частью звукоподражательных единиц является оптический элемент движения. Звук всегда возникает в результате движения. Поэтому понятие движения всегда тесно связано с представлением о звуке. Вследствие этого слова с доминирующим акустическим компонентом всегда имеют сильный элемент движения (ср. хотя бы *vrzati* 'скрипеть', *vriskati* 'визжать', *pleskati* 'хлопать'), и, наоборот, глаголы движения имеют сильный акустический компонент <...>

Следующий важный компонент тесно связан с понятием движения и звука. В понятие движения всегда входит действующее лицо, прежде всего человек и его тело. Таким образом, мы подходим к таким отношениям между словами, которые Вальтер Порциг называет *wesenhafte Bedeutungsbeziehungen* («существенные связи значения») и которые базируются на тематической основе. В. Порциг пишет: «Как хождение предполагает наличие ног, так и осязание полагает наличие рук, зрение — наличие глаз, слух — наличие ушей, лизание — языка, поцелуй — губ». Для слов, доминирующими компонентами которых являются звуки и движения, самыми важными являются те части тела, которые связаны с какими-нибудь акустическими и двигательными представлениями. Конкретно речь идет 1) о рте, 2) о руках, 3) о ногах. С ними звук и движение связываются наиболее часто. Имеются в виду в данном случае звуки при разговоре или еде (разговор, крик, заикание, хохот, причмокивание и т. п.), при движении рук (нажатие, резание), при ходьбе (топтание, хромота и т. п.). Точно так же звуки, производимые животными, связываются или со ртом (ср. мяукать, жужжать, чавкать), или с ногами (топать, шлепать). У звуков неживой природы подобные связи гораздо слабее. Однако и там часто имеет место определенная связь с органами речи (ср. *skuceti* 'скулить,

выть' — о человеке и о ветре), иногда с рукой (плескать, хлестать, греметь?).

Эта связь имеет огромное значение при образовании звукоподражательных этимологических гнезд, так называемых типов. Как мы еще убедимся, подобные типы обычно не переходят границ, связывающих звуки со ртом или с другими частями тела, например с ногой и рукой.

О влиянии эмоциональности мы говорили уже при разборе фонетики. Эмоциональный компонент наличествует в любом слове, но в звукоподражательных словах он играет особенно важную роль. Это — не только результат фонетической аномалии. Это связано также с самой природой звукоподражаний, которые являются фактом весьма необычным. Далее, отмеченной аномалии существенно способствует непривычное сочетание слов в фонетическом и тематическом отношении. Кроме того, звукоподражательные слова нередко принадлежат таким тематическим областям, в которых эмоциональный компонент очевиден (ср., например, *mlaskati* 'чавкать', *koktati* 'заикаться', *breceti* 'реветь' и др.). В силу этого эмоциональный компонент в звукоподражательных словах весьма ощутим, однако он не доминирует в них, как в междометиях *fuj* 'фи', *ach* 'ах' и др. На основе эмоционального компонента объединяются такие значения, как <...> *babuka*: 1) 'удод', 2) 'тот, кто всю голову закутал платком', 3) (с постоянным определением *vep*, т. е. 'старый') 'замкнутая набожная старая женщина'. Другой пример <...> *safra* (от известного корня *sa(-)*) обозначает: 1) 'фруктовая мешанка, раздавленная в чане и приготовленная для перегонки водки', 2) 'лохмотья', 3) 'потаскуха', 4) 'распущенная девчонка' <...>

Интеллектуальные незвукоподражательные слова тяготеют к точности. Они проявляют стремление к делению, разграничению, тяготение к определенному классу. Напротив, звукоподражательным словам, сопровождаемым сильным эмоциональным оттенком, свойственно стремление к расплывчатости, их нельзя подвергнуть точному разграничению или классификации. Они проявляют попытку стряхнуть с себя тяжесть интеллектуальности и стремятся вернуться к первоначальному состоянию в смысле отнoгенетическом или филогенетическом.

Подобная первоначальная неточность и неопределенность психических построений засвидетельствована и психиатрией <...>

Следовательно, мы рассматриваем звукоподражания как попытку возврата к первоначально диффузной чувствительности <...>

IV

Этимологические гнезда звукоподражательных слов построены весьма любопытно. Бросается в глаза их отличие от этимологических гнезд интеллектуальных слов. Интеллектуальные сло-

ва объединены в этимологические гнезда вполне отчетливо. Обычно без малейшего затруднения мы можем сказать, какому этимологическому гнезду принадлежит то или иное слово.

Для ономастических слов роль этимологического гнезда более проблематична. Правда, иногда и ономастические слова оказываются связанными этимологически в соответствии с обычными правилами интеллектуальных глаголов. Так, например, не представляет большой трудности объяснить этимологическую принадлежность отглагольных существительных на -ás, например: *safołni* — *safołás* 'опровергать — опровержение', *babgalni* — *babgalás* 'копаться — возня' и т. д.

Гораздо труднее интерпретировать слова, в корне которых имеют место изменения внутреннего порядка. Здесь возникает два вопроса:

1) Как интерпретировать такие слова, как *ballag*, *bullog*, *billeg*, *bullog* 'медлить, тихо идти', или *csihol*, *cihol*, *csihel*, *cihel*, *csahol* и т. д. 'высекать огонь'? Одно ли это слово или несколько слов? Другими словами: идет ли здесь речь только об одной корневой семе или о нескольких семах?

2) Как интерпретировать такие слова, как *babbogtat* 'идти пошатываясь; делать что-то в замешательстве; заикаясь говорить; читать', *babog* 'болтать', *dadog* 'заикаясь, бормотать', *tofog* 'говорить заикаясь'? Все эти слова имеют родственное значение и родственную форму. В соответствии с законами, действующими в области интеллектуальных слов, мы включили бы их в одно этимологическое гнездо. Но нам известно, что звукоподражательным словам свойственны, с одной стороны, разнообразные изменения формы и значения, а с другой — весьма бедное смысловое и формальное содержание. Поэтому все звукоподражательные слова являются в большей или меньшей мере родственными. Где же следует искать границу между отдельными этимологическими гнездами?

Нам представляется, что следует избрать компромиссную точку зрения. Именно в этом и коренится одно из различий между звукоподражательными и интеллектуальными словами. В словах звукоподражательных сем и этимологическое гнездо не разграничено столь четко, как в словах интеллектуальных.

Таким образом, мы приближаемся к понятию, уже давно употребляемому Янко в его статьях о звукоподражательных выражениях, именно к понятию типа. Типом, по мнению Янко, является группа слов, которая базируется на одной и той же группе звуков и имеет значения, сводимые к общему происхождению. Так, например, в *Časopis pro moderní filologii* (XXI. P. 253) Янко определяет тип СЕМР, \check{C} ЕМР следующим образом: 1) отношение к походке, 2) церемониальный обход отдельных лиц или процессии, 3) сидение и т. п.. 3а) пробкообразные, плотные и толстые предметы; 3б) груды, куча, 4) удар, 5) все-

возможные лохмотья: а) обычные лохмотья, б) сломанное, истрепанное, расщепленное, в) разобранный на мелкие части, маленький, г) дергать кого-нибудь, д) еле заметные движения тела, мелочность, избалованность вообще, е) лепет и болтовня.

Несомненно, типы, установленные Янко, являются хорошей базой для исследования взаимоотношений между звукоподражательными словами. Однако хочется сделать несколько замечаний.

В звукоподражательных словах — в отличие от интеллектуальных — делается, как мы уже видели, совершенно особый упор на форму. Поэтому с колебаниями в плане смысловом связаны и колебания в плане формальном. В этом отношении звукоподражательные слова резко отличаются от слов интеллектуальных.

В интеллектуальных словах в сходной форме всегда объединено множество значений (ср. хотя бы венг. *fal* 'стена', *fül* 'ухо', *fel* 'бояться', 'половина' и т. д. и т. п.). Интеллектуальные слова с отдаленными значениями имеют часто близкую форму, и, напротив, интеллектуальные слова, близкие по значению, различны по форме.

Звукоподражательные слова, сходные по значению, близки и по форме. Слова же, различающиеся по значению, различаются и по форме.

Формальные, звуковые отношения ономастических слов, родственных по значению, отнюдь не хаотичны, и упорядочены в соответствии со строгими правилами. Таким образом, мы подходим к понятию чередования звуков в этих словах.

При анализе чередований очень важно учитывать звуковую аномалию (<...>)

В соответствии с этими правилами в венгерском языке чередуются следующие звуки.

Гласные чередуются чаще всего в соответствии с законом гармонии гласных. Ср. наряду с уже приведенными выше еще несколько примеров: *tömpa* — *tömpre* 'тупой', *dunnyog* — *dünnyög* 'брюзжать'. Это чередование иногда становится столь вольным, что в нем участвуют почти все гласные, например *csihel*, *csahol*, *csehel*, *csihel* 'высекать огонь'.

Чередованию согласных свойственны некоторые особенности.

1. Прежде всего чередуются согласные, отличающиеся по месту артикуляции, но сходные по способу артикуляции. В интеллектуальных словах подобные изменения чрезвычайно редки. Поэтому и в словах звукоподражательных это чередование встречается относительно реже. Наиболее часто такие чередования представлены в словах, близких к детской речи, а именно в словах с редупликацией. Ср.: *babuka*, *babuk*, *daduk* 'удод', *babog* — *dadog* 'он заикается', *kikog* 'тяжело и с хрипом дышать', *tikog*, *tipog*, *titog* 'тяжело дышать' (<...> *kajmo*, *kamo*, *gaimo*, *gajmo* 'крюк', 'крючковатая палка', 'ножища', *tajmo* '(шутливое) юга'.

Чередование по месту артикуляции проявляется также в группах «носовой + взрывной», что тоже следует считать за один из видов редупликации <...> Сюда относятся приведенные выше примеры: *bamba — bango — bando*, *tompa — tonka* <...>

2. Далее, звонкие согласные чередуются с соответствующими глухими, например *p — b*, *k — g*, *t — d*: *bizseg* 1) 'кишеть', 2) 'вода, начинающая кипеть', 3) 'онеметь, оцепенеть', *bozsog* 'кишеть', *bizseg*, *pizsög* 'копошиться', 'кишеть', *begygyez* 'играет в камешки', *pöggyez* 'играет в кости'; *kajmo — gajmo* (ср. выше), *totog* 'говорить заикаясь', *dodog — dadog* 'он заикается', *totyog — togyog* 'он хромает'.

3. Чередуются взрывные согласные с соответствующими фрикативными, *p — f*, *k — h*, *c — sz*: *cap — caf* 'козел', *bice — fice* 'хромой', *sikog* 'похихикивать, желая скрыть смех', *sihog* 'хохотать', *celleg — szelleg* 'бродить, шататься'.

4. Наконец, краткие согласные чередуются с долгими: <...> *duduška* 'толстый ребенок' *düdülo* 'толстый, ленивый (ребенок)', *dudduo* 'толстенный', *düddo* 'глупый, глупец'; *babog* 'он лепечет, несет чепуху', *babbogtat* 'с трудом ходит, делает, говорит'.

Подобно чередованию звуков в звукоподражательных словах, чередуются и значения этих слов <...>

Слова с сильным эмоциональным компонентом расширяют область своего значения на эмоциональной основе, интеллектуальные ассоциации отесняются при этом на задний план. Так, например, слово *cap* 'козел' (из румынского) обладает также значением 'неудачно кастрированный баран, вол', затем 'человек, ведущий смолоду распутную жизнь' <...>

Значения звукоподражаний чередуются весьма сложным образом. Существенно прежде всего (на это мы неоднократно обращали внимание), что звукоподражательным словам всегда присущ относительно сильный эмоциональный компонент. Он придает своеобразие значению звукоподражательных слов и приводит к тому, что расширение значения слов проводится скорее в согласии с эмоциональными, нежели интеллектуальными ассоциациями. Поэтому, например, развитие значения звукоподражательного глагола *cafato!* шло следующим образом: 1) 'идти по грязи'; 2) 'загрязнять'; 3) 'обноситься'. Именно поэтому связаны такие слова, как <...> *dudduo* 'толстый' *dudla* 'необыкновенно полная, бесформенная женщина', *dudu* 'горшок для молока', *dudullo* 'жбан с затычкой', *duduška* 'толстый ребенок', *dudva* 'с большим задом', *dundi* 1) 'бутуз (только о ребенке)'; 2) (?) 'сонный', *dundus* — то же (в *MEŠz* указывается, что это слова или звукоподражательные по происхождению, или слова с неизвестной этимологией). Связующим звеном в этих словах является представление о чем-то грязном или толстом, но только благодаря сильному эмоциональному компоненту могла возникнуть вся семантическая группа.

Смысловой основой звукоподражательного слова всегда является акустический компонент, сопровождаемый компонентом движения. Эти два компонента являются обязательными спутниками звукоподражательных слов. Разумеется, это не означает, что они должны с необходимостью входить в значение, о котором идет речь. Зачастую эти компоненты проявляют себя лишь тем, что слово, о котором идет речь, в этимологическом отношении оказывается близким звукоподражательному слову. Так, возьмем хотя бы слово *saika* 'толстый, крепкий шест, к которому что-либо прикреплено сверху' <...> Согласно MESz этимология этого слова неизвестна. Но мне кажется, что это слово можно связать с известным звукоподражательным корнем *saí-*, который представлен в значениях 'ходьба по грязи, по траве' и т. п.

Как мы уже указывали, рассматривая тематические группы звукоподражательных слов, следующим компонентом этих слов является отношение их к человеку и к его телу. Звукоподражательные слова имеют отношение к звукам и движениям, производимым ртом, руками, ногами. Чередования значений происходят таким образом, что обычно связь со ртом, с одной стороны, с рукой или ногой — с другой, остается неизменной и уже к этой основе присоединяются другие компоненты.

Так, например, слово *safoi* означает <...> 1) 'шлепать по грязи, идти по грязи'; 2) 'вытоптать всходы ходьбой в запрещенном месте'; 3) 'бродить, шататься'; 4) 'трудиться'; 5) 'ругать, порицать'; 6) 'отступать (перед лошадью)'; 7) 'ссориться, противиться'; 8) 'препятствовать'; 9) 'опровергать'. В литературном языке представлено лишь последнее значение. В этом слове отчетливое отношение к ноге связано с каким-то отношением к руке.

Корень *saip-*, *csaip-*, *saip-*, *saip-* имеет отношение к движениям, производимым ногами; ср. *saipmog*, *saipmag*, *saipog*, *csaipmag*, *csaipmog* 'медленно продвигаться; неуклюже продвигаться, как медведь; трусить мелкой рысью', *saiprozik* 'он лениво идет', *saipsekol* 'бродить; шататься; бездельничать', *saipsef* 'бродяга' <...>

Корень *dad-*, *dod-* имеет отношение к звукам, произносимым ртом. Ср.: *dadog*, *dodog* — *dadog*, *dadogog* 'заикаться; картавить; болтать; шуметь', *dadaga* 'болтливый', *dadral* 'говорить обо всем сразу, болтать', *dadri* 'занкающийся; болтающий', *dadoga* 'ворчащий басом, бубнящий' <...>

Корень *dob-* имеет отношение к движениям, производимым рукой или ногой; ср. *dobog* 'топтать, стучать ногами'; *dobban* 1) 'издавать глухой звук, запрыгать'; 2) 'внезапно появляться', *dobogog* 'болтать (руками, ногами)', *dobaszkol* 'топтать ногами в чем-либо' <...>

Эти четыре компонента — эмоциональный, акустический, двигательный и телесный, — как мы уже указывали, исчерпывают смысловую основу ономастопен. Другие компоненты, присоеди-

няющиеся к звукоподражательным словам, лишь дополняют их значения. Иногда эти компоненты становятся доминирующей частью слова; это происходит, например, в таких словах, как *cařka* 'толстый, крепкий шест, к которому что-либо прикреплено сверху', *cařga* 'распутная девка' и др., *caņceř* 'бродяга', *dudu* 'горшок для молока'. В таком случае мы все же не можем полагать, что налицо манкирование основными компонентами ономапии. Напротив, пафос таких слов заключается в противопоставлении того, что под ними подразумевается (*Meinung*), не имеющего отношения к звукоподражанию, и того, как это объясняется (*Bedeutung*), что имеет непосредственное отношение к звукоподражанию. Так как под *Bedeutung* мы разумеем этимологические связи соответствующего слова, то и его звукоподражательный характер мы воспринимаем с помощью этимологических связей.

Сложная игра фонетического и смыслового чередований способствует тому, что появляется возможность объединить звукоподражательные слова в группы, аналогичные этимологическим гнездам интеллектуальных слов. Эти группы мы будем называть, следуя за Й. Янко, типами <...>

Наиболее распространенным является тип *cař-*, настолько очевидный в венгерском языке, что мимо него не проходит даже «Венгерский этимологический словарь» (*MESz*). Однако образование таких типов противоречит точке зрения Гомбоца о возможном образовании звукоподражательных слов *ex nihilo*, ибо, допуская образование *ex nihilo* в одном случае, мы не можем отрицать его в другом <...>

В венгерском языке тип *cař* имеет множество вариантов. Основной формой является *cař-*. Звук *s-* чередуется с *cs-*. Наряду со словами *cařga*, *cařrinka* находим и *csařinka*, *csařrinka* со значением 'распущенная девчонка', 'потаскуха'. Гласный *a* чередуется в соответствии с гармонией гласных с *e*. Поэтому наряду со словом *cařlat*, что означает 1) 'шлепать, идти по грязи'; 2) 'шататься, шляться, кутить'; 3) 'мешать, вставлять палки в колеса', появляется и слово *ceřlet* со значениями 'шататься, шляться, кутить, гулять'. Последний согласный чередуется со всеми губными (кроме *-m-*, так как корень *cař-* образует, как мы увидим ниже, другой тип). Следовательно, мы имеем здесь формы *cař-*, *cař-*, *cařp-*, *cařv-*, а возможно, и *cařb-* с долгим или кратким гласным.

Этот тип выражает в основном отношение к движениям, производимым ногами, иногда руками, с чем связывается представление о плавности движений. Поэтому общим значением, которым обладают глаголы, относящиеся к этому типу, а именно глаголы *cařog*, *cařlat*, *cařol* будет значение 'идти по грязи'. Все другие значения присоединяются к этому основному значению.

К корню, о котором идет речь, относятся не только слова, приведенные под заглавным словом *cařog* в *MESz* <...> под за-

главными словами *csága, csárang, csáppolodik, csavira, csavira, cségre, severe* <...> но и некоторые другие:

1) *csáka* 'толстый, крепкий шест, к которому что-либо прикреплено сверху' <...>; в «Венгерском этимологическом словаре» указывается, что этимон этого слова неизвестен; но здесь идет речь о корне *csaf-*, поскольку связь значений 'топтать' и 'крепкий шест' совершенно очевидна;

2) *csár, car, caf* <...> обозначающее 1) 'козел', 2) 'неудачно кастрированный; полускопец, скопец'; 3) 'бык, кастрированный взрослым; полукастрированный вол'; 4) 'старый человек, ведущий в молодости развратную жизнь'; 5) (?) 'какое-либо большое ленивое животное'. Это слово явно обязано своим происхождением румынскому *tar-* 'козел'. Но развитие значения, движущееся к значению 'нравственная нечистоплотность', указывает на то, что это слово приближается к нашему типу *csaf-*.

К звукоподражательным словам, начинающимся слогом *csaf-*, относится и слово *csafol* 'чирикать'. В *MESz* оно имеет помету "eredete ismeretlen", т. е. «неизвестного происхождения». Очевидно, это слово не принадлежит к только что приведенному типу *csaf-*. Но мы знаем, что *s-* чередуется с *cs-* и поэтому слово *csafol* принадлежит к типу *csaf-, csaf-, kaf*, куда относятся также слова: *csafog* 'цыпленок' <...> *csaffant, csaffogat* 'издавать ртом чавкающий звук' <...> *csaffant* 'тявкнуть', *csaffog(tat), kaffog*, т. е. 'щелкнуть зубами (о собаке, когда она хватает муху или когда она заглатывает пищу по куску)' <...> *csafla* 'подзатыльник, оплеуха' <...> *csaforit, csáforett, csávorit, saforit* 'молоть языком, громко болтать', *csaforogat* 'много болтать', *csaforidi* 'сплетник', *csafori* 'сплетница' <...> *csapol* (в диалектной форме *csapol* 'болтать, молоть языком', *csáppog* 'цыпленок' <...> *csefe-csafla* 'болтовня'; *cseveg* 1) '(о птицах) щебетать'; 2) '(о лягушках) квакать'; 3) '(о человеке, ребенке) болтать, тараторить'; *csevëgdëgel* — то же значение, *csefëg* (засвидетельствовано в форме *csefog*) 'тявкать, лаять; ворчать; шептать', *kaffant* 1) 'гавкнуть'; 2) 'тявкнуть' <...>

Родство этих слов очевидно. Доминирующим в этом типе является связь со звуками, производимым ртом <...>

Одной из задач о звукоподражаниях будет задача исследовать распределение типов по фонетическим группам.

V

Теперь, наконец, мы можем приступить к рассмотрению этимологии венгерских звукоподражательных слов.

Первой проблемой этимологии этих слов является проблема образования звукоподражательных слов из ничего, *ex nihilo*, т. е. путем непосредственного воспроизведения естественных звуков. К такому мнению приходит Гомбоц в статье, приведенной нами в начале нашего изложения. Это предположение, уже давно со-

вершенно не встречающее поддержки, является предметом дискуссии. Различные мнения, имеющие отношение к этому спору, подробно разобраны Коржинком, который недвусмысленно выступил против образований *ex nihilo*. Он допускает эту возможность только при зарождении человеческой речи и в случае передачи новых звуков, подобных, например, тиканью часов, выстрелам огнестрельного оружия и т. п.⁵

По нашему мнению, следует пойти еще дальше. Мы можем, вероятно, допустить, что в интеллектуальной области могло бы быть по чьей-либо прихоти создано какое-то новое слово, не родственное другим старым словам. (Сюда, однако, не относится, как справедливо указывает Коржинек, слово «газ», образованное в результате изменения греч. *χᾶος*.)

Но в области ономотопеи не действует даже такое ограничение. Как известно, в любом языке имеется огромное количество звукоподражательных слов. Как было отмечено в гл. IV, все звукоподражательные слова в большей или меньшей степени взаимосвязаны. Связь тесно спаянных звукоподражательных слов мы называем типом. Любой новый звуковой комплекс с необходимостью должен напоминать отдаленное или близкое звукоподражание. Если в языке появляется новая ономотопея, то в этимологическом отношении она должна быть близка остальным звукоподражательным словам, одним в большей, другим в меньшей степени. Поскольку новое слово по необходимости родственно другим звукоподражательным словам уже при своем возникновении, нам следует учитывать их при установлении этимологии этого нового звукоподражания, если последнее не связано с каким-либо интеллектуальным словом или словом иностранного происхождения. Если язык имеет средства выражения для каких-либо новых звуков, то он не уподобляет эти новые звуки звукам сходным, а ищет среди средств выражения сходных звуков новое средство, наиболее приемлемое для нового звука. В речи мы находимся в плену своих акустико-моторных навыков и не можем освободиться от них. Следовательно, возникновение нового слова невозможно без участия других слов.

Мне кажется, что эту негативную точку зрения относительно образований *ex nihilo* необходимо довести до логического конца, т. е. применить ее к наиболее древним стадиям развития языка. Каково бы ни было происхождение языка, ясно одно: язык возник не путем создания, а путем использования определенных звуков, которыми человек реагировал на различные импульсы в семиологических целях. Функция обрела свою форму, а не возникла *ex nihilo*; то же самое характерно как для поздних стадий, так и для современной стадии развития языка (<...>)

Таким образом, мы выдвинули требование, предъявляемое к

⁵ Ibid. P. 86.

этимологии слов, звукоподражательных по происхождению. Где же искать их этимологию?

Прежде всего мы должны отметить, что звукоподражание не следует считать новым и скоропреходящим явлением, как думает Гомбоц. Правда, звукоподражания в старых венгерских памятниках встречаются редко. Но этот факт отмечен для всех языков. Некоторые предполагали, что на ранних стадиях развития языка звукоподражания были редки и подтверждали это древними текстами. Однако новые исследования показали,⁶ что это предположение лишено основания. Небольшое количество звукоподражательных слов в древних памятниках характеризует только эти памятники, а не древний язык. Следовательно, мы не должны не зафиксированные в древних памятниках слова звукоподражательного характера с необходимостью рассматривать как новые и искать их этимологию в словах, представленных в новую эпоху. <...>

Гомбоц в рассмотренной нами статье совершенно справедливо указывает на узкое географическое распространение как на одну из характерных особенностей ономотопеи. Действительно, многие звукоподражания имеют ограниченное географическое распространение. Но это не свидетельствует о том (как полагает Гомбоц), что они обязаны этим своему позднему происхождению. Звукоподражание, которое распространено на малой территории, всегда является только вариантом, видоизменением другого звукоподражания, а несколько таких вариантов обычно распространяются по всей языковой территории. Так, скажем, нам известны слова *dudduó* 'неповоротливый' (из говора Дьёра), *dudla* 'безобразно полная, бесформенная женщина' (Кошице), *dudva* 'толстозадая' (Кеменешалья), *dudu* 'горшок для молока' (Дунантул). Связь этих слов очевидна, несмотря на то, что они записаны в разных областях. Это значит, что они являются вариантами одного и того же звукоподражательного выражения и что поиски их этимологии означают поиски этимологии этого, не определенного точно выражения, которое может восходить к очень древней эпохе <...>

Фонетическая сторона очень важна для этимологии звукоподражательных слов. В тех случаях, когда интеллектуальные слова, подчиняются фонетическим законам, звукоподражательные слова нарушают их. Поэтому мы должны основывать свои суждения об этимологии звукоподражательных слов на совершенно иных принципах, чем принципы, на основе которых мы устанавливаем этимологию слов незвукоподражательного характера <...>

⁶ См. об этом: *Ibid.* P. 173—178.

Л. Хакулинен

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА*
<на материале финского языка>

§ 2. К собственно финским спонтанно образованным словам в большинстве своем следует отнести также ту особую категорию слов, которую составляют дескриптивные, или описательные, слова. Эта категория слов в финском языке настолько многообразна и жизненна, что ее следует считать одной из наиболее характерных особенностей словарного состава финского языка.¹ Самое количество коренных слов (или, вернее, количество основ) этого типа очень велико, и поскольку здесь в значительной мере применяется хорошо развитая в финском языке система суффиксального словообразования, то практически в языке образовалось почти безграничное множество описательных слов, главным образом глаголов и имен. Для иллюстрации этого положения приведем здесь только группу обычных звукоподражательных глаголов, т. е. таких описательных глаголов, которые своей фонетической формой копируют (или первоначально копировали) звук: *havista* 'шелестеть (о листьях)', *helista* 'звенеть, брэнчать', *humista* 'шуметь', *hurista* 'шуметь, жужжать', *hymistä* 'шуметь, шелестеть, напевать', *hytistä* 'дрожать', *halista* 'шуметь', *inista* 'пищать, визжать', *jorista* 'монотонно говорить', *jupista* 'ворчать, брюзжать', *jylista* 'греметь, грохотать', *jumista* 'громыхать, греметь', *jurgista* 'греметь, грохотать', *jytista* 'стучать', *kahista* 'шуршать, шелестеть (о камыше)', *kalista* 'ударять, побрякивать', *kihista* 'шипеть, кишеть', *kilista* 'звенеть, брэнчать', *kitista* 'пищать', *kohista* 'шуметь', *kolista* 'греметь, дребезжать, стучать', *korista* 'топать, стучать', *korista* 'хрипеть, сипеть, клочкотать, бурчать', *kuhista* 'кишеть', *kumista* 'глухо раздаваться', *kurista* 'урчать, бурчать', *kähista* 'хрипеть, шипеть', *kohista* 'хрипеть, кашлять', *lipista* 'плескаться (о волне)', *lirista* 'журчать', *litista* 'хлюпать', *lorista* 'журчать', *lotista* 'чавкать, хлюпать', *lätista* 'бормотать', *marista* 'брюзжать', *mukista* 'бубнить, брюзжать', *murista* 'ворчать, брюзжать', *mutista* 'говорить тихо, бормотать', *pahista* 'спорить', *papista* 'роптать', *parista* 'скрипеть, хрустеть (о снеге)', *patista* 'хрустеть, скрипеть', *pitista* 'скри-

* Отрывок взят из кн.: Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. II. Helsinki, 1946. Рус. пер.: Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. II / Пер. с финск. Ю. С. Елисеева; Ред. и примечания П. А. Аристе. М., 1955. С. 18—23, 278.

¹ Л. Хакулинен преувеличивает здесь значение дескриптивных, или описательных, слов в прошлом и повторяет неправильный взгляд идеалистических языковедов, будто изобилие дескриптивных слов представляет безусловно менее интеллектуальное состояние языка. Говоря о финно-угорских языках, можно констатировать, что даже такой древнеписьменный язык, как венгерский, содержит не меньше описательных слов, чем, например, малописьменный карельский, вепский, ливский и др.

петь', nuhista 'сопеть', nurista 'роптать', pihista 'шипеть', pirista 'журчать, звенеть', romista 'глухо звучать', rogista 'журчать, клокотать', puhista 'пыхтеть, кряхтеть', pulista 'булькать', parista 'дребезжать, трещать', porista 'жужжать', rahista 'трещать (о разрываемой бумаге)', rapista 'шуршать, скрести', ratista 'скрипеть, скрипнуть, потрескивать', ritista 'потрескивать, хрустеть, скрипеть', romista 'грохотать', rytista 'трещать', rahista 'шуметь, кричать', ramista 'дребезжать', ranista 'хныкать', rohista 'хрипеть, хрюкать', sihista 'шипеть', sipista 'шептать', sirista 'стрекотать', solista 'струиться, журчать', suhista 'шелестеть, шуметь', supista 'шептать, шушукаться', surista 'жужжать', sahista 'шипеть', sarista 'дребезжать', tirista 'шипеть, трещать', tuhista 'сопеть', turista 'праздно беседовать', tutista 'дрожать', tytista 'трястись, трепетать', tarista 'трястись, трещать', torista 'греметь, грохотать, сигналить (авто)', ulista 'скулить', urista 'ворчать, брюзжать', varista 'дрожать, трястись', vikista 'пищать', vilista 'кишеть', varista 'дрожать, трястись', unista 'тихо мычать', ahista 'охать, кряхтеть', alistä 'верещать, шуметь', orista 'ворчать' <...>

От всех перечисленных -ise-вых глаголов можно образовать дальнейшие производные (соответствующие каузативные глаголы) при помощи суффикса -ta-, -tä-, или сложного суффикса -utta-, utta- или, наконец, обоих этих суффиксов: helistaa 'звонить', helisyttää 'зазвонить', juristaa 'греметь, грохотать', jurisyttää 'грохнуть, громыхнуть', kilistaa 'звонить, бренчать', kilisyttää 'звякнуть, побренчать', kolistaa 'стучать, стучать, греметь', kolisuttaa 'постучать, постучать, погреть', gamistaa 'дребезжать', gamisyttää 'задребезжать, дребезжать', juliyttää 'греметь, грохотать, загромыхать', kumisuttaa 'глухо застучать, вызывать гулкий звук', kurisuttaa 'заставить заурчать, забурчать', parisuttaa 'вызвать скрип, хруст', tutisuttaa 'трясти, затрясти' и т. д. Далее от многих из них можно образовать также и производные глаголы однократного действия с суффиксом -ahta-, -ähtä-: helähtää 'звякнуть', humahda 'зашуметь, издать шум', hurahda 'издать шум', humahda 'улыбнуться, усмехнуться', inahda 'взвизгнуть, пискнуть', jumahda 'грохнуть, грянуть', gamahda 'издать дребезжащий звук', sihahtaa 'издать шипящий звук', vavahtaa 'вздогнуть', ogahtaa 'загорчать' и т. д. В свою очередь, от каузативных глаголов и от глаголов однократного действия образуются глаголы многократного действия с суффиксом -ele: helistellä 'звенеть', helisyttellä 'позванивать', juristella 'греметь, грохотать', jurisyttellä 'погромыхивать, грохотать', helahdella 'позвякивать, позванивать', humahdella 'шуметь', hurahdella 'шуметь', humahdella 'улыбаться, посмеиваться' и т. д. Кроме того, от глаголов однократного действия образуются также новые каузативные глаголы при помощи суффикса -utta-, -utta-: helä(hd)uttaa 'зазвонить', humä(hd)uttaa 'зашуметь, вызвать шум', humähdyttää 'вызвать улыбку' jumä(hd)uttaa 'вызвать гро-

хот', kilauttaa 'произвести звон, ударить со звоном', керauttaa 'ударить, стукнуть', sihauttaa 'вызвать шипение', тагаутtaa 'ударить, стукнуть, грохнуть', вага (hd) uttaa 'заставить вздрогнуть, потрясать, содрогать' и т. д.; <...> от этих глаголов снова можно образовать -ele-вые многократные глаголы: hela (hd) utella 'звонить, позванивать', huma (hd) utella 'вызывать шум, шуметь', juma (hd) utella 'греметь, грохотать', sihäutella 'шипеть', тагаутtella 'ударять, трещать, грохотать' и т. д.

Вышеприведенный список можно продолжить еще и другими группами производных: helkkaa 'звонить', helskaa 'звонить, бряцать', jyskaa 'стучать', kalkkaa 'бренчать, стучать', kilkkaa 'звонить', pakkaa 'постукивать, тикать', ohkaa 'охать', raukkaa 'шуметь, греметь', гускаа 'трещать, грохотать', гаікаа 'шуметь, кричать', аһкаа 'охать, кряхтеть'; haukkua 'лаять', helkкуа 'звенеть', helsкуа 'звенеть, трещать', holkkua 'шататься, качаться', hulkkua 'плескаться, полоскаться', jysкуа 'стучаться', kirskua 'хрустеть, скрипеть', korsкуа 'фыркать', leiskua 'пылать, вспыхивать', loiskua 'плескаться', парskua 'скрипеть, хрустеть', raukкуа 'хлопать, грохотать, трещать', рirskua 'брызгаться', puhкуа 'пыхтеть', гоiskua 'брызгать', гаікуа 'раздаваться', гаіскуа 'брызгать, трещать', тirskua 'хихикать', турскуа 'пениться, бурлить', uhкуа 'выступать, просачиваться (переносн.) дышать', аһкуа 'охать, кряхтеть', helккутtaa 'звонить, побрякивать', helsкутtaa 'потряхивать чем-либо', jysкутtaa 'стучать', kolkкутtaa 'стучать', rauкутtaa 'хлопать, стучать', гаіскутtaa 'брызгать', hauкаһтаа 'тявкнуть (о собаке)', helкаһтаа 'звякнуть, брякнуть', helsкаһтаа 'звякнуть, треснуть', jys (k) аһтаа 'грохнуть', rauкаһтаа 'хлопнуть, раздаться', гајаһтаа 'взрываться', аһаһтаа 'охнуть', huhkia 'ухать', huiskia 'махать, обмахивать, смахивать', jyskia 'стучать', kuhkia 'кишеть', puhkia 'пыхтеть', гоiskia 'брызгать', гаіskia 'брызгать', гөһkia 'хрюкать', аһkia 'охать, кряхтеть', аyskia 'черпать'; һаһаттаа 'захохотать, расхохотаться', һиһиттаа 'хихикать', һоһоттаа 'хохотать', һyssyttää 'убаюкивать', loilottaa 'горланить, орать', massuttaa 'причмокивать', rapattaa 'трещать', riputtaa 'трещать', rimputtaa 'бренчать на чем-либо', tikittaa 'тикать', тукутtaa 'биться, стучать'; һeiјата 'кричать гей!', һoiјата 'кричать гой!', һиһута 'аукать', һииката 'ухать', melskata 'шуметь', раиһата 'шуметь, греметь, бушевать', гауһата 'кричать, буянить, дебоширить' и т. д.

Наряду с перечисленными выше (и огромным количеством им подобных) і-вых глаголов в языке имеются соответствующие производные существительные, например: һуми 'шум, гул', һалу 'шум, волнение', јуму 'гул, грохот', југу 'гром, шум', коһи 'шум, бушевание', (sui)-кори 'препирательство, спор', күми 'гул, гуденье, раскат', һәлипә 'шум, гам', јулипә 'гром, грохот, гул', јүтпінә 'гул, грохот', ritina 'потрескивание, похрустывание', surina 'жужжание', hela (hd) ys 'звон, звук', huma (hd) us 'шум, гул', inahdus 'писк, визг', jurahdys 'грохот', kola (hd) us 'стук,

удар', liга(hd)us 'журчание', piha(hd)us 'шипение', siha(hd)us 'шипение', helke 'звон', huiske 'махание, обмахивание, смахивание', jyske 'стук, стукотня', kalske 'бренчание, стук', pakse 'шелканье', ruake 'грохот, треск', pirske 'журчание капель', gaiske 'брызги, брызганье', 'треск', ahke 'оханье, кряхтенье' и т. д., а также наряду с некоторыми из них и междометия с той же основой, например: loiskis 'бултых!, бух!', laiskis 'плеск', molskis 'плюх!, бух!', huh 'ух!', oh 'ох!', puh 'ух!', пуф!' pöh 'ох! ах!', ah 'ах', hoi 'гей!', hui 'фу!, фуй!', hui 'ху! (зов, призыв)', hüh 'ух!, уф!', hus 'фу!', goh 'ох!, кряк!'. Что касается прочих дескриптивных слов, то здесь, как и в типе только что упомянутых звукоподражательных слов, можно было бы привести примеры столь же обильного словообразования <...>

Такое обилие словарного состава напоминает в известной мере те безграничные возможности комбинаций, которые имеются у композитора в музыке. Да и сами дескриптивные слова приближаются к музыке в том отношении, что при образовании значения большую роль в них играет чувство, тонкие художественные различия оттенков чувственного восприятия, чем логическое выражение сущности понятия. Таким образом, нет ничего удивительного, что дескриптивных слов намного больше в языках так называемых первобытных народов, чем в более интеллектуальных культурных языках. Общеизвестно далее, что из этих языков словарный состав, например, французского языка относительно беден (беднее, например, немецкого). Что же касается финского языка, то здесь наблюдается тот интересный факт, что в западных его диалектах количество и употребление дескриптивных слов безусловно меньше, чем в первобытных восточных диалектах <...>

Дескриптивные слова, несмотря на их примитивный характер, языковеды считают обычно по возрасту молодыми. В частности, к такому именно выводу и пришел Ахти Рюткэнен, исследуя одну из групп звукоподражательных слов. Если даже какое-либо звукоподражательное слово и является исконно древним — что само по себе, конечно, не является невозможным, — все же с неопровержимостью доказать это трудно ввиду большой фонетической изменчивости этой части словарного состава. Во всяком случае, Рюткэнен с достаточным основанием возводит к периоду финно-эстонской языковой общности такие слова, как jугista 'гремять, грохотать', kahista 'шуршать, шелестеть', kapina 'восстание', kihista 'шипеть, кишеть', kohista 'шуметь', kolista 'стучать, стучать', 'гремять', korista 'хрипеть, сипеть', sarina 'треск, стукотня', ahista-ahkia 'охать, кряхтеть'.²

Дальнейшее сравнительное исследование, вероятно покажет, что и многие другие дескриптивные слова древнее самостоятель-

² <...> Ср. гата 'негодная вещь, хлам' (вернее 'дребезжащая вещь') ~ гатајаа 'дребезжит'.

ного периода развития финского языка.³ О. Есперсен утверждает, что во всех известных языках количество дескриптивных слов возросло за исторический период. Во всяком случае очевидно, что в тех морфологосемологических фактах развития, которые можно наблюдать при изучении звукоподражания, например, современного финского языка, отражается то, что имело соответствия в языковых формах древних времен. В связи с этим интересно отметить, например, что следующие в современном языке недескриптивные слова первоначально являлись дескриптивными: *helu* 'украшение, безделушка' (первоначально 'звон, шум, бряцание'),⁴ *huhi* 'молва, слух' (первоначально 'крик'), *hupu* 'улыбка, усмешка' (первоначально 'шум, гул' <...>); *juga* 'каток, валец' (очевидно, абстрагировалось от глагола *jugaaja* 'греметь, грохочет'), *kahakka* 'схватка, военная стычка' (первоначально 'шорох, шелест'; <...> *kahu* (*jyvät*) 'мелкие и сорные зерна' <...> *karina* 'восстание' <...>), *kitua* 'мучаться, маяться, хиреть' (в диалектах и первоначально 'пищать, визжать'), *karistaa* 'жарить, обжигать' (первоначально 'вызывать шипение'; <...> *kaгу* 'гарь, чад' (первоначально как слуховое восприятие — 'шипение, жарение', затем по восприятию запаха — 'чад, в результате пережога жарящегося'), *logu* 'вздор, болтовня' (первоначально 'журчание'; ср. диалект. *jalkilogu* 'остатки пивного сусла'), *riigistaа* 'жать, сжимать, выжимать' (собственно 'вызывать журчание'; <...> *riigo* 'ручей' (диалект. также *riigi*, собственно 'журчание'), *gotu* 'хлам, лом, тряпье' (собственно 'грохот; то что грохочет', например в пословице: *Ei sinun sanoistasi ole ollut viiteen vesikesaan, kuuteen gotutalveen* букв. 'Твои слова не сбылись в пять дождливых лет, в шесть трескучих зим', т. е. 'в твоих словах не было правды'; диалект. также 'бубенчик, звонок'), *гуурата* 'пить, выпивать, глотнуть' (как звуковое восприятие), *rajahtaа* 'взрываться' <...> *vauhti* 'скорость, быстрота'. С достаточными основаниями считают возможным и такое родство значений, как, например, диалект. *komto* 'полюй, пустой внутри; полость, дупло', получившее свое название от издаваемого им гулкового звука (*komiseva*). Этимологически в то же гнездо входит и прилагательное *komеа* 'великолепный, роскошный', которое в диалектах до сих пор еще означает 'гулкий, глухой';

³ Большинство дескриптивных слов, приведенных Л. Хакулиным, древнее периода самостоятельного развития финского языка, поскольку они имеют прямые соответствия и в других прибалтийско-финских языках. Помимо слов, возводимых Хакулиным в его книге к периоду финно-эстонской языковой общности, мы находим в эстонском языке и многие другие, например: *helisema* 'звучать, звенеть', *kumisema* 'шуметь', *hurisema urisema* 'ворчать, бормотать', *ipisema* 'пищать, визжать, гнусавить', *kilisema* 'звучать, звенеть, дрожать (о стекле)', *kidisema* 'скрипеть', *kobisema* 'шуметь или звучать глухо', *kumisema* 'гудеть, звучать', *kahisema* 'хрипеть, сипеть', *lidisema* 'шебетать, чирикать', *lorisema* 'болтать' и т. д. Почти все приведенные описательные слова имеют соответствия в водском, ижорском и ливском языках.

⁴ Эст. *heli*, диалект. *helu* означает 'звон, звук'.

заметим, что довольно гулкий, полый ствол дерева в то же время часто бывает толстым, высоким, мощным. Таким же образом, вероятно, и многие современные «нормальные», т. е. осознающиеся недескриптивными, слова современного языка могут восходить к доисторической, недосыгаемой для исследования звуковой символике.

Э. Прокош

**<ЗВУКОСИМВОЛИЗМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ
АБЛАУТЕ>***

45. *Качественный аблаут* (Abtönung) — это чередование "е" и "о". Возникновение такого чередования часто объясняется потерей ударения... Но лишь небольшая часть языкового материала может быть объяснена таким образом, например, гр. φέρω 'несу': φέρω 'привык носить'. Вообще, нет свидетельств тому, что "е" был первоначальным, а "о" — вторичным гласным; скорее можно думать, что оба эти гласные чередуются на равных правах, как в гр. λέγω 'разговариваю': λόγος 'речь', хотя такие производные, как φέρω, были, несомненно, вторичными явлениями. В настоящее время едва ли возможно какое-либо определенное объяснение. Но очевидный параллелизм чередования в индоевропейских и семитских языках может указать пути исследования. В системе глагола в семитских языках, как показано выше, гласный переднего ряда указывает на временное состояние, на преходящий факт, тогда как гласный заднего ряда обозначает постоянное состояние, положение покоя. В индоевропейской самой характерной сферой употребления гласного переднего ряда является форма действия в настоящем, как, например, в слове λέγω 'разговариваю'; основным значением гласного "о" заднего ряда является обозначение условия или состояния: λόγος 'состояние разговора, речь', ἐ-λοιπα 'оставил', λοιπός 'оставленный', в противоположность λείπω 'я оставляю (в данный момент)'. . . Но если параллелизм чередования в индоевропейских и семитских языках имеет вообще какое-либо значение, он может навести на мысль о некотором звуковом символизме ("Ausdrucksbewegungen"). С точки зрения акустики, чередование гласных переднего и заднего ряда обозначает чередование высокого и низкого резонанса в ротовой полости ("Eigenton"). Но высокий резонанс ротовой полости склонен сопровождаться сильным напряжением голосовых связок, а низкий резонанс —

* Отрывок взят из кн.: Prokosch E. A Comparative Germanic Grammar. Philadelphia, 1939. Рус. пер.: Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков / Пер. с англ. Т. Н. Сергеевой; Под ред. и с предисловием В. А. Звегинцева; Прим. проф. М. М. Гухман. М., 1954. С. 120—121, 369—370.

ослаблением голосовых связок; таким образом, резонанс и высота звука обычно, хотя и необязательно, совпадают. Это факт эмпирический. Его можно легко проверить, если попросить людей, не имеющих специальной фонетической или музыкальной тренировки, произнести «высокие» и «низкие» гласные. Считая, что данные термины относятся к высоте звука, а не к резонансу в ротовой полости, они почти всегда выбирают "i" или "e" (очень редко "a") в первом случае, и "u" или "o" — во втором, хотя с точки зрения физиологии так же легко артикулировать "i" «низким голосом», как и "u" — «высоким». Мускульное напряжение знаменует заинтересованность в происходящем, и в речи это выражается напряжением голосовых связок. Таким образом, можно предположить, что настоящее время в индоевропейском языке является в основном выражением интереса к происходящему действию и передается артикуляцией с напряжением голосовых связок, что благоприятствует выбору гласного переднего ряда. И, наоборот, формы с довольно абстрактным значением, такие, как отглагольные существительные, произносятся с расслаблением голосовых связок, что косвенно ведет к выбору гласных заднего ряда.¹⁰¹

Примечание. Около пятнадцати лет назад опыты по испытанию вибраций в гортани, произведенные аппаратом Феликса Крюгера, показали, что в некоторых современных языках, по крайней мере в немецком и английском, формы настоящего времени обладают более высоким звуком, чем формы прошедшего времени, хотя различные эмоциональные факторы часто препятствуют этой общей тенденции. Данная тенденция проявляется не только в формах, подобных give — gave 'давать' — 'дал, дали', sing — sang 'петь' — 'пел, пели', sleep — slept 'спать' — 'спал, спали', где настоящее время обладает акустически более высоким гласным, но также и в формах, где имеет место противоположное чередование (например, hold — held 'держат' — 'держал, держали', schlafen — schlief (нем.) 'спать' — 'спал', rufen — rief (нем.) 'звать' — 'звал'), и в формах, идентичных для обоих времен (cut 'резать', cast 'бросать, метать', put 'класть'). Внешние обстоятельства вынудили меня прервать эксперименты, и в дальнейшем я не сумел к ним вернуться. Предварительные результаты нельзя считать надежными.

В качестве забавной иллюстрации можно привести отрывок из одного американского детского рассказа: маленький паровоз пытается подняться на холм и весело приговаривает: "I think I can, I think I can" («наверно смогу, наверно смогу»). Но холм слишком крут, бедный маленький паровоз откатывается назад и печально повторяет "I thought I could, I thought I could" («я думал, что смогу, думал, что смогу»). Гласные переднего ряда склонны характеризовать активный интерес к успешному совершении действия, гласные заднего ряда выражают пессимистический взгляд на то, что могло бы совершиться.

Недавние опыты по «фонетическому символизму» Э. Сепира и др. (см.: J. Exp. Psych. 1929. Vol. 12. P. 225—239; Amer. J. Psych. 1933. Vol. 45. P. 53—75) пытаются дать этой точке зрения статистическое обоснование. В статистике Ньюмена проявляется определенная тенденция ассоциировать гласные заднего ряда с понятиями большого и темного, а гласные переднего ряда с понятиями чего-то маленького и светлого, яркого. Очевидно, это можно наблюдать только в парных словах гротескного характера, поскольку в обычном языке действие фонетических законов значительно видоизменило первоначальное состояние подобных слов.

<Примечание>

¹⁰¹ Попытка объяснения происхождения качественного аблаута индоевропейских языков, содержащаяся в монографии Прокоша, является одним из поразительных примеров совершенно антинаучного, наивного освещения лингвистических фактов: подобно изложению факторов первого передвижения согласных, объяснение аблаута, даваемое Прокошем, приводимый далее анекдотический рассказ одной американской няни и т. п. производят по меньшей мере странное впечатление в серьезной научной работе.

В отношении качественного аблаута и его происхождения многое остается пока неясным. Не следует забывать, однако, что этот тип чередования не только выступает при образовании временных основ, но проявляется и при функционировании тематического гласного в спряжении глагола и в склонении имен; наконец, он же характерен и для словообразования. Соотношение е—о в гр. $\pi\acute{\epsilon}\lambda\omicron\upsilon\sigma\alpha\iota$ 'вращаюсь', $\pi\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$ 'ось' ничем не отличается от того же чередования в суффиксе ter/tor : ср. вок. лaтeр и производное существительное 'aлaтop 'лишенный отца'; оба эти случая, в свою очередь, ничем не отличаются от чередования тех же гласных во временных глагольных формах $\delta\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ — $\delta\acute{\epsilon}\delta\omicron\rho\chi\alpha$ или чередования тематического гласного в греческом же $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\varsigma$ — $\acute{\epsilon}\chi\omicron\mu\epsilon\nu$, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ — $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau\alpha\iota$. Никакое объяснение качественного аблаута индоевропейских языков не может игнорировать его многофункциональность. Одного этого соображения было бы достаточно для того, чтобы оспаривать объяснения Прокоша, касающиеся качественного аблаута. Еще существеннее, однако, отметить ошибочность, можно сказать порочность, самого направления этого объяснения, дающего упрощенчески вульгарное истолкование языковым процессам. Попытка непосредственно связать определенное психическое состояние с характером тех или иных звуков, представляющая собой новый вариант «фонетического символизма», в отношении которого сам же Прокош дальше высказывается весьма скептически, сочетается здесь с подменой таких грамматических категорий, как настоящее время, категорией чисто эмоциональной заинтересованности.

Многофункциональность качественного аблаута свидетельствует прежде всего в пользу того, что дошедшие до нас факты являются результатом длительного развития, связанных с этим развитием различных напластований. Вместе с тем, весьма возможно, что первоначально чисто фонетические процессы получили затем морфологическое использование подобно тому, как это, правда, в иных условиях произошло с умлаутом в немецком языке <...>

Л. Блумфилд

ТИПЫ СОЧЕТАНИЙ МОРФЕМ*
<на материале английского языка>

XIV. 9. По-видимому, в большинстве языков многие корни тождественны морфемам. Даже в таких случаях, как английские $\text{sing} : \text{sang} : \text{sung} : \text{song}$ или $\text{flip} : \text{flap} : \text{flor}$, при адекватном описании одни формы будут рассматриваться как основные, а другие — как вторичные производные или как первичные производные с фонетическими модификациями корня. Однако в некоторых случаях мы обнаруживаем отчетливо выраженное фонетико-

* Отрывок взят из кн.: Bloomfield L. Language. New York, 1964. Рус. пер.: Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. М., 1968. С. 245, 266—268.

семантическое сходство между образованиями, которые мы считаем разными корнями. Местоименные слова в английском языке, по всей вероятности, лучше всего описать как содержащие односложные корни, напоминающие друг друга, особенно в отношении начальных согласных:

- [ð-]: the — определенный артикль, this 'этот', that 'тот', then 'тогда', there 'там', thith-er 'туда', thus 'так';
 [hw-]: what 'что, какой', when 'когда', where 'где', whith-er 'куда', which 'который', why 'почему'; с модификацией [hw-] в [h] — who 'кто', how 'как';
 [s-]: so 'так', such 'такой';
 [n-]: no 'нет', not 'не', none 'никто, ничто', noh 'ни; и не', nev-er 'никогда', neith-er 'никто (из двух)'.

Сложность морфологической структуры корня проявляется в английском языке значительно более отчетливо в символических словах; в них мы можем различить (правда, с разной степенью очевидности и за исключением сомнительных случаев, выступающих как пограничные) систему начальных и конечных корнеобразующих морфем с расплывчатым значением. Совершенно очевидно, что с их структурой ассоциируется интенсивная символическая коннотация. Так, мы встречаем повторяющиеся начальные сочетания согласных:

- [fl-] 'движущийся свет': flash 'вспышка', flare 'сияние', flame 'пламя', flick-er 'мерцание', flimm-er 'тусклый свет';
 [fl-] 'движение в воздухе': fly 'полет', flap 'взмах (крыльев)', flit 'порхание' (flutt-er 'порхать, перепархивать');
 [gl-] 'неподвижный свет': glow 'заревое', glare 'ослепительный блеск', gloat 'пристальный взгляд', gloom 'мрак' (gleam 'слабый свет, мерцание', gloam-ing 'сумерки', glimm-er 'мерцание, тусклый свет'), glint 'отблеск';
 [sl-] 'гладкое, влажное': slime 'слизь', slush 'слякоть', slop 'лужа', slobb-er 'слюна', slip 'скольжение, скользкое место', slide 'ледяная гора';
 [kr-] 'шумный удар': crash 'грохот, треск', crack 'треск, удар' (creak 'скрип'), crunch 'хруст';
 [skr-] 'скрипучий резкий удар или звук': scratch 'скрип', scrape 'шарканье, скрип', scream 'визг';
 [sn-] 'звук дыхания': sniff 'фыркать' (snuff 'сопеть'), snore 'храпеть', snort 'пыхтеть', snort 'сморкаться';
 [sn-] 'быстрое отделение или движение': snar 'цапнуть, уку-сить, откусить' (snip 'резать'), snatch 'хватать' (snitch 'стянуть');
 [sn-] 'нечто связанное с ползанием': snake 'змея', snail 'улитка', sneak 'красться', snoor 'лезть в чужие дела';

- [j-] 'движение вверх — вниз': jump 'прыгать', jounce 'трястись', jig 'двигаться толчками, танцевать джигу' (jog 'толкать, трясти', jugg-le 'показывать фокусы, жонглировать'), jangle 'издавать резкие, нестройные звуки' (jingle 'звякать');
- [b-] 'глухой удар': bang 'удар, стук', bash 'сильный удар', bounce 'глухой, внезапный удар', biff 'сильный удар', bump 'глухой удар, столкновение', bat 'дубина, бита; летучая мышь'.

Так же неопределенны и значения, ассоциируемые с конечными согласными:

- [-ɛs] 'очень резкое, энергичное движение': bash 'бить, сильно ударять', clash 'сталкивать, лязгать', crash 'грохотать', dash 'бросить, швырнуть', flash 'ослепительно сверкнуть, пронестись', gash 'наносить глубокую рану', mash 'раздавить', gnash 'скрежетать (зубами)', slash 'рубить', splash 'шлепнуться';
- [-ejr] 'сильный свет или звук': blaze 'рев', flare 'сияние', glare 'блеск', stare 'пристальный взгляд';
- [-awns] 'быстрое движение': bounce 'отскакивать', jounce 'ударяться', rounce 'пробивать', trounce 'бить, пороть';
- [-im] в большинстве случаев с детерминативом [-r], 'слабый свет или звук': dim 'смутный', flimmer 'мерцание', glimmer 'тусклый свет', simmer 'шипение', shimmer 'мерцающий свет';
- [-omr] 'нечто неуклюжее, бесформенное': bump 'шишка', clump 'глыба', chump 'чурбан', dump 'свалка', frump 'карга', hump 'горб', lump 'ком', rump 'огузок', stump 'обрубок', slump 'оползень', thump 'удар (дубинкой)';
- [-et] с детерминативом [-r], 'расчленяющее движение': batter 'долбить', clatter 'стучать, греметь', chatter 'болтать', spatter 'разбрызгивать', shatter 'раздроблять', scatter 'рассеивать', rattle 'греметь', prattle 'лепетать'.

В этом последнем примере мы встречаемся с формальной особенностью, которая подтверждает нашу классификацию. В морфологии английского языка не существует общего ограничения на появление [-r] или [-l] в качестве суффиксов, и, в частности, они не исключаются и при наличии [r, l] в составе слова: формы типа brother 'брат', gather 'скорее', river 'река', reader 'читатель', gearer 'жнец' или little 'маленький', ladle 'ковш', label 'ярлык' довольно распространены. Однако символические корни, содержащие [r], никогда не принимают детерминативного суффикса [-r]; вместо него они присоединяют [-l]. И наоборот, символические корни, включающие [l], никогда не имеют детерминатива [-l], но содержат [-r]; символические корни типа grabble

‘пререкаться’ или blabber ‘болтать’ вполне возможны, но *brabber или *blabble — нет.

Анализ таких частных явлений, как корнеобразующие морфемы, неизбежно будет крайне неполным и неопределенным, поскольку фонетическое сходство, например, звука [b-] в словах box ‘бить’, beat ‘бить’, bang ‘ударять’ представляют какую-либо языковую форму только тогда, когда оно сопровождается и семантическим сходством, а для измерения или определения последнего, являющегося частью окружающего нас практического мира, у нас нет никаких критериев.

А. Росетти

ЗАМЕТКИ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ОНОМАТОПЕИ*

Являются ли слова, образованные путем ономотопеи, неотъемлемой частью языка или они были созданы для других целей? По мнению Б. Хала, звукоподражательные слова представляют собой сигналы, «которые подчиняются иным законам, чем обычные слова».¹ Наше мнение не совпадает с точкой зрения Б. Хала. Звукоподражательные слова образуются посредством звуков живого разговорного языка, причем большинство этих слов входит в словарь данного языка и употребляется на тех же правах, что и прочие слова. В настоящей статье мы ставим себе целью кратко остановиться на употреблении слов, образованных по способу звукоподражания.

Мы оставляем в стороне так называемые эмоционально-экспрессивные слова, которые имеют другое происхождение. «Эмоционально-экспрессивные» слова содержат звуки, экспрессивный характер которых признается носителями данного языка и которые употребляются в языке как таковые. Примером могут служить группа fl в стихотворении В. Гюго: "Le flot sur le flot se replie" или t в двустишии Леконта де Лилля: "Et faisant à tes bras qu'autour de lui tu jettes, Sonner tes bracelets où tintent des clochettes".

Как показал М. Граммон, внутренняя экспрессивная значимость звука «высвобождается» и реализуется только в том случае, если это допускает смысл слова. Так, фр. citadelle или motadelle не являются экспрессивными словами, ибо их значение не допускает реализации экспрессивности согласной l. М. Граммон показал, что звуки живого языка, используемые в звукоподражательных словах, приблизительно имитируют естественные

* Отрывок взят из рус. пер. в: *Вопр. языкознания*. 1962. № 3. С. 91—92 (перевод с фр. М. М. Маковского).

¹ См.: H a l a B. *Autour du probleme de la syllabe // Phonetica*. 1947 Vol. V. P. 162.

шумы и звуки²; указанная приближенность объясняется тем, что звуки человеческого языка входят в другой ряд по сравнению с прочими звуками и шумами, встречаемыми в природе, а наши органы речи не в состоянии точно воспроизвести эти последние.

Происхождение ономастопей следует искать в присущей всем языкам внутренней тенденции установить определенную связь между объектами природы и придать языку непосредственный характер. Звукоподражательные слова представляют собой мотивированные знаки, ибо чем меньше значимость знака, тем больше его экспрессивность. Слово вообще, как известно, это произвольный или немотивированный звук, а основной функцией речи является коммуникация. Выбор звуков, входящих в то или иное слово, таким образом, никак не обуславливается характером самих звуков³ <...>

В словаре румынского языка большое место отводится звукоподражательным словам. Некогда такие слова были отмечены С. Пушкарю. Приведем несколько примеров: *bîjbîi* 'искать ощупью', *bizii* 'жужжать', *bocani* 'стучать, ударять', *bombani* 'ругаться, браниться', *clămpăni* 'стучать (зубами)', *clăntani* 'стучать зубами', *dudui* 'звучать, раздаваться (о звуке)' <...> *gilii* 'издавать булькающие звуки', *toțmai* 'хрюкать', *sfirii* 'потрескивать, шипеть', *sisii* 'шипеть, сюсюкать', *țacani* 'стучать, шелкать', *zangani* 'звенеть'.⁴

В языках народов Африки <...> широко используются звукоподражательные слова. Так, в языке эве (Западная Африка) находим: *gblugblugblu* 'der Gang des stier und steif vor sich hingehenden Büffels oder eines entsprechend gebauten Menschen'; *həhəhəhə* 'beschreibt einen korpulenten, etwas schwerfällig und schwabbelig einhergehenden Menschen'; *hloyihloyi* 'gehen mit vielen am Körper bammelnden Gegenständen und in losen, flatternden und schuckelnden Kleidern'.⁵ Ср. также примеры из мальгашского языка *fofofofo* 'сильный порыв ветра; ярость', *poaka* 'сильный шум; появление солнца', *siotra* или *siotsa* 'крик се-

² См.: Grammont M. *Onomatopées et mots expressifs* // *Trentenaire de la Société pour l'étude des langues romanes*. Montpellier, 1901. P. 264—273.

³ См.: Bühler K. 1) *Sprachtheorie*. Jena, 1934. S. 195 ff.; 2) *L'onomatopée et la fonction représentative du langage* // *Psychologie du langage*. Paris, 1933. P. 101; Korínek J. M. *Laut und Wortbedeutung* // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. 1939. VIII. S. 58—65; Karcevsky S. *Introduction à l'étude de l'interjection* // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 1941. I. P. 57—75; Buysens E. *La nature du signe linguistique* // *Acta linguistica*. 1941. II. P. 83—86. О реакции говорящих на звуки и шумы см. результаты экспериментов, обобщенные в кн.: Wissemann H. *Untersuchungen zur Onomatopöie*. Heidelberg, 1954.

⁴ См.: Puscariu S. *Les onomatopées dans la langue roumaine* // *Études de linguistique roumaine*. Cluj; București, 1937. P. 319 ff.

⁵ См.: Westermann D. *Laut und Sinn in einigen Westafrikanischen Sprachen* // *Archiv für vergleichende Phonetik*. 1937. Bd 1, Hf 3. S. 159.

рого попугая', mivovo 'лаять', tsobatsoba 'звуки, издаваемые при ходьбе в воде'.⁶

Эти несколько примеров, взятые из различных языков, показывают, что звукоподражательные слова разговорного языка, состоящие из звуков, приблизительно имитирующих естественные шумы и звуки, используются в словаре того или иного языка на тех же основаниях, что и все остальные словарные элементы.⁷

⁶ См.: Bernard-Thierry S. Les onomatopees en malgache // Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris. 1960. Vol. LV, N 1. P. 241, 244, 247, 249.

⁷ Можно легко увеличить количество примеров, обратившись к обширным спискам слов, приводимым в указанных выше работах.

V. ЭКСПРЕССИВНАЯ РЕЧЬ

Й. Йордан

ШАРЛЬ БАЛЛИ*

⟨...⟩ *Стилистика* в понимании Балли является строго лингвистической дисциплиной и занимается изучением средств выражения речи языковой общности, рассматриваемых с точки зрения их аффективного содержания ⟨...⟩ Известно, что в определенных условиях многие слова могут обладать, помимо чисто интеллектуального значения, и аффективной значимостью: говорящий, употребляя такое слово, называет соответствующий предмет и в то же время занимает по отношению к нему определенную субъективную позицию эмоционального характера. Чем больше мы находимся во власти аффекта (испытывая восхищение, ненависть, презрение и т. п.) в момент речи, тем легче мы прибегаем к таким словам (или синтаксическим группам), которые обычно называют *экспрессивными* словами. Это свойство варьирует от слова к слову и часто колеблется в пределах одного слова в зависимости от эпохи. Слишком частое употребление приводит к ослаблению экспрессивности, поэтому быстрее изнашиваются именно экспрессивные слова, как наиболее частые в разговорной речи. Потому очень многие слова этой категории со временем утрачивают всякую аффективную окраску и заменяются другими, которым в общем-то уготована та же участь ⟨...⟩

Существуют, разумеется, *нейтральные понятия*, не вызывающие у нас никаких чувств; поэтому они передаются невыразительными, «стертыми» словами: «стул», «стол», «улица», «дерево», «вода», «пшеница», «одежда», «круглый», «идти», «стоять» и т. д. и т. п. Другие, напротив, имеют аффективную окраску, заставляющую нас употреблять соответствующие обозначения. Ср., например, лексическое богатство стольких языков для обо-

* Отрывок взят из кн.: Iordăni I. *Lingvistica romanică*. București, 1962. Рус. пер.: Йордан Й. Романское языкознание / Пер. с рум. С. Г. Березжан, И. Ф. Мокряк. М., 1971. С. 466, 468—472.

значения таких понятий, как «голова» (вместилище разума, равно как и глупости),¹ «ленивый» <...> «глупый» <...> «рот»,² «скупой» <...> «бедный» <...> и др. Экспрессивность подобных слов увеличивается оттого, что в их создании участвует *фантазия*. Поскольку они обычно обозначают конкретные материальные предметы, в нашем уме одновременно с соответствующим понятием возникает определенный образ. С этой точки зрения экспрессивные слова и словосочетания, столь часто употребляемые в разговоре каждым из нас, весьма сходны со стилистическими оборотами, хотя в общем плане они существенно различаются, между прочим, и тем, что экспрессивные выражения естественны и спонтанны, в то время как собственно стилистические обороты часто являются продуктом волевого акта. Следует добавить, что, когда язык не располагает аффективным термином для какого-либо понятия или (что случается чаще) говорящий не может его сразу вспомнить, почти с тем же эффектом используются обычные слова, которые произносятся с *особой интонацией* <...> Если мы хотим сказать, например, что кто-то умен, но в то же время выразить недовольство тем, как он использует это качество, мы произносим прилагательное *deștept* 'умный', которое единственно возможно в этой ситуации, делая музыкальное ударение на втором слоге, одновременно искусственно его удлиняя, или же дополняем предложение определенными экспрессивными оборотами, вроде: *daca-i, deștept, ce sa-i faci!* 'если он такой умный, что с ним поделаешь!', *zi-i deștept, si pace!* 'скажи, что он умен, и баста!' и т. п. Таких выражений³ очень

¹ <...> Фр. *tete*, само по себе весьма экспрессивное (лат. *testa* 'горшок; черепок', рум. *teasta* 'черепная кость; щит, панцирь' по сравнению с абстрактным *chef* 'глава' лат. *caput* 'голова' в просторечии и народном языке заменяется различными аффективными синонимами, как то: *citron* <...> *cașate, boule* <...> (фр. арг. обладает более чем 50 подобными наименованиями для «головы»).

² Рум. *gura* 'рот' — это лат. *gula* 'горло, глотка'; вначале оно имело, следовательно, аффективную окраску <...> Наименования такого типа встречаются главным образом при обозначении частей тела. Согласно некоторым статистическим подсчетам, естественно, весьма приблизительным, в латыни существовало 80 слов для различных органов человеческого тела, в то время как романские языки обладают несколькими сотнями!

³ Примеры, приведенные нами, взяты главным образом из словарного состава и в меньшей мере из синтаксиса, однако не следует думать, что только эти области языка дают в наше распоряжение элементы со стилистической окраской. В "Le langage et la vie" (II изд. Genève, 1913. С. 113—114) Балли говорит так: «...стилистика охватывает всю область языка. Все языковые явления, начиная от звуков и кончая сложнейшими синтаксическими конструкциями, могут выявить ту или иную из основных характеристик изучаемого языка; все языковые факты, каковы бы они ни были, могут ознакомить нас с частицей жизни духа, с движением чувств». Однако, если даже и Балли не изучает звуки под стилистическим углом зрения, то это связано с тем, что мы не знаем ничего определенного об их экспрессивной значимости. Вот как определяет Балли это последнее понятие: «...большая или меньшая способность тех или иных звуков производить эффект, когда их фоническая значимость совпадает с движением чувств того, кто слушает»

много в разговорной речи как культурных, так и малокультурных людей. Причем у людей малообразованных таких оборотов больше, так как они говорят более свободно и почти полностью подчиняются импульсам аффективности <...>

и понимает» (там же, с. 116). А на с. 117 он приводит французские слова *goguenard* 'зубоскал', *degingande* 'расхлябанный', *ratatouille* 'бурда, брандахлыст' и др. и пытается уловить то особое впечатление, которое они на нас производят: «... 1) Звуки, и в особенности сочетания звуков, появляющиеся в этих словах, содержат нечто паразитное, что мы напрасно пытались бы искать в других словах, таких, как *table* 'стол', *chaise* 'стул', *monter* 'подниматься', причем они паразитны сами по себе, независимо от смысла, который имеют соответствующие слова; 2) эти фонические эффекты находятся в определенном отношении с чувствами, вызываемыми значением слов». Сказанное в п. 1 напоминает то объяснение, которое обычно дается звукоподражательным словам, не повторяя его, однако, в точности. Концепция Балли гораздо более емка и скорее может быть поставлена рядом с <...> "Lautsymbolik".

МОРИС ГРАММОН*

Особое место во французской лингвистической школе занимает Морис Граммон, профессор университета в Монпелье, который учился у Ф. де Соссюра в Париже примерно в одно время с А. Мейе. Особое положение Граммона определяется, между прочим, следующими чертами, характеризующими его научную деятельность: с одной стороны, он придает огромное значение *фонетике*, которой он занимается по преимуществу; с другой стороны, он проявляет интерес к *эстетической стороне языка* <...> Соссюр исключает из лингвистики собственно фонетику, рассматривая ее как вспомогательную науку, и полностью пренебрегает тем, что составляет (или может составлять) художественную сторону человеческой речевой деятельности. То же отношение мы встречаем и у всех других представителей французской школы <...> Граммона следует считать основоположником *общей фонетики*, которой он полвека занимался как настоящий мастер. Для такого рода исследований необходима широкая и многосторонняя научная подготовка: знакомство с описательной и экспериментальной фонетикой, отличное знание большого количества языков и диалектов, как родственных между собой исторически, так и принадлежащих к разным группам <...> и навыки наблюдения над языковыми явлениями <...>

Все эти качества ярко проявились в <...> работе (*Traité de phonétique*: II изд. Paris, 1939; III изд. Paris, 1946; IV изд. Paris, 1950), которую можно считать наиболее полным и оригинальным трудом по общей фонетике. На более чем 400 страницах большого формата автор занимается описательной фонетикой, которую он называет *фонологией*, *эволюционной фонети-*

* Отрывок взят из кн.: Iordan I. *Lingvistica romanica*. București, 1962. Рус. пер.: Иордан И. Романское языкознание / Пер. с рум. С. Г. Бережан, И. Ф. Мокряк. М., 1971. С. 517—518, 524—528.

кой (или «собственно фонетикой») <...> и тем, что он называет «импрессивной фонетикой» (звукоподражание, экспрессивные слова, ритм, интонация и т. п.). Книге был оказан очень благо-склонный прием <...>

В работе "La psychologie et la phonétique", между прочим, показано, что психологическое состояние говорящего почти всегда (обычно бессознательно) воздействует на обусловленные фонетические изменения; иногда оно заключается в интеллектуальной или физиологической невнимательности. Большая часть работы посвящена звукоподражаниям, экспрессивным словам и ритму, совпадая, таким образом, частично с третьей частью "Traité de phonétique" <...>

Необходимо уточнить, что *художественная сторона языка*, как ее представляет себе Граммон, *имеет в основе фонетические элементы*: гармония, выразительность, красота языка вытекает из его звуков и ритма. Речь идет, следовательно, о чисто слуховой эстетике. Известно, что различные звуки в определенных условиях могут вызывать определенные представления и, следовательно, имеют различную психологическую значимость, и поэтому они способны передавать вполне определенные душевные состояния¹ <...>

¹ Сам Граммон занимался сходными с рассматриваемыми там вопроса-ми в исследовании "Onomatopées et mots expressifs" (Revue des langues romanes. 1901. Vol. XLIV. P. 97—158), где он показывает, что сферы распро-странения этих двух категорий слов намного шире, чем обычно предпола-гается, и вместе с тем они перекрещиваются, так что нельзя установить точ-ные границы между ними: существуют слова, которые можно считать то звукоподражательными, то экспрессивными, по господствующей в момент речи мысли <...> Проблема ономапии или, в более широком смысле, подражательных слов трактовалась много и по-разному <...>

К. Нироп

ЗВУК И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ*

1. Человеческий ум постоянно стремится уловить порядок и соответствие, пытается заметить гармонию во всем окружающем нас, как в природе, так и в жизни.

Конечно язык не остался вне этой общей тенденции; напро-тив, язык дал повод таким наблюдениям, которые оказали, по-видимому, сильную поддержку идее универсальной гармонии. Что касается смысла слов в языке, то следует сказать, что уже делались попытки установить гармоническую связь между идеей, звуковым знаком которой является слово, и самой формой сло-ва; другими словами, вполне допускается известное соотношение

* Отрывок взят из кн.: N u g o r К. Grammaire historique de la langue française. Copenhagen. 1913. Т. IV. Рус. пер.: С б о р н и к и по теории поэти-ческого языка. Поэтика / Пер. с фр. Влад. Б. Шкловского. Пг., 1916. Вып. 1. С. 61—71.

между выражаемой идеей слова и его фонетической структурой <...>

2. Мысль о существовании яркой гармонии между словом и вещью всегда владела человеческим воображением <...>

3. Стремление находить гармонию между словом и обозначаемым им предметом распространено повсюду, и повседневная жизнь часто позволяет его наблюдать. Всякий говорящий и мыслящий человек, профан и любитель, просто любопытный, как и понимающий дело, любит подмечать тот факт, что слово окрашивает своими фонетическими свойствами обозначаемый им предмет. Эта точка зрения нашла себе отражение и в литературе, притом у самых разнообразных авторов <...> Литература наших дней дает нам <...> очень любопытный пример. Ночные птицы в «Шантеклэре» не любят слово "clarté", считают его столь же неприятным, как и то, что им обозначается, и наложили на него «табу». Но легкомысленный дрозд произносит его перед собранием важных сов, и неясить ему строго выговаривает:

...Pas ce mot de consonance ingrate,
Ce mot qui un bruit d'allumettes qu'on gratte.

(Только не это слово, с его неприятными созвучьями, так оно звучит, словно чиркаешь спичками).

4. Равным образом наблюдается стремление придавать символическое значение фонетической структуре собственных имен; благодаря своей форме, столь отличающейся иногда от других элементов языка, эти имена скоро начинают очаровывать человеческое воображение и становятся выразительными символами связанных с ними воспоминаний и впечатлений <...>

5. С точки зрения акустики, слова несомненно производят довольно различные впечатления. Есть из них такие, которые кажутся тихими, улыбающимися, другие — резкими и противными. Однако чувствования в этом случае очень смутны и по своему характеру очень индивидуальны. Поэтому не следует приписывать им чересчур абсолютное значение; мы постоянно видим, как ум человека, под влиянием значения слова, легко открывает присутствие всякого рода желаемых им фонетических соотношений <...>

6. Существовала мысль, что между тремя "о" слова топотопе и его смыслом имеется таинственная связь. Ничего подобного нет на самом деле. Повторение одной и той же глухой гласной наблюдается и в других словах совершенно различного значения: protocole, топороле, chronologie, zoologie, и т. д.; и имеет притом очень ясное историческое объяснение; оно не обязано своим происхождением стремлению произвести фонетический эффект благодаря гармонической связи между словом и вещью. Всегда найдутся люди, которые станут полагать, что lugubre (зловещий) и тогне (унылый), особенно благодаря своим глас-

ным, предназначены для выражения чего-то важного и мрачного, что *vi* (живой) и *precis* (точный) со своими ясными гласными превосходно рисуют живость, точность, что *dur* (твердый) и *fort* (сильный), также являются выразительными словами с превосходной гармонией между звуковым составом и их смыслом. Такого рода рассуждения можно слышать и по поводу таких слов, как *lourd*, *gros*, *gras*, *maigre*, *mince*, *faible* и т. д. Кто так говорит, тот забывает, что гласная *i* не вызывает никакого представления о веселье, когда мы ее наблюдаем в слове *triste*, забывает, что *sinistre*, а также *lugubre*, *indécis* и *precis* могут привести к самым противоположным заключениям <...>

7. Теория фонетического символизма одна из тех, которые «пленяют» ум. Она обращается к воображению, нравится разуму, давая простое и естественное истолкование вещей, которые иначе казались бы абсолютно спорными. Многие содействуют сохранению и возникновению этой теории; одной из наиболее действительных причин является то впечатление, которое создается через артикулирование различных звуковых феноменов. Известно, что своею природною окраскою гласные производят довольно разнообразные впечатления; так начальная гласная *i* дает представление чего-то ясного, проникновенного, тогда как при конечном *ou* (лат. *u*) непосредственно чувствуется что-то тяжелое, угрюмое, тупое. Жаворонок заливается по утрам своим веселым и радостным *tirelire*, а унылая сова из своего темного угла меланхолично издает свое уханье *bouhou* или *houhouou* <...> Согласные, артикуляция которых столь разнообразна, производят также очень разнообразное впечатление. Очевидно, что спиранты благодаря трению воздуха, от которого они образуются <...> прямо напоминают свист ветра, журчанье воды, звук свистка и тому подобные звуки. Прочие согласные допускают такие же соображения.

8. Ощущения, производимые артикуляцией гласных и согласных, могут быть использованы при образовании новых слов. Современная промышленность, создавая слово «кодак» <...> создала очень точно ценность звуковых явлений, удачно выковала чрезвычайно выразительное слово, ясное, краткое, удобное для памяти и произношения, благозвучное по своей конструкции; своими тремя взрывными согласными это слово рисует резкий спуск затвора маленького фотографического аппарата <...>

9. Поэты и художники прозы пользуются природными свойствами звуковых явлений как чрезвычайно ценным эстетическим фактором; однако они пользуются ими гораздо реже, чем думает большинство теоретиков. Приведем некоторые примеры, которые покажут, как поэты брали известные гласные и согласные для достижения желаемых эффектов.

10. Очевидно, что если гласная *ou* (лат. *u*) по самой своей природе производит впечатление чего-то важного, то, набирая слова, содержащие эту гласную, в стихе, изображающем печаль-

ную мысль или положение, поэт этим путем достигает усиления эффекта. Приведем следующий стих Виктора Гюго, где, может быть, сознательно преследуется гармония подражания:

Elle ecoute. Un bruit sourd frappe les sourds echos
(*"Les Orientales"*).

11. Вибрирующая зубная или увулярная напоминает многие и разнообразные звуки, особенно те, которые изображают быстрые, энергичные, равномерно повторяющиеся движения.

Следующее четверостишие стремится изобразить акустическое впечатление от вибрирующей гласной:

L'r en roulant approche, et tournant a souhait,
Reproduit le bruit sourd du rapide rouet,
Elle rend, d'un seul trait, le cours d'une riviere,
La course d'un torrent, le fracas du tonnerre.¹

Вибранты считаются особенно пригодными для выражения сильных чувствований, гнева и негодования. Этим пользуется Эдмон Ростан в своем *"Chantecler"* (I, сц. 4, где впрочем, говорит собака; не забудем, что у римлян *r* назывался *"canina litera"*).

Chantecler (отступая назад): C'est toi, Patou, bonne tête hagarde /
Qui sors de l'ombre avec des pailles dans les yeux?

Patou: Qui! pour voir dans les tiens des poutrrres!

Chantecler: Furieux?

Patou: R R R R...

Chantecler: Quand il roule de l'R, il est tres en colere!

12. Глухой спирант (*s*) напоминает своею артикуляцией различные звуки в природе. Этим воспользовались многие поэты <...> Расин в одном часто приводимом стихе собрал спиранты для достижения эффекта подражательной гармонии:

Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos, tetes
(*Andromaque*. V, 5).

13. Поэты часто прибегали к эффекту усыпляющей монотонности, который достигается путем постоянного повторения какого-либо звука <...>

14. Не следует, однако, преувеличивать ценность и значение этих явлений, но и не нужно приписывать поэтам таких стремлений к подражательной гармонии (*"harmonie imitative"*), каких они никогда не имели. Полезно заметить, что по вопросу о символическом значении языковых явлений исследователи не пришли к единогласному заключению; часто одному и тому же звуку приписываются самые разнообразные эффекты, а идея символизма так пленяет энтузиастов, что они начинают всякому заметному явлению языка приписывать значение, существующее лишь в их воображении. Приведем пример. Вибрантам <...> приписывается способность выразить бешенство, гнев. Однако

¹ Идет рокочущее «р»; при вращении оно производит глухой шум быстрого веретена, одним звуком передает бег реки и потока, и раскаты грома.

<...> есть ли что-либо на свете нежнее следующих стихов, где "r" преобладает:

Sur la plage sonore où la mer de Sorrente
Deroule ses flots bleus au pied de l'oranger.
Il est pres du sentier, sous la haie odorante,
Une pierre petite, étroite, indifferente
Aux pas distraits de l'étranger²

(Lamartine).

15. <...>

16. По вопросу о настоящей живописи звуками мы склонны допускать лишь звукоподражательные словообразования, как *coucou* 'кукушка', *teufleuf* 'звук взрывов в механизме, автомобиле', *chuchoter* 'шептать', *ronronner* 'мурлыкать', *miauler* 'мяукать' <...> Что же касается выразительных слов, то чтобы лучше передать нашу мысль, нам не остается ничего другого, как привести следующее место из Ш. Балли: «Некоторые группы звуков в соответствующих случаях особенно пригодны для выражения чувств, для яркой изобразительности, если смысл слова допускает такую ассоциацию; сами же по себе звуки не могли бы производить такого рода действия»³ <...>

Так, *tinter* (звонить) считается выразительным, экспрессивным; но никто не подумает так же оценивать глагол *teinter* (окрашивать), потому что смысл этого глагола повода для этого мнения не дает.

17. <...> Известно, что у многих лиц явления языка вызывают красочные впечатления; они одарены тем, что называется "audition colorée" 'цветным слухом'.

Когда ухо воспринимает известные звуки, они получают цветные ощущения. Окрашивание может передаваться через цифры и особенно через буквы ... <...>

² На плещущем берегу Сорренто, где море разливает свои голубые волны у ног альпийских деревьев.

На тропинке, под благоухающей лиственной изгородью

Лежит камешек, безразличный к рассеянным шагам иностранца

(Ламартин).

³ Vall y Ch. Traité de stylistique française. Heidelberg, 1909. § 64.

Ж. Вандриес

ЯЗЫК*

Аффективный язык

До сих пор мы учитывали только то, каким способом мысли формулируются логически, т. е. мы изучали язык только как

* Отрывок взят из кн.: Vendryes J. Le langage. Paris, 1920. Рус. пер.: Вандриес Ж. Язык / Пер. с фр.; Под ред. и с предисловием Р. О. Шор. М., 1937. С. 134—138, 143—150.

орудие интеллекта. Но человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек говорит также, чтобы подействовать на других и выразить свои собственные чувства. Таким образом, беря за основу школьное деление на ум, волю и чувство, следует различать друг от друга языки логический, волевой и аффективный.

Волевой язык еще почти не изучался. Однако же он имеет свое значение, которое становится особенно ясным при изучении проблемы происхождения человеческого языка (. . .) Кроме того, при рассмотрении этого языка в исторической перспективе обнаруживаются его собственные законы. В грамматике ему принадлежит область повелительного наклонения в глаголе и звательного падежа в имени. Эти категории имеют специальные формы и функции. Когда в предыдущем изложении мы соединяли в одном представлении глагольную форму, как «молчи», именную, как «молчание!» и междометие, как «тс. . .», это смешение частей речи было возможно только потому, что мы имели дело с языком волевым, в котором четкие различия между глаголом и именем ступшеваются. Но хотя волевой язык часто черпает из языка логического, у которого он заимствует готовые грамматические выражения, все же эти два языка следует различать, так как у волевого языка свое назначение и он пользуется специальными орудиями. Но изучение этого языка — еще дело будущего.

Что касается аффективного языка, то ему мы уделим больше внимания. Он послужил предметом, особенно в течение последних 20 лет, глубоких исследований, которые определили его область и приемы (. . .)

Уже Георг фон Габеленц сказал: «Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя». Следовательно, мы должны не только принимать во внимание способ, каким выражены мысли, но также и отношение, которое существует между этими мыслями и чувствами говорящего.

Иначе говоря, во всякой речи нужно различать то, что нам дает анализ представлений, и то, что говорящий в нее вносит своего: элемент логический и элемент аффективный.

Эти оба элемента постоянно смешиваются в языке. За исключением речи технической и особенно речи научной, по самому существу своему лежащей вне жизни, выражение мысли никогда не свободно от какого-либо оттенка чувства. Больше того, в гамме аффективных красок нет ноты, которая соответствовала бы отсутствию чувства, есть только различные чувства (. . .)

Нет такой ходячей фразы, к которой не было бы примешано аффективных элементов. Говоря «Петр бьет Павла», я как будто выражаю только отношение между двумя лицами, соединенными действием битья. По крайней мере так называемый логический анализ не показывает мне в ней ничего другого. Но на деле никогда подобная фраза не является только логическим

выражением отношения; я всегда вношу в нее аффективные оттенки. Мне никогда не безразличен тот факт, что Петр бьет Павла; если бы этот фактор был мне безразличен, я не говорил бы об нем вовсе. В вышеприведенном примере в зависимости от того, мои ли дети Петр и Павел или чужие мне, в зависимости от их возраста, их силы, моего предпочтения, моих симпатий или от других подобных же обстоятельств, которые легко себе представить, произнося эту фразу, я буду испытывать различные чувства негодования, порицания, угрозы, гнева или удовлетворения, ободрения, одобрения, удивления.

Эти чувства, естественно, выражаются интонацией, модуляцией голоса, быстротой речи, силой произнесения того или другого слова или же жестом, сопровождающим речь. Одна и та же фраза в произношении может приобретать тысячи изменений, соответствующих малейшим оттенкам чувства <...> Таким образом, узнав значение слов и проанализировав грамматически фразу, мы еще не исчерпали ее содержания. Надо еще определить ее аффективное значение.

Эта задача встает перед психологом, изучающим природу чувств, также перед актером, стремящимся воспроизвести их на сцене, в меньшей степени эта задача стоит и перед языковедом. Эти чувства приобретают значение для этого последнего только тогда, когда они выражены лингвистическими средствами. В большинстве же случаев они остаются вне языка: они похожи на легкую дымку, окружающую выражение мысли, но не затрагивающую ее грамматической формы. Справедливо, что фраза «Петр бьет Павла» никогда не произносится без какой-либо интонации, определяющей оттенки ее значения <...>

<...> как бы ни изменились интонации и жест при произнесении одной и той же фразы, языковед может не учитывать их, если при этом грамматическое строение этой фразы остается неизменным.

Но есть два случая, когда аффективное выражение вместо того, чтобы налагаться на выражение грамматическое, вмешивается в последнее и его изменяет.

Аффективность в языке выражается обычно двумя способами: выбором слов и местом их в фразе. Другими словами, аффективный язык пользуется как основными ресурсами словарем и синтаксисом. Словарь будет изучен отдельно, и мы увидим при этом, какую большую роль играет аффективность в изменениях смысла слов. Здесь же нужно только упомянуть те случаи, когда аффективное значение слова связано с суффиксом, т. е. элементом морфологическим. Это довольно частый случай. Когда очень выразительное слово содержит какой-либо суффикс, случается, что суффикс этот до такой степени пропитывается, заражается этой выразительностью, что поглощает ее полностью и становится выразительным элементом слова. Так, например, суффикс *-aille* вначале не обладал никаким специальным оттенком: в

слове bataille (битва) он остался невыразительным, но входя в слова уничижительного смысла, как capaille (сволочь), maille (сопляки) и т. п., он сам приобрел это уничижительное значение, и теперь каждый чувствует презрительный оттенок, заключающийся в словах вроде retraille (поповский сброд). Суффиксы -ard и -asse в большом числе слов имеют аналогичное значение. Суффиксы, называемые «уменьшительными», потому что они придают значению слова, к которому присоединены, оттенок уменьшения, присоединяют обычно к этому своему значению оттенок изящества, манерности или нежности, симпатии, жалости: maisonnette (домик), jardinet (садик) — это не только дом или сад маленьких размеров: суффикс -et, -ette (-ик) играет в этих словах роль аффективной морфемы. Морфология служит здесь выразительности в такой же мере, как это мог бы сделать словарь посредством эпитета: «мой маленький дом», «мой (бедный) маленький сад».

Порядок слов касается также ближайшим образом грамматики <...>

Существует обычный, банальный порядок слов, который приходит первым на ум. От него можно отклониться, но это отклонение указывает на намерение подчеркнуть какое-либо слово, привлечь к нему внимание слушателя. Этот прием стилистический, который можно довести до изысканности; здесь изучение синтаксиса захватывает область стилистики <...>

Устный язык приближается к языку «спонтанному»: под последним мы разумеем язык, возникающий непроизвольно, под действием сильного переживания. Он выделяет выразительные слова, не имея ни времени, ни досуга подчинять мысль строгим правилам рассудочного и организованного языка. Таким образом самопроизвольный (спонтанный) язык противопоставляется языку логическому.

Вопрос еще не исследованный, необходимо ли один из них должен предшествовать другому и не сливается ли язык самопроизвольный с языком аффективным. Если кто-нибудь вскрикнет, удивляясь неожиданной встрече: «Вы здесь!», можно в конце концов утверждать, что в основе этого восклицания лежит грамматическое выражение: «Вы находитесь здесь!» или — «Я удивлен, что вы здесь». Во всяком случае, грамматик не премирует его истолковать так, ссылаясь здесь на грамматическую фигуру эллипсиса, подразумевания.

Но в данном случае следует скорее всего обратиться к детскому языку. Ребенок, говоря rара ici (папа здесь) и указывая этим на то, что его отец пришел или находится здесь, может просто констатировать факт. С развитием способности анализировать свои представления и их выражать полностью в языке ребенок скажет: rара est ici или rара est arrivé ici вместо rара ici; нужно ли полагать в таком случае, что произошел переход от языка самопроизвольного, неграмматического к языку

грамматически организованному, без аффективной основы? Такое предположение было бы рискованным. Ибо ребенок не придавал своей рудиментарной фразе (рара ісі) с самого начала объективного характера. Первые изданные им крики выражали его желание, волю, нужду; и он сказал первый раз: рара ісі, чтобы выразить радость, что он видит своего отца, или желание его увидеть, попытку позвать его. Таким образом, в процессе развития ребенка создалось объективное выражение рара ісі путем устранения субъективного элемента; затем оно в свою очередь приобрело полную грамматическую форму посредством введения глагола; но начал ребенок с аффективной формулы.

Некоторые языковеды, в то же время и психологи, склонны предполагать, что у ребенка аффективный язык всегда предшествует интеллектуальному языку (<...>). По их мнению, ум мало-помалу превращает ощущения и эмоции в понятия, и идея выделяется из аффективных элементов, не устраняя их полностью. Внутри самопроизвольного языка, чисто аффективного, образуется крепкое ядро, увеличивающееся постепенно посредством закрепления окружающих его частей; это — условный и грамматический язык; он всегда заключен и окружен другим языком, он из него беспрестанно черпает, но не исчерпывает его никогда. Эта теория генетична и динамична. Она претендует на объяснение происхождения грамматики, т. е. организованного языка, из закрепления бесформенных и нестойких элементов, из которых состоял язык в дограмматическом периоде. Больше того, этот дограмматический момент сохраняется в большей или меньшей степени в жизни каждого языка; им-то и следует объяснять все явления аффективного языка (<...>).

* *
*

Грамматический, организованный, логический язык действительно никогда не бывает независимым от языка аффективного. Всегда налицо воздействие одного языка на другой. Мы только что видели, что все языки стремятся закрепить определенный порядок слов (<...>). Это не мешает эмоциональному элементу речи рядом способов отразиться на структуре фразы (<...>).

Даже грамматические категории иногда выражаются посредством приемов аффективного языка. Некоторые категории несомненно особенно легко принимают эту функцию. Изучая категорию времени, нам пришлось отвести важное место моменту длительности, а длительность — это вид, который принимает в наших глазах действие, специальное освещение, в котором мы его видим. Это, следовательно, вопрос точки зрения, а выбор точки зрения, будучи делом субъективным, включает в себе долю аффективности. Среди различаемых нашими грамматиками времен есть одно в высшей мере субъективное: это — буду-

щее. Выражая мысль о том, что действие совершится в такой-то момент будущего, мы сосредоточиваем свое внимание не только на моменте выполнения действия, но указываем в то же время на настроения, которые мы переживаем относительно этого будущего действия.

Таким образом, есть различие между будущим и прошедшим. Последнее — время объективное, потому что оно уже не зависит от нас и мы не вольны над ним. Это, как говорят, время историческое. Будущее же полно тайн возможности; оно допускает ожидание, желание, боязнь, надежду. Говоря «я сделаю это завтра», утверждая тем самым, что *будет* совершено мною завтра, я окутываю свою фразу субъективной атмосферой, которая в моих собственных глазах расцветивает ее различными оттенками так, что фраза сводится к смыслу „я желаю” или „я согласен на то, чтобы...” или же „я боюсь” или просто „я имею намерение сделать это” и т. д.

История будущего в различных языках подтверждает эти замечания. Будущее часто строится посредством выражения воли или желания, другими словами, оно имеет аффективное происхождение. Китайский язык образует будущее, ставя перед глаголом элемент «яо⁴», имеющий самостоятельное значение ‘желать’: «во³ яо⁴ лай» (‘я приду’, слово в слово: ‘я хотеть придти’). Английский язык употребляет форму I will или I shall do (<...>)

Повторение есть также один из приемов, вышедших из языка аффективного. Этот прием, будучи применен к языку логическому, превратился в простое грамматическое орудие. Его исходную точку мы видим в волнении, сопровождающем выражение чувства, доведенного до его высшего напряжения. Превосходная степень прилагательных многих языков состоит в повторении прилагательного. Здесь ясно видно, как грамматическое употребление вошло из употребления аффективного. В начале повторение было только средством придать языку больше выразительности: *c'est beau-beau* («Это прекрасно-прекрасно»). Но мало-помалу этот прием потерял свою эмоциональную значимость, и показалось удобным его употреблять для обозначения избытка и излишка, не вкладывая в это обозначение никакого аффективного элемента: *il est gros-gros* (дословно: ‘он толстый-толстый’) вместо *il est tres gros* (‘он очень толстый’). Такова превосходная степень прилагательных в древнесемитских языках (<...>)

Однако в таких языках, как французский, где этот прием никогда не грамматизировался (так как в французской грамматике есть другие способы для выражения превосходной степени), можно было сохранить за повторением его аффективную значимость. И таким образом *il est gros-gros* не вполне совпадает по значению с *il est tres gros*. Еще лучше можно почувствовать различие, сравнивая две фразы, например *il n'est pas tres joli* (дословно: ‘он не очень красив’) и *il n'est pas joli-joli* (дословно:

'он не красив-красив'). Допустим, что эти две фразы употреблены иронически; во второй фразе ирония будет более чувствительной.

Повторение, которое мы находим в языках индоевропейских и семитских, несомненно аффективного происхождения. Оно выполняет, как мы знаем, различные функции. Одна из наиболее четких — выражение завершённого действия. Такую функцию выполняет удвоенный перфект в древнегреческом глаголе <...> Повторяя начальный слог корня, обычно подчеркивали семантическую значимость глагольной формы. В именах существительных есть след очень древнего образования множественного числа посредством удвоения, аффективное происхождение которого очевидно.

Это случаи, в которых выражение чувства сделалось грамматическим приемом, где логика пользуется приемами аффективного языка. Обратное также бывает нередко <...>

Таким образом, аффективность проникает в грамматический язык, вынимает из него логическое содержание и его разрушает. Нестойкость грамматического строя объясняется в значительной мере воздействием на него аффективного элемента языка. Логический идеал всякой грамматики — это иметь одно выражение для каждой отдельной функции и только одну функцию для каждого выражения. Если бы этот идеал был осуществлен, язык имел бы такие же точные очертания, как алгебра, в которой любая формула, раз установленная, остается неизменной во всех случаях. Но фразы не алгебраические формулы. Аффективный элемент обволакивает и окрашивает логическое выражение мысли. Никогда не повторяют дважды одной и той же фразы; никогда не употребляют два раза то же самое слово с точно тем же значением; не бывает двух языковых фактов совершенно тождественных. Причина тому — обстоятельства жизни, непрерывно изменяющиеся условия наших переживаний.

Как понятия меняют свое название

... Очень редко случается, — так как это и не нужно, — чтобы язык создавал новые слова из комбинации своих фонем. Самое большое, если он изменит соотношение фонетических элементов слова. Этот прием известен из практики арго <...> но арго искажает слова, а не создает их. Создание слов — явление крайне редкое <...> Есть только несколько примеров его, приводимых обычно как курьезы; это — слово «газ», изобретенное в XVIII в., слово «рококо» <...> таковы также названия некоторых продуктов, предметов питания или инструментов, как например «кодак», — слов, целиком выдуманных своими изобретателями <...> Утверждали не без основания, что в слове «газ» заключена реминисценция слова Geist (дух); следовательно мы имеем здесь дело только с переработкой старого слова <...> Что до таких слов, как «рококо» или «кодак», то у них есть не-

сомненная выразительность. Это — оноματοпоэтические слова: они принадлежат к категории, принципы и образование которых теперь уже установлены.¹ Слово «кодак» дает слуховой образ: кажется, что слышишь щелканье механизма, открывающего и закрывающего фотографический аппарат. Чувствовал ли это его создатель и хотел ли он подражать этому звуку. Возможно, но не обязательно. Всегда бессознательно устанавливается гармония между звуками и выраженными ими вещами. Впечатление, производимое новым словом, может быть очень различным в зависимости от того, кто его воспринимает, но все-таки всегда какое-либо впечатление есть; различие впечатлений зависит от степени чувствительности, воображения или даже просто от нервов слушателя. Когда мы выдумываем новое слово для обозначения какого-либо предмета, нами неизбежно, бессознательно руководят субъективные соответствия между звуками и предметами. Кроме того, такое слово, как «кодак», удовлетворяет всем законам звукоподражательного слова: в артикуляции его согласных и в качестве гласных соблюдаются законы Граммона. Оно сделано наилучшим из возможных способов (<...>)

¹ Grammont M. Onomatopees et mots expressifs // Revue des langues romanes. 1901. T. XLIV. P. 97.

Ф. Шпехт

<АФФЕКТ И «ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ»>*

... Я считаю необходимым отметить здесь также статью одного из величайших лингвистов всех времен Г. Шухардта (1842—1927) «Против младограмматиков в связи с вопросом о звуковых законах»,¹ под влиянием которой понимание «звуковых законов» несколько видоизменилось. Однако одна существенная сторона вопроса оставалась незатронутой. Наряду с чисто механическим изменением звуков, которое только и имело значение для младограмматиков, в жизни языка играет очень существенную роль аффе́кт, могущий сильно видоизменить слово. В зависимости от связанной со словом эмоциональной окраски оно может принимать определенную форму, но так как это формальное выражение связанной ранее со словом эмоции мо-

* Отрывок взят из ст.: Specht F. Die "indogermanische" Sprachwissenschaft von den Junggrammatikern bis zum ersten Weltkriege // Lexis. 1948. Bd 1. Рус. пер.: Шпехт Ф. «Индоевропейское» языкознание от младограмматиков до первой мировой войны // Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы / Пер. с нем.; Ред. и предисловие В. А. Звегинцева. М., 1956. С. 50.

¹ Schuchardt H. Über die Lautgesetze. Gegen die Junggrammatiker. Berlin, 1885.

жет повести к тому, что слово легко теряет первоначальный характер эмоции, то такое создавшееся в определенных условиях слово становится часто камнем преткновения для действия звуковых законов. В языках таких народов, как балтийские и славянские, которые относительно поздно получили письменный язык, «исключения» такого рода встречаются на каждом шагу, в то время как языки с давней письменной традицией постепенно изгоняют такие отклонения, как чужеродные тела, и сохраняют их только в специальных жаргонах, не имеющих обычно доступа в литературу. Немецкая диалектология, все более и более совершенствующая свои методы, все чаще и чаще подтверждает существование таких исключений, и в среде ее представителей вновь оживляется борьба против незыблемости звуковых законов. Но если все это приложимо к частностям, то в целом можно вполне согласиться с приводимыми Шухардтом словами Блумфилда: «... если это учение о незыблемости звуковых законов и оказывается в конечном итоге ложным, то это несколько не затрагивает ценности его как методического принципа, ибо в этом его качестве за него говорят достигнутые при его помощи результаты».²

² H. Schuchardt - Brevier / Hrsg. von Leo Spitzer. Halle a/S., 1923.

И. Йордан

ИССЛЕДОВАНИЯ АРГО*

Источником большей части арготических выражений является аффективность. Обыкновенные слова не всегда удачно выражают то, что хочет сказать носитель арго, который, находясь под воздействием аффекта, чувствует потребность в неограниченной свободе действий и, разумеется, речи. Но эта необходимость никогда полностью не удовлетворяется: постоянно находясь во власти аффекта, говорящий все время ищет выразительных слов, и это обеспечивает непрерывное обновление арго. Самое «сильное» выражение со временем изнашивается, в данном случае это происходит очень быстро; его место должно быть занято другим, которое ожидает та же судьба. Слова, ставшие ненужными, исчезают или вливаются в общенародный язык, обычно в речь широких масс. Так объясняется чрезвычайное лексическое богатство арго при обозначении определенного понятия. В фон Вартбург, являющийся, как известно, автором монументального

* Отрывок взят из кн.: I o r d a n I. *Lingvistica romanica*. București, 1962. Рус. пер.: Йордан И. Романское языкознание / Пер. с рум. С. Г. Березжан, И. Ф. Мокряк. М., 1971. С. 535—536.

«французского этимологического словаря»,¹ зарегистрировал 41 слово для понятия «голова», 36 — для «идти», 81 — для понятия «плохой». Наиболее употребительный способ обогащения арготического словаря представляет так называемое синонимическое словообразование: если какое-либо слово приобрело метафорическое значение, то все его синонимы, а также многие другие слова, родственные ему семантически или принадлежащие к той же области деятельности, получают со временем соответствующий переносный смысл. Например: фр. *polir* означает 'красть' и этимологически не имеет ничего общего с *polir* 'наводить лоск'; однако он был воспринят как идентичный ему, и с того момента глаголы *fourbir* 'чистить, полировать', *nettoyer* 'чистить' и др. также приобрели значение 'красть'. Точно так же «голова» получила по разным причинам наименование *poire* 'груша'; немедленно названия других фруктов—такие, как *peche* 'персик', *pomme* 'яблоко', *citron* 'лимон' и пр., — стали употребляться в том же значении² <...>

¹ Bloch O., Wartburg W. von. Le Französisches etymologisches Wörterbuch: evolution et problèmes actuels // World. 1954. Vol. 10, N 2—3. P. 287—305.

² Эти примеры заимствованы мною из кн.: Dauzat A. Les argots: Caractères, évolution, influence (Paris, 1929. P. 138), где подробно рассматривается и определяется вышеуказанным образом явление, именуемое синонимическим словообразованием, которое встречается довольно часто и в общенародном языке, главным образом в народной речи.

С. Карцевский

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ МЕЖДОМЕТИЙ*

А-а-а! — воскликнул он по-португальски

I

Эта короткая фраза нам кажется забавной, а между тем употребивший ее А. Дюма-отец вовсе не намеревался придать ей комический эффект. Мы можем даже пошутить по поводу такой оплошности, допущенной автором. Хочется задать себе вопрос: ну а как это аһа! будет звучать по-немецки, по-русски...? Дело в том, что мы ни на минуту не сомневаемся, что речь идет о «естественном» языке, который нет необходимости учить. Но чтобы иметь основания так рассуждать, следовало бы сначала предпринять систематическое изучение употребления восклица-

* Отрывок взят из: Karcevsky S. Introduction à l'étude de l'interjection // Cahiers F. de Saussure, 1941, N 1. Рус. пер.: Карцевский С. Введение в изучение междометий // Вопр. языкознания / Пер. с фр. В. Г. Кузнецова. 1984. № 6. С. 127—137.

тельных слов в самых различных местах нашей планеты. Однако междометия не пользуются вниманием со стороны лингвистов, и если кто-нибудь захочет составить о них более глубокое представление, он столкнется с серьезными трудностями.

При изучении этой группы «слов» неизбежно приходится иметь дело с проблемой произвольного и мотивированного знака. После Ф. де Соссюра и Ш. Балли трудно сказать что-нибудь новое по этому вопросу. Ниже речь пойдет только об определенном осмыслении данной проблемы.

Путем беспрестанных взаимодействий между собой означаемые оформляются в понятия. Над знаками, которые интегрируют понятия, так сказать, надстраивается идеальный план. Подобным образом в результате аналогичных взаимодействий означающих происходит становление рядов дифференциальных оппозиций. Образуется звуковой план, подчиняющийся принципам своей организации все множество означающих. А это приводит к тому, что каждый знак разделяется на означаемое и означающее, связанные между собой только в силу социального приращения. Таким путем естественный сигнал превращается в произвольный знак. В силу своей природы он неизбежно вовлекается в сложную игру омонимии и синонимии, которая сама по себе может служить достаточным основанием, чтобы отличить язык от других семиологических систем. Именно в этом, в действительности, и заключается «жизнь» языка: благодаря подвижному характеру знака имеется возможность обозначать все новые и новые ситуации постоянно изменяющейся действительности.

Если бы знак был полностью мотивированным, он не разделялся бы на означаемое и означающее, а это привело бы к невозможности омонимии и синонимии. Знак не имел бы концептуальной значимости и представлял бы собой неразложимый звуковой блок. Его функционирование значительно затруднило бы осуществление акта фонации и акта аудирования, противопоставление которых является элементарным условием речевого общения. В действительности, полностью мотивированных знаков в языке нет, но это понятие является очень удобным теоретическим постулатом с методологической точки зрения.

В языке господствует произвольный знак. В то же время в нем ведется непрестанная борьба между тенденцией к произвольности и противоположной тенденцией к мотивированности знака. Соотношение между этими двумя силами меняется как от одного языка к другому, так и в пределах одной и той же языковой системы. В русском языке, например, очень большую роль играет деривация. По соссюровской терминологии, производное слово является «относительно мотивированным» знаком, следовательно, в русском языке тенденции к мотивированности проявляются гораздо сильнее, чем, например, во французском или английском. Согласно все той же терминологии, эти языки

относятся к «лексикологическому» типу, в то время как русский является «грамматическим» языком. В семиологическом плане междометия представляют собой преимущественно мотивированные знаки. Однако фонологическая система (la phonologie) — по определению область действия произвольного знака — существенно ограничивает мотивированность, подчиняя звуковую структуру большинства междометий своим собственным принципам организации.

Представляя собой мотивированный знак, междометие в то же время принадлежит языку, который оказывает существенное воздействие на его отличительные признаки. «Означающее», правда, сохраняет не-концептуальную ценность, но «означающее» часто испытывает аналитическое действие фонологической системы. Омонимия и синонимия также оказывают определенное влияние на знак.

II

Мы постараемся прежде всего установить отличие междометия от других языковых знаков, чтобы показать его отличительные черты.

Несмотря на постоянное давление со стороны фонологической системы, звуковой аспект междометий отличается большим своеобразием. Вот некоторые примеры.

Французский язык, в котором отсутствуют трифтонги, обозначает, однако, крик кошки как miaou. Несмотря также на отсутствие вокализованного г, шум, который производит взлетающая птица, обозначается fgg. В русском языке нет звукосочетания aw, а между тем по-русски кошка кричит мяу (m'aw), собака издает гав-гав (haw-haw) (<...>)

Чтобы остановить лошадь, русский, а также финн кричат «тпру», что есть не что иное, как долгий билабиальный р. В русском «ф» никогда не встречается перед гласной, однако это правило не распространяется на междометия: «фу» (отгалкивающий запах), «фырк» или «фркк» (фырканье лошади) и т. д.¹ Уже в процессе эволюции общеславянского языка начальное э получило протезу, но восклицания обходятся без нее; например, в русском «э!», «эге!», «эх!», «эй!». Это восклицательное э перешло, к тому же, в дейксисы «этот», «этак», а также в восклицательные местоимения «экой», «эдакой», не говоря о восклицательных дейксисах народного языка «эвот», «эвон» и др. В отличие от союза междометие всегда находится под ударением. С этим связаны некоторые отклонения в фонологической системе русского языка. Так, например, в междометии «штоп» (на письме «чтоб»), когда оно употребляется в качестве восклицания в ругательстве «чтоб тебя!...», ударение падает на редуцированный гласный, который, как правило, должен быть безударным (<...>)

Количество подобных примеров легко увеличить. Однако, нам кажется, что и приведенных достаточно, чтобы показать, что звуковая структура междометий не подчиняется полностью закономерностям фонологической системы.

Общим для всех междометий является отсутствие у них концептуальной значимости. Не случайно их считают словами, образующими особую «часть речи», хотя и соотносительную с другими частями речи.² Условием существования понятия является его вхождение в систему понятий, отграничение и соотнесение с себе подобными. Понятие представляет собой орудие классификации. В наших языках концептуальная природа слова отчетливо выражена благодаря формальным значимостям, заключенным в слове, которые обрамляют семантическую значимость и относят слово к определенной категории. Ничего подобного мы не обнаруживаем в междометиях. Ни «мяу», ни «а-а-а!» не имеют никаких формальных показателей. Более того, мы сможем убедиться в том, что употребление этих знаков во многом отличается от функционирования частей речи. Междометия принадлежат особому семиологическому плану.

Язык в качестве семиологического механизма не является «одноплановым». Языковые знаки не выполняют одну и ту же семиологическую функцию. Если обычные слова, части речи, обозначают «вещи», то числительные их перечисляют, а местоимения указывают на них. Это не одно и то же. Что касается междометий, они сигнализируют о присутствии кого-либо. Междометия принадлежат не-концептуальному плану, который тем самым противопоставляется всем другим семиологическим планам. Отметим попутно, не углубляясь в суть проблемы, что восклицания и местоимения связаны между собой довольно любопытным образом, что дает основание говорить об их общем происхождении. То, что называют «фонологической системой», управляет звуковой структурой концептуальных семиологических планов и, в первую очередь, звуковой структурой слов, организованных в части речи. Но ее воздействие практически не распространяется на не-концептуальный план, к которому принадлежат междометия.

III

До настоящего времени мы рассматривали междометия все вместе. Перейдем теперь к их классификации.

Самое первое заключение, которое позволяют нам сделать факты, состоит в том, что восклицания употребляются совсем иначе, чем все остальные междометия. Это послужило основанием для деления междометий на два больших класса: 1) восклицания и 2) не-восклицания. При ближайшем рассмотрении последнего класса выясняется, что общим признаком входящих в него междометий является их звукоподражательный характер-

Своим звучанием они либо имитируют крики животных, либо воспроизводят различные природные и естественные шумы. Таким образом, мы приходим к следующему делению: 1) ономотопеи и 2) не-ономотопеи или восклицания.

Восклицания можно рассматривать как преднамеренные человеческие «выкрики». Аналогия же с криками животных тут не подходит. Вообще говоря, крик каждого животного обозначается по-своему. Исключения довольно редки и касаются наиболее привычных нам животных. Так, кошка кричит «мяу», а также издает «мур-мур» (ron-ron). По-русски говорят, что большая собака лает «гав-гав», а маленькая тявкает «тяф-тяф». Впрочем, в данном случае можно иметь в виду две разные породы собак. И наоборот, такое-то животное издает определенный крик. Нельзя ли рассматривать — в переносном смысле, разумеется — шумы как «крики» вещей? Но и здесь соотнесенность выдерживается далеко не всегда. Большинство шумов являются «анонимными»: «трах!» (vlan!), «хлоп!» (pan!), «бах!» (boum!). Некоторые имеют определенные источники происхождения: «тик-так», «пиф-паф», «фррр», «уа-уа», либо имитируют кашель, смех, и т. д. Из этого следует, что восклицания характеризуются двояко: они являются речевым произведением, но произведение это исполняется намеренно. Имитация кашля в каком-нибудь повествовании всего лишь передача своего рода шума, а покашливание как предупредительный сигнал функционирует в данном случае в качестве восклицания. Лай собаки с целью привлечь внимание хозяина, как бы он ни был намеренным, остается криком. Можно пойти еще дальше. Крики ребенка, настойчиво зовущего мать, также не являются восклицаниями. Это означает, что одни намеренно произносимые звуки человеческого голоса являются «зарегистрированными» фактами языка, другие же отвергаются им в силу их принадлежности к сфере естественных речевых реакций.

Мотивированность звукоподражательных междометий вполне очевидна. Эти междометия обозначают воспринимаемые на слух явления действительности. Носитель языка без труда устанавливает, что звуки «ку-ку» издает такая-то птица, а звуки «ку-ка-ре-ку» — другая. Но мотивированный характер восклицания проявляется менее отчетливо. Ведь в первом случае имеет место слуховое восприятие, акт аудирования, а восклицание является речевым произведением, актом фонации. На условия протекания фонации оказывают воздействие прежде всего эмоции, которые и мотивируют звуковой облик восклицания. Эта мотивированность находит выражение в явлениях, которые сопровождают проявление эмоций голосом: изменение тона, мимика, иногда жесты. Психофизиологическая природа образа и эмоции различна, хотя они часто и связаны между собой.

В первобытном обществе наряду со звуковым языком широко использовался язык жестов. Последний оказал большое вли-

яние на первый. Можно утверждать, что он послужил основой его развития. Звуковой язык, являясь очень эмоциональным, характеризуется большой выразительностью. Чем больше размышляешь над природой междометия, тем больше склоняешься к мысли о том, что оно непосредственно восходит, хотя и через различные промежуточные явления, к первоначальному синкретическому знаку, в котором сливались воедино голос, мимика и жесты. Кроме того, создается впечатление, что русское междометие дальше удалено от своего прародителя, чем, например, французское.

<...> Мы показали, что в отличие от слова междометие лишено концептуальной значимости. Что касается фразы, мы определяем ее как единицу обмена в диалоге. Впрочем, только восклицания способны выполнять эту функцию. Но они представляют собой фразы особого рода — фразы-сигналы, лишенные концептуальной материи.

IV

Перейдем к рассмотрению функционирования ономапопей. Любой знак может быть процитирован, т. е. включен в бессоюзную структуру, которую называют «прямой речью». Это весьма ограниченное употребление, на которое только и могут рассчитывать звукоподражания. Примеры: «Кошка издает: мурмур», «Вдруг я услышал: бах!». По поводу второй фразы можно заметить, что она не является прямой речью, и это действительно так. В связи с этим нам придется совершить краткий экскурс в область бессоюзной связи, которая находится за пределами синтаксиса и олицетворяет собой очень архаичное состояние языка, в котором еще не существовало различия между сочинением и подчинением.

Существует три типа бессоюзных структур, но здесь речь пойдет только об одной из них. К фразам, которые мы приводили и которые дают наглядное представление об этой структуре, добавим еще две, которые мы переведем дословно с русского: «Я слышу — собака лает» и «Я вижу — собака бежит». Характерным для этого типа бессоюзной структуры является то, что она заключает констатацию двух фактов. Графически это можно было бы представить двумя концентрическими кругами. Внутренней констатацией является «собака бежит», внешней, заключающей первую — «я (ее) вижу». По этой же модели построены три другие фразы.

Следует подчеркнуть, что ономапопей могут встречаться только в таких простых структурах. То, что ономапопея не может появиться в придаточном предложении и, например, из прямой речи не может перейти в косвенную, также является весьма показательным. Косвенная речь имеет целью воспроизвести означаемое — что относится к области синонимии. А прямая речь

точно воспроизводит означаемое — что роднит ее с междометием, которое с трудом поддается разделению на означаемое и означаемое. Среди французских и русских восклицаний только *oui* и *pop*, «да» и «нет», могут встречаться в придаточных предложениях: «Он сказал, что да (нет)» — *Il dit que oui (pop)*.

Таким образом, мы считаем, что ономотопеи не образуют фразы. Встречаются, однако, случаи, которые, казалось бы, противоречат нашему утверждению.

Вот маленькая сцена, воспроизведенная однажды Ш. Балли во время нашей беседы. — Из рук служанки выскальзывает тарелка и с грохотом разбивается. Я восклицаю: *бах!* — По моему мнению, это — эллиптическая структура. Полная фраза звучала бы примерно так: «Вы только что сделали: *бах!*» Действие происходит в момент речи. Но почему же все-таки было произнесено это междометие? Если бы это была просто реакция на внешний раздражитель, мы имели бы дело с ситуацией, которую можно охарактеризовать как нулевой диалог (*zero de dialogue*) и которая представляет лишь второстепенный интерес для лингвиста. Думается, однако, что дело обстоит иначе. Это «*бах!*» адресовано собеседнику и сигнализирует о психическом состоянии, которое можно интерпретировать как «Я вам сочувствую и готов разделить ответственность за ваш проступок. Не надо слишком расстраиваться». То, что мы имеем дело с социальным планом, имеющим непосредственный выход в условный, а не спонтанный план, доказывается этой маленькой сценой, заимствованной нами из одного русского романа. Действие происходит в одном из пансионатов в Берлине: «К тому же не рассчитав свои силы, он так громко хлопнул дверью, что фрау Штобой, проходившая в этот момент по коридору, холодно произнесла: „упс!“ (*hups!*)». Ситуация заставила хозяйку пансиона произнести это «упс», чтобы сгладить неловкость квартиранта, но против своей воли она сделала это «холодным» тоном.

Кажется, новые ономотопеи не встречают какой-либо оппозиции со стороны языка. Чтобы произвести впечатление на своего собеседника, когда тот был удивлен каким-нибудь звуком или необычным криком, говорящий располагает полной свободой для его имитации, не очень заботясь о правилах фонологической системы.

V

Этот параграф посвящен анализу одной весьма необычной формы русского языка, которая, по нашему мнению, еще не получила удовлетворительного объяснения. Поскольку приводимые ниже примеры не имеют эквивалентов во французском языке, они будут переводиться дословно.

Наряду с таким междометием, как «*бух!*», близким к *vlan!* *пор!* или *рап!*, в русском языке есть «*бух!*», которое функциони-

рует в качестве предиката, естественно, в экспрессивном языке. Примеры: «Он разбежался и бух в воду!» — Il prit de l'élan et hop dans l'eau! «Он схватил камень и бух его в реку!» — Il saisit une pierre et la vlan dans la rivière!, или еще пословица: «Не посмотрев в святцы, да бух в колокол!» — Sans avoir consulté le calendrier il fit le carillon, дословно: Il frappa dans la cloche, но это frappa сопровождается все тем же «бух!»

Эту форму называют «глагольным междометием». Нам кажется, что ей лучше подходит название «междометный глагол».

В приведенных примерах предикат употребляется в значении то переходного, то непереходного глагола, в перфекте, соответствующем претериту. Характерным для него является прежде всего то, что он выражает ультрабыстрое действие, особую и экспрессивную разновидность моментального перфектного вида. Можно утверждать, что эта разновидность возникла потому, что экспрессивность моментального перфекта постепенно утрачивается. К тому же на него оказывает воздействие употребление видовой разновидности, которую мы когда-то называли «изолятив»; так, например, наряду с *толкнуть* 'толкнуть одним усилием', существует *толкануть*, который в большей мере передает прерывистый характер процесса.

Ультрабыстрое действие, которое обязательно происходит внезапно и воспринимается как неожиданное, живо интересует русский язык, который стремится выразить его различными способами. Неожиданное действие получает морфологическое выражение в междометном предикате.

Оно свойственно только глаголам, образованным от ономапей, имитирующих внезапные звуки, без указания на их длительность. Например, «бух!» > «бухать» > «бухнуть», откуда в результате новой редукции междометная форма: «бух!» Это новое «бух!» приобретает глагольные значимости: вида, времени, в ряде случаев переходности, залога. Оно уже не является больше междометием. Это — слово, знак концептуальной природы, хотя и принадлежащий экспрессивному языку.

Вот почему междометие «бух» и предикативное «бух!» не вызывают один и тот же образ. Они не ведут себя одинаково по отношению к синкретическому образу, который послужил отправным моментом в цепи преобразований. Междометие вызывает прежде всего акустический образ, остальное пребывает в латентном состоянии. Междометные предикаты близки по своим значениям глаголам «ударять», «падать», «бросать», и т. д., т. е. они вызывают кинетический образ. Это движение, этот «удар» сопровождается характерным шумом, но это факт сопутствующий, хотя и очень важный. Кинетический образ, лежащий в основе понятия «удар», отличается необычайной продуктивностью. Вспомним все эти coup de hache, coup de main, coup d'oeil, coup de jarretière, coup de glotte, coup de tête, coup d'horloge, coup de tonnerre, coup de soleil, boire un coup, tout a coup

и т. д. и т. п. В русском языке эта продуктивность особенно проявляется в области глагола.

Вот почему некоторые глаголы, не имеющие никаких деривационных связей с междометиями, образовали под действием аналогии междометные формы. Например: *толкать* > *толкнуть* > *толк!*, *хватить* > *хвать!*, *двигать* > *двинуть* > *двиг!*, *глядеть* > *глядь!* и т. д. Звукоподражательные глаголы, обозначающие крики животных, не имеют междометной формы. Поэтому следующий случай весьма поучителен. Имитация тьявканья *тяф* (или *тяв*) лежит в основе образования глаголов *тяв-к-ать/тяв-к-нуть*, откуда *тяв-к!* Это последнее образование отличается от первоначального не только наличием суффикса *-к-*, указывающего на его происхождение от глагола, но еще и тем, что оно означает уже не 'тявкать', а 'кусать' или 'цапать': «Собака тьяв его за ногу!» Еще один любопытный случай. Немецкому выражению *Ich sprucke drauf!* в русском языке соответствует «Мне на это наплевать!» и «Я тьфу на это!». Глаголы *плевать* и *плюнуть* не восходят к междометию, хотя и имеют звукоподражательную природу. Они не имеют также и междометной формы. Вместе с тем, междометие *тьфу!*, имитирующее действие, не послужило основой для образования глагола. Впрочем, при сравнении двух фраз создается впечатление, что это *тьфу!* ведет себя так, словно оно образовано от глагола *плевать*,³ кроме того, оно имеет то же управление. Можно сказать, что в данном случае тождество означаемых предпочтено расхождению между означающими. Таким образом, речь здесь может идти о синонимии.

Тенденция к дифференциации двух знаков проявляется также в том, что предикативные образования не употребляются с целью «цитирования», которое остается особой функцией, присущей только ономотопеям. Нашему утверждению не противоречит и следующая фраза Л. Толстого: «Вдруг слышат — грох в колокол у дверей». Эта бессоюзная структура подразумевает субъект: *Кто-то грох...*

Рассмотренные нами знаки являются словами, особыми видовыми глагольными формами. Эти формы принадлежат как грамматике, так и словарю, что свойственно виду вообще. Как элементы словаря эти знаки группируются вокруг немногочисленных стержневых слов, главным содержанием которых является понятие «удар». Поэтому они легко вступают в синонимические и омонимические отношения, чего нельзя сказать об обычных ономотопеях.

VI

Мы убедились, что ономотопеи, не став словами, не являются в то же время и фразами. Действительно, трудно представить себе ситуацию во время диалога, когда один из собесед-

ников обращается к другому *ку-ка-ре-ку!* Мы достаточно подробно останавливались на *бух!* и *упс!*, чтобы снова к ним возвращаться. В качестве фраз, лишенных, естественно, концептуального содержания, могут функционировать только восклицания, такова их роль в языке.

Фраза есть функция диалога. Диалог возможен только при наличии двух собеседников. Истина слишком банальная. Возможно по этой причине этот факт часто не принимается во внимание лингвистами. Пока еще не существует общей теории диалога. Немногие проводят различие между фразой и предложением и предвидят проблемы, которые вытекают из этого различия. Нам уже приходилось писать на эту тему,⁴ но наши прежние идеи нуждаются в пересмотре, однако сейчас не время заниматься этим. Тем не менее для того, чтобы определить место восклицания в системе языка, мы должны сказать несколько слов о диалоге и фразе, ограничившись общими соображениями.

Не следует забывать, что фраза является звуковой единицей. Признаки не-звукового порядка явно недостаточны для того, чтобы ее рассматривать как грамматическую или лексическую единицу. Она — единица обмена в диалоге. Диалог же — это своего рода поединок, словесная дуэль между двумя его участниками. В конечном счете, здесь мы имеем дело со столкновением двух характеров, и в основе фразы лежит не столько «коммуникация», как думал К. Сведелиус,⁵ сколько интенция, восходящая к первоначальному волевому акту. В грамматическом плане интенция стремится оформиться в «предикат». Но поскольку существует несколько типов фраз, нет единого определения предиката.

В словесном поединке, который представляет собой диалог, участник *A* является «атакующим», ему-то и принадлежит инициатива. Его партнеру остается только отвечать на выпады, объектом которых он является. Среди этих выпадов на первом месте стоит вопрос, вопросительная фраза. Она характеризуется незаконченной, напряженной интонацией, что передает некоторое беспокойство перед неведомым, неизвестным, которое призван рассеять партнер. На долю участника *B* остается, по сути дела, только фраза-ответ. Но являясь функцией вопроса, который она дополняет и завершает, фраза-ответ принадлежит речи. На вопрос *Qu'est-ce que c'est que la baleine?* (Кто такой кит?), спонтанный ответ будет *Un animal* (Животное), произнесенный с интонацией разрядки. А человек из народа ответил бы, скорее всего, повторив вопрос: *La baleine, c'est un animal* (по-русски «Кит — зверь такой»). Таким образом, мы приходим к высказыванию.

С фонологической точки зрения вопросительная фраза противопоставляется не фразе-ответу, а фразе-высказыванию. Интонация последней объединяет и напряжения вопроса, и разрядку, свойственную ответу. Тем самым преодолевается диалектиче-

ским путем то, что разделяет и противопоставляет двух участников диалога. С тех пор и тот и другой могут пользоваться одной и той же фразой, а диалог принимает форму обмена высказываниями.

Обе фразы принадлежат языку. В вопросах могут использоваться средства не-звукового порядка: инверсия, частицы, игноративно-вопросительное местоимение⁶ и т. д. Но эти средства могут и не использоваться. То, что всегда сохраняется, так это интонация. Все эти средства отсутствуют в высказывании. Это свидетельствует о том, что оба типа фраз представляют собой звуковые единства, которые различаются только интонацией.

Переходя к волеизъявительным, а также к восклицательным фразам, мы покидаем почву языка. Характерным для этих двух типов звуковых единств является экспрессивный тон. Впрочем, экспрессивный тон — явление естественное, которым можно управлять по своему усмотрению, но он не пользуется вниманием со стороны фонологии.

Волеизъявительные фразы принадлежат «активному» языку. Здесь, собственно говоря, имеется только один участник диалога. Можно ли в самом деле рассматривать в качестве «собеседника» лицо, к которому обращаются с приказанием? Средства не-звукового порядка волеизъявительных фраз являются совершенно недостаточными. В сфере глагола с императивом конкурируют инфинитив, будущее время, даже настоящее. В русском языке к ним добавляется прошедшее законченное. В сфере имени вокатив все больше уступает место простому обращению, явлению звукового порядка, совпадающего со вставкой и относящегося к внутренней фонологии фразы.

Наряду с собственно диалогом следует различать две особые ситуации. Одну из них можно назвать ложным диалогом, а другой мы уже дали название нулевой диалог.

Мы имеем дело с ложным диалогом, когда обращаемся, говоря языком лингвистики, к *minus habens*: животному, младенцу, даже иностранцу, плохо владеющему нашим родным языком. Чтобы приспособиться к языковому уровню партнера, мы иногда прибегаем к искажению своего собственного языка. Мать, которая, подражая бормотанию грудного ребенка, обращается к нему «а-гу!», не далека от мысли, что она «беседует» с ним. Произнося «ко-ко-ко...!», простые люди готовы вообразить, что таким образом они разговаривают с курами. Обращаясь к животным, часто прибегают к ономотопеям. Однако в подобных случаях мы выходим за рамки человеческого языка и не можем считать эти ономотопеи «фразами». Отметим, тем не менее, что крики, с которыми обращаются к животным, по своей природе являются «волеизъявлениями»: побудительные или запретительные команды, обращения — это сближает позицию говорящего субъекта с позицией автора волеизъявительной фразы. Послед-

ний часто находится на периферии диалога, в непосредственной близости от ложного диалога.

Участники диалога могут меняться ролями. Участник *B* может стать инициатором, это происходит в парном сочетании реплик, простейший случай которого представлен *heißt*? А участник *A* становится «реактивным» только в нулевом диалоге, когда он реагирует на внешнее возбуждение каким-нибудь восклицанием, не адресуя его никому.

Восклицания следует рассматривать как не-концептуальные субституты обычных фраз.

Вопросительная фраза представлена *heißt*? или в русском языке «а?», «неужели», «разве», и «что...?» Напротив, «да» и «нет» представляют не-вопросительную фразу. Но больше всего не-концептуальных репрезентативов имеют волензъявительные фразы. Все восклицания партнера *A* за исключением, естественно, относящихся к нулевому диалогу — это побуждения: *he!*, *pst!*, *allo!*, *halte!*, по-русски «эй!», «ни-ни!», «на!», «ну!» и т. д. Два последних восклицания языковое чутье приравнивает к императиву: они получают во множественном числе его показатели и могут сопровождаться частицей «-ка», которая употребляется только с императивом (ср. нем. *mal*): «нате!», «нуте!», «натек-ка!», «ну-ка!» и т. д. Остальные восклицания следует рассматривать как субституты неспецифических восклицательных фраз.

Вообще восклицания подразделяются на реактивные и инситуативные, побудительные. Первые используются собеседником *B* в случае, когда имеет место реакция собеседника *A* на внешние раздражители (нулевой диалог). Вторые являются достоянием собеседника *A* за исключением парного сочетания реплик, когда партнер *B* также переходит в наступление. Но самое важное состоит в том, что собеседник *B* имеет в своем распоряжении почти все восклицания своего партнера, особенно входящие концептуальную восклицательную фразу.

Чаще всего восклицания употребляются не в качестве автономных единиц обмена, а для введения концептуальной фразы: «Ах, какой молодец!, Ах, какой негодяй!». Соотношение между восклицанием и фразой является двусторонним. С одной стороны, восклицание служит средством экспликации фразы в концептуальном языке. Обе фразы могут быть произнесены абсолютно идентичным тоном, в таком случае только слова «молодец» и «негодяй» указывают на то, что речь идет о двух диаметрально противоположных суждениях. С другой стороны, «ах!» служит сигналом, свидетельствующим об отношении говорящего субъекта к тому, о чем он только что узнал. В данном случае восклицание выражает чувство удивления и ничего более. В случае автономного употребления по тону, каким произносится восклицание, можно судить, приятно это удивление или нет. В наших примерах это не существенно, поскольку остальная часть фразы говорит об этом достаточно ясно.

Предупредительные сигналы такого рода широко используются в экспрессивном языке. К ним, по нашему мнению, восходят русские сочинительные союзы *но*, *а*, *да* и *и*. Эти значки продолжают употребляться по-разному. Если они не являются автономными восклицаниями, то используются в качестве сигналов, вводящих реплики. В других случаях они функционируют как «внешние союзы», связывающие в монологе фразу с предшествующей фразой, либо являющиеся «внутренними», соединяя последующее предложение с предыдущим в рамках одной и той же фразы. В последнем случае мы имеем дело с собственно союзами.

Интересно отметить, что в восклицательной фразе русского языка часто прибегают к использованию местоимений; например, «Все-то его почитают!», «Нигде-то он не может ужиться!», «Такой дурак!», «Где-то он теперь!», «То ли еще будет!» и т. д.

VII

Рамки статьи не позволяют нам предпринять рассмотрение звуковой структуры междометий. Нам остается только привести таблицу основных восклицаний, употребляемых собеседником *В*. Достаточно беглого взгляда на эту таблицу, чтобы заметить, что они образуют систему. Основываясь на идеях покойного Н. Трубецкого, мы постарались выделить лежащие в основе этой системы дифференциации оппозиции.

Система русских восклицаний, используемых в диалоге

1. г ^м ?	г ^м —г ^м	г ^м !	г ^м ...	г ^м .	
2. и(...)	э	а	о	у	
3.	эге	ага	ого		
4. ин(...)		ан(...)			
5. ни-ни	не	на	но(...)	ну	
6.	те-те-те...	да(...)	тот о		тсс
7.	Нет.	Да.			
8. (й)их(...)	эх(...)	ах(...)	ох(...)	ух(...)	
9.	эй(...)	ай(...)	ой(...)		
10.				фу(...)	

Примечание. Знаком (...) сопровождаются восклицания, которые, как правило, служат только для введения фразы. Восклицания, функционирующие также в качестве сочинительных союзов, выделены курсивом.

1—7. Стандартные фразы-ответы собеседника *В*. 8—10. Человеческие «крики», транспонированные для введения реплик собеседника *В*.

1. Восклицания, произносимые закрытым ртом, отмечены на-зализованным г.⁷ Определение: восклицания с нулевой фонемой, поскольку их дифференцирует только тон. Их значимости (слева направо): вопрос (ср. *heip?*),⁸ подтверждение (или согласие), признательность (удовлетворение по поводу чего-либо), колебание и отказ (отрицание). Оппозиция по тону: г^м?; : г^м! (подни-

мающийся: опускающийся) — эквиолентная (следовательно качественная); г^м. . . : (г^м? г^м! г^м—г^м) (одинаковый: модифицированный) — эквиолентная; г^м? : г^м—г^м (напряжение: напряжение+разрядка) — привативная; г^м. : (г^м? г^м! г^м—г^м. . .) (отсутствие длительности: длительность) — привативная.

2. Вокалические восклицания. Значимости: уверенность: 1° «и!» успокоительное отношение, 2° «э!» успокоительное, граничащее с пренебрежением; беспокойство: 1° «о!» негодование (не скрываемая угроза), 2° «у!» страх (ощущаемая угроза); нейтральное отношение: «а!» понимание и «а» (heip) непонимание (неудавшийся акт аудирования). Аффективная фонология: «э! : и!» (пренебрежение : отсутствие пренебрежения) — привативная оппозиция; «о! : у!» активная позиция: пассивная позиция — эквиолентная оппозиция; «(и! и э!):(о! и у!)» (уверенность: беспокойство) — эквиолентная оппозиция; «а!/а?» (нейтральное): все другие (специфические) — привативная оппозиция.

3. Удвоенные вокалические восклицания, вокализованные варианты г^м—г^м.

4—5. Запретительно-увещательные восклицания. «Н» вызывает ощущение препятствия то возникающего («ан!», «ни-ни!»), то исчезающего («ин!», «на!», «ну!»).

6. Восклицания (с апикально-дентальной артикуляцией), заключающие диалог: «те-те-те. . .» (пренебрежительно) обесценивают речь собеседника; восклицанием «тотэ» (угрожающе) говорящий субъект, в парном сочетании реплик,⁹ обнаруживает превосходство над позицией, занятой по отношению к нему собеседником, чтобы сохранить за собой последнее слово; «тсс!» (нейтральное) прерывает диалог (приостановление акта фонации партнера); «да(. . .)!» (амбвивалентное) сигнализирует о нетерпении, испытываемом либо в ожидании речи собеседника, либо в связи с паузой. Оппозиция: «тсс! : все другие» (нейтральное: специальные) — привативная оппозиция; «да»(. . .)! : те-те-те. . . и тотэ» (амбвивалентность : дифференциация) — привативная оппозиция; «те-те-те. . . : тотэ» (пренебрежение : угроза) — эквиолентная оппозиция.

7. Восклицания на ступени нуля, лишённые какого-либо экспрессивного тона. Предельный случай восклицания. «Да : Нет» (подтверждение : отрицание) — эквиолентная оппозиция.

Н. В. Сочинительные союзы сохраняют, хотя и в ослабленной форме, значимость соответствующих восклицаний: «но» — полное противопоставление; «а» — простое несоответствие; «да» (амбвивалентное) — частичное сокращение (в парном сочетании реплик) или простое добавление; «и» — отсутствие противопоставления (непрерывность, даже последовательность).

Подобно тому, как интонация образует фразу, тон создает восклицание. Вот почему экспрессивная значимость тембра

гласных может быть в любой момент радикально изменена тоном. Это приводит к нейтрализации ряда оппозиций.

Примечания

¹ Не говоря об огромном количестве экспрессивных слов, относящихся к различным частям речи, в которых в качестве экспрессивного средства используется *ф*, поскольку он воспринимается как звук, имеющий «иностранное происхождение».

² См. прекрасную работу Л. Брэн-Лалуара «Междометие, язык и речь» (Brun-Lalou L. Interjection, langage et parole // Revue de philologie française. 1930. Vol. XLII).

³ Отметим, что «тьфу» имеет не перфектное значение, а значение настоящего времени.

⁴ См. работы автора «О фонологии фразы» (Sur la phonologie de la phrase // Travaux de Cercle linguistique de Prague. Prague, 1931. Vol. IV. и «Фраза и предложение» (Phrase et proposition // Melanges J. van Ginneken. Paris, 1937).

⁵ Svedelius K. L'analyse du langage appliquee a la langue française. Uppsala, 1897.

⁶ Игноративное местоимение (местоимение серии К) употребляется в русском языке в различных функциях: оно может быть вопросительным, восклицательным, неопределенным, отрицательным, относительным или анафорическим. В этом проявляется различное отношение говорящего субъекта к «неизвестному», на которое указывает это местоимение.

⁷ По предложению Н. С. Трубецкого, содержащемуся в его письме автору в 1938 г.

⁸ Мы рассматриваем *heip*, а также рус. «а»? как два различных способа вокализации г^м?

⁹ В парном сочетании реплик имеет место совмещение функции собеседника А с функцией собеседника В.

Р. Якобсон

ИТОГИ ДЕВЯТОГО КОНГРЕССА ЛИНГВИСТОВ*

⟨...⟩ В сороковые годы, когда для лингвистики была характерна разобщенность научных школ, Джулиано Бонфанте затратил много усилий, пытаясь выработать своего рода *lingua franca* — общий научный язык для итальянских и американских лингвистов. С тех пор и сам Бонфанте и его американские оппоненты проделали большой путь развития, и создание такого общего языка стало вполне реальным. Программа, которую изложил Бонфанте, прекрасно согласуется с тенденцией к интеграции в нашей науке, проявившейся на этом конгрессе. В частности, такие его положения, как: «крочеанская, или эстетическая, теория языка, могут и должны быть объединены со структуральной теорией» или «особое внимание должно уделяться „периферийным“ зонам языка — сленгу, жаргону, аффективным и экспрессивным словам, детскому языку, оноματοпоэтическим явлениям, междометиям», — соответствуют тому интенсивному ин-

* Отрывок взят из кн.: Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 577—588. Авторизованный перевод рукописи был любезно предоставлен издательству «Прогресс» автором.

тересу, который, как выяснилось на конгрессе, лингвисты проявляют к изучению структуры как раз всех этих «периферийных» явлений. Позвольте упомянуть некоторые из соответствующих докладов: «Аффективные знаки в языке», экспрессивная и апеллятивная фонология со специальным рассмотрением разнообразных функций тона, «Неинтеллектуальные сферы коммуникации», «Эмфаза как грамматическая категория», «Выражение эмоций в предложении», символика звуков, «Развитие грамматики в детском языке». Все эти проблемы постепенно входят в круг проблем структурного анализа языка. Крочеанское подчеркивание творческого аспекта языка поразительно совпадает с содержанием заключительного доклада на этом конгрессе, в котором утверждается: «Теория языка, которая пренебрегает „творческим“ аспектом языка, представляет только второстепенный интерес».

ДА И НЕТ В МИМИКЕ*

Так как зона распространения некоторых жестикуляционных и мимических знаков нередко охватывает более обширную область, нежели собственно речевые изоглоссы, легко возникает наивное представление об универсальности тех или иных *значимых* жестов, а также движений головы и лицевых мышц (<...>)

Русские солдаты, побывавшие в Болгарии в дни войны с Турцией 1877—1878 гг., не могли забыть поразившей их диаметральной противоположности между своими и местными движениями головы, обозначавшими «да» и «нет». Обратное распределение знаков и значений сбивало с толку собеседников и порой вело к досадным недоразумениям. Хотя собственная мимика поддается контролю в меньшей степени, чем речь, русские могли бы без особых усилий переключить знаки утверждения и отрицания на болгарский лад, но главная трудность заключалась в неуверенности болгар, к какому из двух мимических кодов, своему собственному или же местному, прибегает в каждом отдельном случае их русский собеседник.

Сопоставление двух противоположных систем утвердительной и отрицательной мимики легко вызывает новое заблуждение, а именно уверенность в чисто условном и произвольном распределении обоих семантически противопоставленных движений головы. Между тем внимательный анализ вскрывает изобразительную подоплеку — iconicity, согласно семиотической терминологии Чарльза Пирса,¹ — этих символов, казалось бы, вовсе лишенных связи по сходству между их внешней формой и значе-

* Статья напечатана на русском языке в кн.: Язык и человек. М., 1970. С. 284—289.

¹ Peirce C. S. *Speculative Grammar* // Peirce C. S. *Collected Papers*. Cambridge (Mass.), 1932. Vol. II. — Д. Эфрон (Efron D. *Gesture and Environment*. New York, 1941) пользуется термином *pictorialism*.

нием. Русская двоичная система знаков утверждения и отрицания совпадает с мимическим кодом подавляющего большинства европейских стран. Мало того, схожие знаки в той же функции вообще широко, хотя и отнюдь не повсеместно, распространены среди разнообразных народов всех частей света. Кивок головы служит здесь выражением согласия, иначе говоря, синоним речения «да» <...>

Движение головы вперед и вниз служит наглядным изображением преклонения перед требованием, желанием, предложением или мнением собеседника, оно же олицетворяет послушную готовность к утвердительному ответу на положительную постановку вопроса <...> Прямой противоположностью голове, склоненной вперед как бы в знак повиновения, должна была бы служить голова, откинутаая назад в знак несогласия, расхождения, отказа, просто-напросто отрицательной позиции. Однако такому прямолинейному противопоставлению двух движений головы препятствует нужда в настойчивой эмфатической повторности как утвердительного, так и отрицательного мимического знака; ср. речевые повторения «да, да, да!» и «нет, нет, нет!» <...> Соответственной цепью движения головы в первом случае было бы чередование «вперед—назад—вперед—назад—вперед—назад» и т. д., а во втором обратно «назад—вперед—назад—вперед—назад—вперед» и т. д., т. е. два сходных ряда; все различие между ними сводится к начальному движению вперед или назад и легко ускользает от слушателя, оставаясь за порогом его восприятия.

Семантически полярные знаки утверждения и отрицания требовали наглядно противопоставленных мимических форм. Наклонное движение при утвердительном кивке встретило четкую противоположность в горизонтально-вращательном движении головы, присущем мимическому синониму речения «нет». Внешняя форма последнего знака, построенная, несомненно, по контрасту с утвердительным движением головы, все же не лишена изобразительности. Отклонение лица в сторону от собеседника (в первой фазе, по-видимому, обычно влево) <...> как бы олицетворяет отчуждение, отказ, прекращение прямого контакта лицом к лицу.²

Если в рассмотренной системе мимических «да» и «нет» отправной точкой является знак утверждения, то в болгарском

² Открытые ладони с вытянутыми пальцами, поднятые как бы в знак отпора и обороны перед собеседником, — таков изобразительный жест, сопровождающий или заменяющий мимическое «нет» у многих народов на обоих полушариях. Кисти рук в этом жесте движутся либо вперед и назад, как бы парируя собеседника, либо из стороны в сторону, словно от него отгораживаясь, отмахиваясь, отталкиваясь. Ср. с этими двумя вариантами и по форме и по значению сходные с ними разновидности грозящего жеста: движение поднятого указательного пальца перпендикулярно линии плеч в Восточной Европе или же параллельно плечам в средневропейской области.

коде, находящем себе соответствие еще в нескольких племенных группах Балканского полуострова и Ближнего Востока, исходным пунктом служит, напротив, знак отрицания. Болгарское мимическое «нет», кажущееся на первый взгляд оптически тождественным с русским мимическим «да», при внимательном наблюдении обнаруживает существенное отличие. Русский однократный утвердительный кивок ограничивается наклонным движением головы вперед и ее возвращением к обычному вертикальному положению. В болгарской мимике однократное отрицание состоит из отбрасывания головы назад и последующего возвращения к вертикальной позиции. Однако эмфатическое усиление превращает возврат к нормальной позиции в некоторый наклон затылка в русском «да» или лба в болгарском «нет». Зачастую в силу эмфазы один и тот же мимический знак подвергается непосредственному повторению, однократному или многократному, и такая повторность, как уже было отмечено выше, более или менее смазывает разницу между русским мимическим утверждением и болгарским отрицанием.

В чистой же форме болгарского отрицания голова, закинутая назад, вдаль от собеседника, олицетворяет отход, несогласие, разминку, отвергнутое предложение, отказ от положительного ответа на заданный вопрос, тогда как болгарская мимика утверждения, поворот головы из стороны в сторону, представляет собою явно вторичную форму, производную от ее отрицательного антонима. Более пристальные наблюдения над структурой болгарского мимического «да» и ее основным, неотъемлемым ядром, вероятно, обнаружит даже и в этом зрительном знаке некоторую меру образительности (<...>). С первичным поворотом предпочтительно вправо и с каждым дальнейшим поворотом головы податель утвердительной реплики как бы подставляет, открывает свое ухо собеседнику, проявляя таким образом повышенное, благожелательное внимание к его словам. Ср. такие болгарские обороты, как «Аз съм целият в уши, давам, надавам ухо» (<...>).

С мимическими «да» и «нет» русского и преобладающего в Европе типа связано по форме и значению еще несколько других мимических знаков. Вопрос противопоставлен утвердительному кивку закинутой назад головы с выдвинутым вперед и вверх подбородком. Голова либо застывает в этом положении, либо адресант мимического вопроса слегка поводит ею в обе стороны. При этом широко открытые глаза характеризуют недоуменный вопрос, а прищуренные — поощрительную установку вопрошающего. Как уже было нами отмечено в иной связи, решающую роль здесь играет раздвинутый или же, напротив, суженный промежуток между бровями и скулами.

Изумление, как бы лишаящее способности к однозначной реплике («ни да, ни нет»), выражается покачиванием головы из стороны в сторону, обычно слева направо. Наклонное движение

роднит этот знак с мимическим «да», а направление с боку на бок — мимическим «нет» (<...>).

Необходимо подвергнуть обстоятельному разбору формальный состав и семантику различных мимических систем с выделением знаковых инвариантов внутри каждой из них. Исследованию подлежат этнологическая разверстка и географическое распространение отдельных систем, равно как и роль, отведенная им в процессах коммуникации (степень соотнесенности и иерархическая значимость жеста, мимики и слова). Языковеду следует при этом учесть чрезвычайно поучительную туземную номенклатуру привычных мимических знаков — как именную, так и глагольную.

Поставленные почти сто лет тому назад в пытливом труде Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» (1872) увлекательные вопросы о соотношении натуральности и условности в этих двигательных знаках, о бинарном, «антитетическом принципе» их построения и, наконец, о племенных вариациях и универсальных инвариантах, например, в утвердительной и отрицательной мимике,³ требуют пристального систематического рассмотрения.⁴

³ Darwin Ch. The Expression of the Emotions in Man and Animals. Chicago; London, 1965. Ch. 2. P. 11.

⁴ Приношу благодарность за ценные библиографические указания, которыми любезно снабдил меня Клод Леви-Стросс.

В. Томанович

ОБ ЭКСПРЕССИИ ЗВУКОВ*

Хотя необычайность звуковой формы слова и привлекает внимание, а звонкость и гармония звуков создают приятную импрессию у слушающего, все же представление об их природе и функции было бы неполным и неверным, если бы при исследовании экспрессивность смешивалась с необычайностью и пустой гармонией звуков, без какой-либо связи с содержанием.

Факт, что в разных языках в известной мере употребляются различные элементы фонологической экспрессии, а подчас один и тот же звук придает слову в одном случае одну, а в другом другую эмоциональную окраску, например, смягченный звук в одном случае гипокористическую, а в другом пейоративную, мог бы при поверхностном наблюдении повлиять на понимание связи между значением и звуком как произвольной и случайной и привести таким образом к недооценке ее (<...>).

* Отрывок взят из: Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences (1967). Prague, 1970. P. 911—912. (Тезисы были опубликованы на русском языке).

Мягкое мимическое выражение может, как и прилагательное «мягкое», обозначать свойство нежных объектов, нежные чувства, но также и свойство гнилых, гнойных материй в разложении, затем дряблых, худосочных живых существ и т. п., как и мимическое выражение чувства брезгливости, отвращения <...>

Вследствие их общего свойства давать непосредственное выражение фразовым музыкальным выражением охвачены и составляют с ним одно целое все музыкальные элементы (тон, тембр, динамика, ритм и темп), невзирая на то, выражают ли они чувства, волю или же исполняют какую-либо логическую функцию, и лишь тогда, когда они рассматриваются таким образом — целостно, они нам представляются в своей действительной и полной функциональной ценности.

VI. ПОЭТИКА

М. Граммон

ЗВУК КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ*

Искусство стихосложения можно определить как такое искусство, где возможно полнее выявляется значение приятных и чрезвычайно выразительных свойств звука.

Сюлли Прюдомм. Размышления об искусстве стихосложения

Стихи, содержащие звукоподражательный элемент, отмечались у поэтов во все эпохи, как такие стихи, где авторы стремились живописать известные шумы, передавать при помощи звуков встречающихся в стихе слов впечатление, создаваемое этими шумами.

Этот факт называется *подражательной гармонией* (*harmonie imitative*). Существование таких стихов, будем ли отрицать их или ими восхищаться, неоспоримо и не оспаривалось. Однако их очень мало, да и не о них мы собираемся подробно говорить (...)

«Подражательная гармония» только воспроизводит в стихе уже встречающиеся в природе шумы или вообще звуковые явления.

Сравнительно редко бывает, чтобы поэт стремился передать именно эти факты; всего чаще он излагает события, выражает свои чувства или развивает отвлеченные идеи. Каким звуком следует выразить отвлеченную мысль или чувство? Какими гласными или согласными может изобразить их поэт? Самый вопрос представляется абсурдным; на самом же деле это не так! (...)

Идею можно живописать звуками. Всякому известно, что так бывает в музыке, и поэзия, не будучи собственно музыкой, в известной, однако, мере оказывается ею, что мы увидим ниже. Гласные, это своего рода ноты.

Наш мозг постоянно создает ассоциации и делает сравнения, распределяет мысли по классам, по группам и в одной и той же группе собирает чисто интеллектуальные концепции вместе с

* Отрывок взят из кн.: Grammont M. *Le vers français* / Paris, 1913. P. 195—207. Рус. пер.: Сборники по теории поэтического языка. Поэтика / Пер. с фр. Влад. Б. Шкловского. Пг., 1916. Вып. 1. С. 51—60.

теми ощущениями, которые ему даются зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием. Отсюда следует, что самые отвлеченные идеи почти всегда ассоциируются с представлениями цвета, звука, вкуса, сухости, жесткости, мягкости. В повседневной речи говорят: <...> легкомысленные идеи; мрачные мысли, смутные, черные, серые; и наоборот: яркие мысли, светлые, блестящие; идеи широкие, узкие, возвышенные, глубокие; приятные мысли, горькие <...> говорят, что кто-нибудь предается мрачным мыслям или что ему легко на сердце. Когда говорят: мрачные мысли, то это — сравнение; очевидно, что сами по себе мысли окраски не имеют, зато это сравнение чрезвычайно ясно и понятно благодаря целому ряду ассоциаций. Высказать это сравнение, не говоря, что мы его делаем, значит — дать перевод; мы переводим восприятие интеллектуальное в зрительное восприятие <...>

Французскую фразу, переведенную на немецкий язык, мы можем перевести на русский или на другой язык таким образом, что мысль ни в чем не изменится, лишь бы перевод оказался точным. Равным образом можно перевести зрительное восприятие в слуховое.

Повседневная речь дает нам первые элементы перевода в слуховые восприятия таких восприятий, которые даны нам другими чувствами. В ней различаются звуки: ясные, острые, резкие, сухие, мягкие, тихие, неприятные, суровые и т. д. Очевидно, что серьезную мысль можно передать степенными звуками, мысль приятную — тихими звуками, т. е. для того, чтобы дать искомое впечатление, поэт может собирать в своих стихах слова, содержащие то мерные звуки, то тихие или еще какие-нибудь другие. Повторение гласных известно под именем *ассонанса*, а повторение согласных называется *аллитерацией*.

Не наше дело строить теорию, указывающую поэтам, что они могли бы делать; мы просто хотим изучать то, что они уже сделали <...>

Достаточно рассмотреть страницу какого-либо поэта, чтобы заметить в ней кроме стихов, которые давно приводились в качестве примеров «подражательной гармонии» (*harmonie imitative*), множество аллитераций и ассонансов.

<...> во избежание упрека в том, что мы приписываем данному звуку данную выразительность, данное значение, по той причине, что он встречается несколько раз в стихе, содержащем идею, к которой подходило бы это значение, мы не станем брать стихи за отправную точку в нашем доказательстве; мы ими кончим. Мы докажем выразительную силу звуков при посредстве соображений, далеких от тех стихов, в которых эти звуки могут встречаться, и относящихся к самой природе этих звуков; потом дойдет очередь и до стихов как примеров для иллюстрации нашей теории.

Сперва посмотрим, какую роль играют звуки в выразитель-

ных словах. Следует выделить в особую группу слова, в собственном смысле ономотопеи, т. е. подражания, или более или менее точные воспроизведения существующих в природе шумов, криков.

Таким оказывается имя кукушки (coucou), которое близко передает крик этой птицы; coasser (квакать) означает крик лягушки и приблизительно повторяет его; cri-cri — известное прозвище сверчка, подражает издаваемому им звуку; glouglou (бульканье) означает звук жидкости, неравномерно вытекающей из горлышка бутылки; это же слово означает крик индюка, который очень отличается от шума, производимого вытекающей жидкостью, откуда ясно видно, что эти звукоподражания, как ни кажутся они удачными, представляются только приблизительно точными; tic-tac — ономотопея <...> означающая звук, производимый качанием часового маятника <...> tic-tac — превосходная ономотопея; ведь на самом деле маятник производит своим качанием два кратких сухих звука, которые, конечно, друг от друга немного отличаются; именно эта разница и обнаруживается через модуляцию, производимую обеими гласными *i* и *a*. Чередование этих двух аналогичных слогов, одинаково начинающихся и оканчивающихся, показывает, что звук повторяется: обе очень краткие и сухие гласные «рисуют» короткий и сухой звук. Это свойство еще более усиливается двумя взрывными согласными, открывающими и закрывающими каждый слог. Итак, это — превосходная ономотопея, но это не есть точное воспроизведение тех звуков, которым она подражает <...>

Во всех словах, напоминающих скрип (фр. grincement), резкий неприятный звук (bruit aigre), имеется согласная *g* и ясная или острая гласная, как в самых словах grincer и aigre, таковы немецкие knirren (скрипеть (говорится о двери)), kritzeln — (брызгать (о пере)), царапать булавкой по стеклянной раме), knirschen (скрипеть зубами), фр. crisser (скрипеть зубами). <...>

Выразительные свойства согласных сказываются у них не менее сильно, чем у гласных; чаще всего оба разряда звуковых фактов сочетаются вместе в одном и том же слове. Глагол siffler (свистеть) благодаря двум спирантам *s* и *f* передает дуновение воздуха, причем гласная *i* показывает, что свист этот сопровождается пронзительным звуком <...>

Также немецкое ritzen = egratigner, egrailer. Название brise (северный ветер) указывает своей звонкой свистящей согласной *z* на дуновение ветра, притом резкое, пронзительное (благодаря присутствию гласной). Последние слова уже не ономотопеи, а прямо *выразительные слова*. Они уже не подражают звуку, а вызывают идею самого звука, который может быть вызван через действие того, что ими обозначается. Однако между словами-ономотопеями и просто выразительными словами не наблюдается резко проведенного различия, как нет его и между стиха-

ми, — служащими примером подражательной гармонии, и стихами просто «выразительными».

<...> Сделаем замечание, относящееся ко всем выразительным словам, притом существенно важное в занимающем нас вопросе: *звуки бывают выразительными только потенциально*. Чтобы они стали действительно выразительными, следует, чтобы смысл того слова, где они встречаются, способствовал выражению того, к чему они оказываются пригодными, и выявлял их природные свойства: *casser* (ломать) выразительно, *tasser* (сжимать) наоборот <...> *il rompt* (он ломает) — выразительно; *un tronc* (ствол дерева) — наоборот.

За дальнейшими подробностями относительно «ономатопей и выразительных слов» отсылаем к нашей статье под приведенным заглавием в журнале: "Revue des langues romanes" (1901. p. 97 ff).

Вообще говоря, все звуки в языке, гласные и согласные, могут приобретать выразительное значение, когда тому способствует самый смысл того слова, где они встречаются; если смысл слова в этом отношении содействия не оказывает, звуки остаются невыразительными. Очевидно, что если в стихе имеется скопление известных звуковых явлений, то последние, смотря по выражаемой им идее, станут выразительными, либо наоборот. Один и тот же звук может служить для выражения довольно далеких друг от друга идей или только содействовать их выражению, не выходя, однако, за известные грани, поставленные ему его собственной природой. Нет такой идеи, как бы она ни была проста, которая не оказывалась бы сложного содержания, и мы видели выше, что ее отдельные элементы и оттенки могут быть выражены встречей и взаимодействием различных звуков; также, очевидно, обстоит дело и в стихе, т. е. всегда имеются в «выразительном» стихе разнообразные элементы, которые и играют существенную роль в его выразительности.

Р. Якобсон

ЛИНГВИСТИКА И ПОЭТИКА*

Между научными и политическими конференциями нет, к счастью, ничего общего. Успех политического собрания зависит от согласия между его участниками или, по крайней мере, между большинством из них. Что же касается научной дискуссии, то здесь не используется ни вето, ни голосование, а разногласия, по-видимому, оказываются здесь более продуктивными, чем все-

* Отрывок взят из ст.: Jakobson R. *Linguistics and Poetics // Style in Language* / Th. Sebeok (Ed). Cambridge (Mass.), 1960. Рус. пер.: Структурализм: «за» и «против» / Пер. с англ. И. А. Мельчука. М., 1975. С. 193, 223, 224.

общее согласие. Разногласия вскрывают антиномии и точки наибольшего напряжения в пределах рассматриваемой области и тем самым ведут к новым исследованиям. Подобного рода научные встречи можно сравнить не с политическими конференциями, а с исследовательскими работами в Антарктике, когда специалисты по различным наукам, собравшиеся из разных стран, пытаются нанести на карты неизвестный район и выяснить, где же лежат самые серьезные препятствия для исследователя — непреодолимые пики и пропасти. Аналогичная цель была по-видимому, главной задачей нашей конференции, и в этом отношении ее работу следует признать вполне удачной. Разве мы не осознали, какие проблемы являются наиболее важными и вместе с тем наиболее спорными? Разве мы не научились переходить от одного кода к другому, уточнять одни термины и отказываться от употребления других, чтобы избежать недоразумений при общении с людьми, пользующимися другими научными жаргонами? Мне кажется, что эти вопросы приобрели для всех нас большую ясность, чем это было три дня назад.

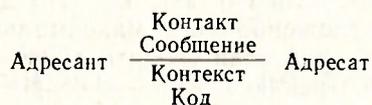
Мне предложили выступить и подытожить все сказанное здесь об отношениях между поэтикой и лингвистикой. Основным вопросом поэтики таков: *«Благодаря чему речевое сообщение становится произведением искусства?»* Поскольку содержанием поэтики являются *differentia specifica* словесного искусства по отношению к прочим искусствам и по отношению к прочим типам речевого поведения, поэтика должна занимать ведущее место в литературоведческих исследованиях.

Поэтика занимается проблемами речевых структур точно так же, как искусствоведение занимается структурами живописи. Так как общей наукой о речевых структурах является лингвистика, поэтику можно рассматривать как составную часть лингвистики (. . .)

Отрыв поэтики от лингвистики представляется оправданным лишь в том случае, если сфера лингвистики незаконно ограничивается — например, если считать, как это делают некоторые лингвисты, что предложение есть максимальная подлежащая анализу конструкция, или если сводить лингвистику либо к одной грамматике, либо исключительно к вопросам внешней формы без связи с семантикой, либо к инвентарю значащих средств без учета их свободного варьирования. Вегелин четко сформулировал две важнейшие связанные между собой проблемы, стоящие перед структурной лингвистикой: пересмотр гипотезы о языке как о монолитном целом и исследование взаимозависимости различных структур внутри одного языка. Несомненно, что для любого языкового коллектива, для любого говорящего единство языка существует; однако этот всеобщий код (*over-all code*) представляет собой систему взаимосвязанных субкодов. В каждом языке сосуществуют конкурирующие модели, наделенные разными функциями.

Мы, безусловно, должны согласиться с Сепиром в том, что, вообще говоря, «выражение мыслей полностью господствует в языке...»,¹ но это не означает, что лингвистика должна пренебрегать «вторичными факторами». Эмоциональные элементы речи, которые, как склонен полагать Джоос, не могут быть описаны «конечным числом абсолютных категорий», рассматриваются им как «внеязыковые элементы реального мира». Поэтому «они оказываются для нас слишком смутными, неуловимыми, переменчивыми явлениями, — заключает Джоос, — и мы отказываемся терпеть их в нашей науке».² Джоос — большой мастер редукции, исключения избыточных элементов; однако его настойчивое требование «изгнать» эмоциональные элементы из лингвистики ведет к радикальной редукции — к *reductio ad absurdum*.

Язык следует изучать во всем разнообразии его функций. Прежде чем перейти к рассмотрению поэтической функции языка, мы должны определить ее место среди других его функций. Чтобы описать эти функции, следует указать, из каких основных компонентов состоит любое речевое событие, любой акт речевого общения. *Адресант* (addresser) посылает *сообщение адресату* (addressee). Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: *контекст* (context), о котором идет речь (в другой, не вполне однозначной терминологии, «референт» = referent); контекст должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; *код* (code), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего); и наконец, *контакт* (contact) — физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию. Все эти факторы, которые являются необходимыми элементами речевой коммуникации, могут быть представлены в виде следующей схемы:

Каждому из этих шести факторов соответствует особая функция языка. Однако вряд ли можно найти речевые сообщения, выполняющие только одну из этих функций. Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей

¹ Sapir E. Language. New York, 1921.

² Joos M. Description of Language Design // Journal of the Acoustic Society of America. 1950. N 22. P. 701—708.

функции. Тем не менее, хотя установка на *референт*, ориентация на *контекст* — короче, так называемая *референтивная* (денотативная, или когнитивная) функция — является центральной задачей многих сообщений, лингвист-исследователь должен учитывать и побочные проявления прочих функций.

Так называемая *эмотивная*, или экспрессивная, функция, сосредоточенная на *адресанте*, имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций <...> Чисто эмотивный слой языка представлен междометиями. Они отличаются от средств референтивного языка как своим звуковым обликом (особые звуко сочетания или даже звуки, не встречающиеся в других словах), так и синтаксической ролью (они являются не членами, а эквивалентами предложений). «Тц-тц-тц! — сказал Мак-Гинти»; полное высказывание конандойлевского героя состоит из повторений щелкающего звука. Эмотивная функция, проявляющаяся в междометиях в чистом виде, окрашивает в известной степени все наши высказывания — на звуковом, грамматическом и лексическом уровнях. Анализируя язык с точки зрения передаваемой им информации, мы не должны ограничивать понятие информации когнитивным (познавательным-логическим) аспектом языка. Когда человек пользуется экспрессивными элементами, чтобы выразить гнев или иронию, он, безусловно, передает информацию. Очевидно, что подобное речевое поведение нельзя сопоставлять с такой несемантической деятельностью, как, например, процесс поглощения пищи <...> Тезис С. Сапорты о том, что эмотивные различия являются внеязыковыми и «характеризуют способ передачи сообщения, а не само сообщение», произвольно уменьшает информационную емкость сообщения.

Рифма — это всего лишь частное, хотя и наиболее концентрированное проявление гораздо более общей, мы бы сказали даже фундаментальной, особенности поэзии, а именно *параллелизма*. И здесь Гопкинс в своей студенческой работе 1865 года демонстрирует удивительное проникновение в сущность поэзии:

«Что касается искусственных приемов в поэзии (возможно, мы не ошибемся, если скажем — всех приемов), то они сводятся к принципу параллелизма. Структура поэзии основана на непрерывном параллелизме <...>

Со структурой стиха связан отчетливо выраженный параллелизм, проявляющийся в ритме (повторяемость определенных последовательностей слогов), размерах (повторяемость определенных последовательностей ритма), аллитерациях, ассонансах и рифмах. В силу этой повторяемости порождается соответствующая повторяемость, или параллелизм, в словах или мыслях» <...>

Короче говоря, эквивалентность в области звучания, спроецированная на последовательность в качестве конституирующего принципа, неизбежно влечет за собой семантическую эквивалентность <...>

В последовательности, где сходство накладывается на смежность, две сходные последовательности фонем, стоящие рядом друг с другом, имеют тенденцию к приобретению паронимической функции. Слова, сходные по звучанию, сближаются и по звучанию. (<...> в первой строке заключительной строфы «Ворона» Эдгара По широко используются повторяющиеся аллитерации, что отметил Валери,³ однако «преобладающий эффект» этой строки и вообще всей строфы объясняется прежде всего силой поэтических этимологий.

And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
And the lamp-light o'er his streaming throws his shadow on the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted — nevermore.

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижимом взлете, словно демон тьмы в дремоте,
И под люстрой в позолоте на полу он тень простер,
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.
Никогда, о nevermore!

(Перевод М. Зенкевича.)

«Бледный бюст Паллады» — The pallid bust of Pallas — в силу «звуковой» паронимии /ræləd/ — /ræləs/ превращается в одно органическое целое (аналогично чеканной строке Шелли — Sculptured on alabaster obelisk /sk. ɪp./ — /l. b. st./ — /b. l. sk/ «Изваянный на алебастровом обелиске»). Оба сопоставляемых слова были уже как бы сплавлены раньше — в другом эпитете того же самого бюста — placid /plæsid/ «спокойный, безмятежный», который выступает как своеобразная поэтическая контаминация. Связь между сидящим Вороном и местом, на котором он сидит, также закрепляется посредством паронимии bird or beast upon the... bust «птица или зверь на... бюсте». Птица «с бюста бледного Паллады не слетает с этих пор»: несмотря на заклинания влюбленного — take thy form from off my door! «Прочь лети в ночной простор!» — Ворон прикован к месту словами just above /ʒʌst əbʌv/, которые сливаются в bust /bʌst/.

Зловещий гость поселился навечно, и это выражено цепью остроумных паронимасий, частично инверсивных, чего и следует ожидать от такого сознательного экспериментатора в области регрессивного, предвосхищающего modus operandi, такого мастера «писать назад», как Эдгар Аллен По. В первой строке рассматриваемой строфы слово raven «ворон», смежное с мрачным словом-рефреном never «никогда», выступает как зеркальный образ этого последнего /n. v. r/ — /r. v. n/. Яркие паронимии связывают оба символа бесконечного отчаяния: с одной сторо-

³ Valéry P. The Art of Poetry // Bollingen Series. 45. New York, 1958.

ны, the Raven, never flitting в начале последней строфы, с другой — shadow that lies floating on the floor и shall be lifted — nevermore в последних строках этой строфы: /nævər flitiŋ/ — /flotiŋ/ ... /flɔr/ ... /liftəd nəvərmɔr/. Аллитерации, которые поразили Валери, образуют параномастическую цепочку: /sti.../ — /sit.../ — /sti.../ — /sit.../. Инвариантность этой группы особенно подчеркивается варьированием ее порядка. Оба световых эффекта chiaroscuro — «горящие глаза» черной птицы и свет лампы, отбрасывающий «тени на полу», усиливающие мрачный характер всей картины, также связаны яркими параномасиями: /ɔldə simiŋ/ ... /dimənz/ ... /is drimiŋ/ — /ɔrɪm strimiŋ/ «Тень, лежащая [на полу]» /laɪz/ и «глаза Ворона» /aɪz/ образуют впечатляющую эхо-рифму (хотя и оказавшуюся на неожиданном месте) <...>

В поэзии любое явное сходство звучания рассматривается с точки зрения сходства и/или несходства значения. Однако обращенный к поэтам призыв А. Попа: «Звук должен казаться эхом смысла» — имеет более широкое применение. В референтивном (коммуникативном) языке связь между означающим и означаемым основывается главным образом на их кодифицированной смежности, что часто обозначают сбивающим с толку выражением «произвольность словесного знака». Важность связи «звучание — значение» вытекает из наложения сходства на смежность. Звуковой символизм — это, несомненно, объективное отношение, опирающееся на реальную связь между различными внешними чувствами, в частности между зрением и слухом. Если результаты, полученные в этой области, бывали иногда путаными или спорными, то это объясняется прежде всего недостаточным вниманием к методам психологического и/или лингвистического исследования. Что касается лингвистической стороны дела, то картина нередко искажалась тем, что игнорировался фонологический аспект звуков речи, или же тем, что исследователь — всегда впустую! — оперировал сложными фонологическими единицами, а не их минимальными компонентами. Однако если, рассматривая, например, такие фонологические оппозиции, как «низкая тональность/высокая тональность» (grave/acute), мы спросим, что темнее — /i/ или /u/, некоторые из опрошенных могут ответить, что этот вопрос кажется им лишним смыслом, но вряд ли кто-нибудь скажет, что /i/ темнее, чем /u/.

Поэзия не единственная область, где ощутим звуковой символизм, но это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо и интенсивно <...> Скопление фонем определенного класса (с частотой, превышающей их среднюю частоту) или контрастирующее столкновение фонем антитетичных классов в звуковой ткани строки, строфы, целого стихотворения вы-

стует, если воспользоваться образным выражением Э. По как «подводное течение, параллельное значению». У двух противоположных по смыслу слов фонемные отношения могут соответствовать семантическим, например рус. /d'en'/ «день» и /nos/ «ночь», где в первом — высокотоновый гласный и дизянные согласные, а во втором — наоборот. Этот контраст можно усилить, окружив первое слово высокотоновыми гласными и дизянными согласными, а второе — низкотоновыми гласными; тогда звучание превращается в полное эхо смысла. Однако во фр. jour 'день' и nuit 'ночь' высокотоновый и низкотоновый гласные распределены обратным образом, так что Малларме в своих "Divagations" («Разглагольствования») обвиняет французский язык «в обманчивости и извращенности» за то, что со смыслом «день» связывается темный (низкий) тембр, а со смыслом «ночь» — светлый тембр.⁴ Уорф указывает, что, когда звуковая оболочка «слова имеет акустическое сходство с его значением, мы сразу видим это . . . Но когда происходит обратное, этого никто не замечает». Однако в поэтическом языке, и в частности во французской поэзии, при возникновении коллизии между звучанием и значением < . . . > либо стремятся фонологически уравновесить подобное противоречие и как бы приглушают «обратное» распределение вокалических признаков, окружая слово nuit низкотоновыми гласными, а слово jour — высокотоновыми, либо сознательно используют семантический сдвиг в образном представлении дня и ночи свет и темнота заменяются другими синестетическими коррелятами фонологической оппозиции «низкая тональность/высокая тональность», например, душный, жаркий день противопоставляется свежей, прохладной ночи; это допустимо, поскольку «люди, по-видимому, ассоциируют друг с другом ощущения яркого, твердого, высокого, легкого, быстрого, высокотонового, узкого и т. д. (этот ряд можно значительно продолжить), аналогично ассоциируются друг с другом, также выстраиваясь в длинный ряд, противоположные ощущения — темного, тупого, низкого, тяжелого, медленного, низкотонового, широкого и т. д.»⁵ < . . . >

Мой доклад, в котором я пытался отстоять права и обязанности лингвистики направлять исследование словесного искусства в его полном объеме и во всех его разветвлениях, можно закончить тем же выводом, которым я подытожил свой доклад на конференции 1953 года в Индианском университете: «Linguista sum; linguistici nihil a me alienum puto» («Я — лингвист, и ничто лингвистическое мне не чуждо». — Прим. ред.).⁶ Если

⁴ Mallarmé S. Divagations. Paris, 1899. P. 37.

⁵ Whorf B. L. Language, Thought and Reality. New York, 1956. P. 267 ff.

⁶ Levi-Strauss C., Jakobson R., Voegelin C. F. and Sebeok T. A. Results of the Conference of Anthropologists and Linguists. Baltimore, 1953.

поэт Рэнсом прав (а он прав!), утверждая, что «поэзия — это своеобразный язык»,⁷ то лингвист, которого интересуют любые языки, может и должен включить поэзию в сферу своих исследований. Данная конференция отчетливо показала, что то время, когда лингвисты и литературоведы игнорировали вопросы поэтики, ушло бесповоротно. В самом деле, как пишет Холлендер, «по-видимому, нет оснований для отрыва вопросов литературного характера от вопросов общелингвистических». Правда, все еще встречаются литературоведы, которые ставят под сомнение право лингвистики на охват всей сферы поэтики; однако лично я объясняю это тем, что некомпетентность некоторых фанатичных лингвистов в области поэтики ошибочно принимается за некомпетентность самой лингвистики. Однако теперь мы все четко понимаем, что как лингвист, игнорирующий поэтическую функцию языка, так и литературовед, равнодушный к лингвистическим проблемам и незнакомый с лингвистическими методами, представляют собой вопиющий анахронизм.

⁷ Ransom J. C. *The World's Body*. New York, 1938.

И. Левый

ЗНАЧЕНИЯ ФОРМЫ И ФОРМЫ ЗНАЧЕНИЯ*

Одной из очевидных причин того, что на фоне значительных успехов в описании акустики стиха имеет место явное отставание в описании семантических эффектов стиховой формы, является привычка интерпретировать «значение» стихотворной формы, исходя лишь из субъективного впечатления, без использования точной терминологии и надежных методов анализа. А надежные методы и термины вряд ли могут быть разработаны, если не попытаться хотя в какой-то мере формализовать теорию семантики стиха; иными словами, необходимо определить средствами структурного анализа некоторый конечный набор вполне определенных семантических функций стиха, который в дальнейшем, после различного рода уточнений, мог бы быть применен для описания более сложных ситуаций.

Наша попытка построения такого рода теории будет опираться на два следующих положения.

1. Рассматривается не семантическая система, а действительный процесс, происходящий во время чтения стихотворения, т. е. не сегментируется семантика как таковая, а прослеживается континуум значений, передаваемых строками стихотворения.

* Отрывок взят из: *Levy Jiri. The Meanings of Form and the Forms of Meaning // Poetics — Poetyka — Poetika. Warszawa, 1966. II. S. 45—59.* Рус. пер.: Семантика и искусствоведение. М., 1972. С. 111—149.

2. В основу анализа семантических эффектов языковой формы должен быть положен структурный анализ самого высказывания.

Замечание. Для начала мы сосредоточиваем наше внимание на априорных... (т. е. внутренне присущих) характеристиках языковых средств и не рассматриваем апостериорные, т. е. конвенциональные характеристики <...>

Главной структурной особенностью высказывания является его линейный характер: оно состоит из ряда последовательных сегментов. В этом ряду действуют следующие элементарные принципы формообразования:

1. Непрерывность или прерывность, т. е. большая или меньшая теснота связи соседних (или даже отдельных) сегментов.

2. Эквивалентность или неэквивалентность единиц, т. е. их равноценность или же преобладание некоторых из них над другими благодаря более высокой степени какого-либо физического качества, например ударности, долготы, скорости, основной частоты тона и т. п.

3. Регулярность или нерегулярность расположения неравных единиц, т. е. большая или меньшая энтропия ряда. Этот принцип распространяется и на такие специальные случаи, как повторяемость или варьирование звуков (внутренняя гармония), повторяемость или варьирование ритмических единиц и синтаксических конструкций (параллелизм и контраст) и т. п.

Каждому из трех принципов организации физического уровня соответствует определенный структурный коррелят в организации семантического уровня, поскольку «значение» также линейно, если мы рассматриваем его как процесс, т. е. как постепенное восприятие последовательности семантических сегментов.

1. Непрерывное или прерывное расположение физических сегментов находит формальную аналогию в семантической связности или несвязности, в более или менее тесной (contrast) организации контекста.

2. Преобладание одного физического сегмента над другим находит формальную аналогию в усилении (или ослаблении), наиболее обычным примером которой может служить выделение (emphasis).

Усиление и ослабление относятся к самым распространенным эффектам действия формальных литературных средств: «Фигуры подразделяются на фигуры усиления и фигуры ослабления. Фигуры усиления, такие, как повторение, скопление, гиперболы и кульминация, связывались обычно с возвышенным стилем речи» [1]. Большинство так называемых значений, приписывавшихся формальным элементам стиха, представляет собой просто усиление значения, словесно представленного в тексте. Так происходит, например, тогда, когда ритм воспринимается как подчеркивающий тему ходьбы или скачки.

3. Энтропия расположения физических сегментов находит

аналогию в неожиданности расположения семантических элементов (большая или меньшая степень предсказуемости).

Монотонность или разнообразие, являющиеся следствием «гладкости» или «грубости» ритма, стиля и т. п., относятся к проявлениям этого принципа, нередко оказываясь результатом сочетания нескольких акустических приемов (<...>)

З а м е ч а н и е. Два из трех принципов структурирования как акустического, так и семантического уровней — эмфазис и сходство/несходство (тождество/различие) элементов — сформулированы К. Ла Дриером [2] <...> Наша система отличается, однако, двумя существенными моментами.

а) Ла Дриер осуществляет логическую классификацию отношений между элементами некоторого множества, в то же время у нас описываются отношения между сегментами в линейной последовательности. Поэтому нас интересует не сходство или несходство, а предсказуемость, т. е., иначе говоря, факт сходства данного сегмента не с прочими сегментами множества, а с некоторым сегментом (или группой сегментов), появление которого можно ожидать на основании предшествующего развития ряда.

б) Ла Дриер устанавливает взаимно однозначное соответствие между принципами физической и семантической организации: выделение звука = выделение значения. Мы же стремимся показать, что, хотя оба уровня имеют изоморфную структуру, т. е. организованы по формально аналогичным принципам, в конкретных текстах эти формообразующие принципы каждого из уровней могут вступать в сложные взаимоотношения друг с другом.

Если наши соображения верны, они позволяют выдвинуть два гипотетических положения, поддающиеся проверке:

1. Междой семантическим строением и системой семантических функций языковой формы в стихе существует структурное подобие, а возможно — и гомоморфизм.

2. Акустические средства стиха сводятся к сочетанию трех основных количественных принципов, поскольку эти принципы более или менее охватывают все возможные варианты расположения элементов в последовательности. И если между двумя процессами — акустическим и семантическим — существует отношение гомоморфизма, то семантическая связность, усиление и предсказуемость (либо, соответственно, несвязность, ослабление и непредсказуемость) должны быть теми элементарными семантическими функциями, на которые могут быть разложены более сложные функции (<...>)

Большая часть «значений», определяемых обычно как звукоподражание, оказывается на деле усилением значений, уже присутствующих в тексте; таким образом, например, последовательность свистящих согласных передает «шорох шелковой шторы» (Э. По).

... Неожиданность конкретной последовательности звуков, отклоняющейся от случайного распределения, порождает эстетический эффект и может в значительной степени служить также мерой интенсивности этого эффекта: «... эвфонический эффект некоторого звука зависит не только от абсолютного числа его повторений, но также и от соотношения его частоты с типичной для него средней частотой» [4].

⟨...⟩ Более сложный характер имеют семантические функции ритма, но и тут важнейшими являются следующие.

1. Ритмические перебои (например, вследствие стыка двух ударений либо большей выделенности одного из них) обуславливают акустический и семантический разрыв между двумя смежными словами. Регулярный ритм (или ритмический параллелизм), напротив, способствует срастанию лингвистических единиц в одно целое (стих или полустих) и тем самым усиливает взаимодействие контекстуально обусловленных элементов.

2. Семантическая выделенность оказывается естественным результатом фонетического ударения ⟨...⟩

К этой же категории принадлежат кинетические «значения» ритма (например, значения галопа, утомленной ходьбы и т. п.) ⟨...⟩ которые фактически являются не чем иным, как подчеркиванием кинетических значений, содержащихся в тексте, аналогично построенной последовательностью звуков (т. е. по принципу иконического [7] знака) ⟨...⟩

3. Удовлетворение или неудовлетворение метрического ожидания вследствие регулярности или нерегулярности ритма, как известно, является одним из основных психологических эффектов ритма.

Хотя поэтика изобилует различными типами просодических приемов, все они в большей или меньшей степени основываются на различных комбинациях трех основных возможностей расположения сегментов в линейном ряду. Поэтому не удивительно, что семантические эффекты в свою очередь оказываются более или менее сводимыми к трем аналогичным элементарным функциям: 1) связность/несвязность; 2) интенсивность/отсутствие интенсивности; 3) «ожиданность»/неожиданность ⟨...⟩

В предыдущем обсуждении была набросана общая схема семантических функций формы, однако возможно, что по мере развития исследований в этом направлении триада элементарных функций окажется недостаточной либо неверной, т. е. будут найдены новые элементарные функции, а прежние получат более точное определение. Однако даже этого предварительного наброска системы достаточно для демонстрации возможности структурного анализа на семантическом уровне ⟨...⟩

Краткое описание первичных семантических функций, несомненно основными принципами количественной организации линейного ряда, по-видимому, подтверждает нашу гипотезу о гомоморфном строении стиха как физического ряда и как семантического (или субсемантического) ряда. Этот результат находится в соответствии с современной лингвистической теорией: «Утверждение, что между планом выражения и планом содержания, между означающим и означаемым наблюдается последовательный изоморфизм, принято сейчас в качестве аксиомы. Однако тут же возникает вопрос о том, исключает ли общий изоморфизм отдельные случаи асимметрии между этими плана-

ми. Об асимметрии данных планов можно говорить, во-первых, в случае, когда при сохранении одной и той же информации в плане содержания и в плане выражения возможны различные способы упорядочения этой информации; во-вторых, асимметрия может проявиться при различной значимости информации одной и той же языковой формы» [8].

В нашем случае асимметрия является правилом: это служит верным признаком того, что отношение между акустической и семантической системами является скорее не изоморфизмом, а гомоморфизмом, основанным на подобии формальных отношений между компонентами внутри каждой из систем. Нет взаимно однозначного соответствия ни а) между множеством просодических средств и принципами акустической организации, ни б) между акустическими принципами и множеством элементарных семантических функций (<...>)

Семантические значимости, которые мы анализировали до сих пор, суть результаты количественной организации акустических сегментов и являются не значениями в строгом смысле этого слова, а лишь формами значения. В большинстве случаев влияние акустики стиха на его значение осуществляется именно через посредство этих форм значения. Однако существует целый ряд случаев, когда акустическая форма, как полагают, обладает собственным «значением», не сводящимся к количественным модификациям текстового значения. Поскольку утверждения о такого типа «значениях» главным образом основываются на субъективном мнении, или в лучшем случае на результатах не вполне надежных экспериментов, мы ограничимся некоторыми замечаниями предварительного характера по поводу второго аспекта нашей семантической системы. Априорные семантические значимости обычно приписываются некоторым акустическим качествам: 1) низкой или высокой тональности гласных; 2) низкому или высокому основному тону речи; 3) быстрой или медленной скорости произнесения.

1. Довольно широкая концепция «значения» высоких и низких гласных была выдвинута, например, Г. Кронассером, который приписал гласным:

а) эмоциональное (т. е. суггестивное) значение: «...наряду с предметно-обусловленными элементами значений звуков имеются по крайней мере столь же сильные эмоциональные элементы. Мрачные настроения связываются с -и, -о (страх, скорбь, печаль, ужас), тогда как более радостные чувства ассоциируются с -і или -е» [9];

б) референциальное, т. е. символическое значение: «...высокие тоны (под ударением) -і- связываются с представлениями о маленьком, хрупком, тонком, остром, красивом, оживленном, быстром, светлом |+ отдаленном в пространстве и во времени, при наличии грамматического рода (только в индоевропейских и хамитских языках) — о женском и предметном и т. п. Низкие

тоны (при отсутствии ударения) -о-, -и- и более протяжное произношение ассоциируются с представлениями о большом, многочисленном, массивном, толстом, широком, глухом, неуклюжем, медлительном, мрачном | + множественном, собирательном, пространственно и временно близком, грамматически-мужском, о личностях и крупных животных. Здесь имеются в виду не только отдельные звуки, хотя они и выступают носителями значений, но и слова, в которых встречаются соответствующие звуки, причем в них определенную роль играют также согласные и прочие гласные; впрочем, возможность формулировки четких правил здесь отсутствует.

Приведенные выше ряды имеют ценность лишь приближительных схем. Символ | + означает, что ряд до вертикальной черточки действителен только для детского языка, весь же ряд в целом — для языка вообще» [9, с. 162—163].

Кронассер явно занимает максималистские позиции по вопросу о «значении» гласных: предупреждение о том, что некоторые значения не используются детьми, служит явным признаком конвенциональности таких значений. Для дальнейшего обсуждения важно отметить следующее:

а) за исключением двух последних (и крайне сомнительных) типов, все прочие, перечисленные Кронассером, имеют одинаковый логический характер: они суть крайние точки полярных оппозиций, организованных вокруг нейтрального центра: маленький ○ большой, тонкий ○ толстый, острый ○ тупой, быстрый ○ медленный и т. д.;

б) как эмоциональные, так и референциальные «значения» имеют в высшей степени оценочный характер: 'маленький', 'хрупкий', 'красивый', 'оживленный', — практически все значения, сопоставленные -i- (вплоть до вертикальной черточки), сводятся к «хорошему», «приятному», «симпатичному», между тем как семантические характеристики -и- — 'плохой', 'презренный';

в) акустические качества соотносятся не прямо с конкретными объектами, а с областями (или слоями) значений, которые в бытовой речи обозначаются как «настроения»; представляется, что эмоциональные значения здесь первичны, а все прочие перечисленные качества представляют собой их более или менее специфические проекции, в значительной степени зависящие от субъективных и контекстуальных факторов. Иными словами, имеются следующие соответствия сегментов: 1) конкретные комбинации звуков (= слова) — конкретные комбинации семантических признаков (= понятия); 2) отдельные акустические качества (высокий тон и т. п.) — отдельные семантические качества («настроения»).

2. Высокий или низкий основной тон речи — качество относительное, как правило, становящееся экспрессивным лишь на контрастном фоне или в переходных звуках. В подобных случаях

их экспрессивные оценки более или менее аналогичны оценкам соответственно высокой и низкой тональности.

3. Быстрота или медленность, помимо изобразительных функций в подчеркивании идеи медленного или быстрого движения, может означать жизнерадостность и активность в первом случае, печаль и пассивность — во втором <...>

<...> Мы расходимся с предложением Р. С. Уэллса «изучать 1) выражение и содержание в отвлечении друг от друга; 2) форму в отвлечении от субстанции; 3) язык как целое в отвлечении от экстраязыковых обстоятельств» [10]. Напротив, мы предприняли анализ той области, где форма и субстанция (или выражение и содержание) существуют в теснейшей связи, т. е. где структура значения зависит от формы выражения...

...«Значащие» акустические качества с точки зрения физики представляют собой только разные виды движения на разных уровнях скорости (частоты). Их «значения» также в значительной мере перекрывают друг друга и концентрируются главным образом вокруг следующих трех оппозиций: а) приподнятое настроение — подавленное настроение; б) движение — покой и, по-видимому, в) большой размер — малый размер, причем для всех трех оппозиций характерен отчетливо выраженный оценочный подход. Интересно сравнить эти значения с тремя факторами, при помощи которых Чарлз Осгуд и его школа описывают свою гипотетическую модель семантического пространства [11]: а) оценка (хороший — плохой, чистый — грязный и т. д.); б) интенсивность или сила (большой — малый, сильный — слабый, тяжелый — легкий, тонкий — толстый) и в) активность (быстрый — медленный, активный — пассивный, горячий — холодный). Существует заметное сходство между тремя переменными в гипотезе Осгуда и «значением» формы стиха <...>

В заключение выскажем некоторые предварительные соображения о семантике стиха, вытекающие из нашего анализа.

1. Отношения между акустическим и семантическим уровнями характеризуются не взаимно-однозначным соответствием между сегментами обеих уровней, а параллелизмом строения каждой из этих систем, взятых как целое.

2. Основная аналогия в структуре этих двух систем состоит в стратификации каждой из них на две подсистемы:

а) подсистему акустических и соответствующих им семантических качеств, существующих в виде шкалы оценок с двумя полюсами. «Значащие» акустические качества ограничиваются разными видами движений (звуковой волны) с их относительными скоростями, а соответствующие значения более или менее ограничены переменными гипотетического семантического пространства. Это и есть значения формы.

б) Подсистему качественных отношений между сегментами физического и семантического процессов в их развертывании во времени, регулируемых по крайней мере тремя принципами ли-

нейного расположения: непрерывностью (связностью)/прерывностью, эквивалентностью (отсутствием интенсивности)/иерархией, регулярностью (предсказуемостью)/нерегулярностью. Эти принципы находятся в отношении прямой пропорциональности друг к другу и являются эффективными средствами придания формы содержащемуся в тексте значению <...>

Наш анализ структурных характеристик семантических функций стиха ни в коей мере не предполагал попытки однозначно определения отношений между просодической формой и ее «значением». Дальнейший прогресс как в сегментации семантического пространства, так и в выявлении отношений между физическим и семантическим процессами возможен, на наш взгляд, на пути крупномасштабного сравнения результатов, полученных при семантическом анализе различных знаковых систем (включая сюда не только язык, но также музыку, мимику — ср. результаты «кинесики» Бердуистолла, — синестезию и т. п.). Главной целью нашего анализа было показать, что структурный анализ значения формы, приводящий к поддающимся формализации результатам, — дело вполне возможное, если он осуществляется в согласии с принципами логики и основывается на сообщении, высказанном Сюзанной Лангер: «Такова схема, или логическая форма чувствования, а музыкальная форма — тональный аналог эмоциональной жизни» [12].

Л и т е р а т у р а

1. Wellek B., Warren A. *Theory of Literature*. New York, 1956. P. 167.
2. La Drière C. *Structure, Sound and Meaning: Sound and Poetry*. New York, 1957. P. 85—108.
3. <...>
4. Mukarovsky J. *Kapitoly z ceske poetiky*. Praha, 1948. I—III. P. 57.
5. <...>
6. <...>
7. Morris Ch. *Signs, Language and Behaviour*. New York, 1946. P. 191.
8. Pjotrovskij R. G. *Zeichen und System der Sprache*. Berlin, 1961. Bd I. S. 128—129.
9. Kronasser H. *Handbuch der Semasiologie*. Heidelberg, 1952. S. 163.
10. Wells R. S. *Is a Structural Theory of Meaning Possible?* // *Proc. of the VIIIth Int. Congr. of Linguists*. Oslo, 1959. P. 658.
11. Osgood C. E., Sebeok T. A. (eds.). *Psycholinguistics*. Bloomington, 1956. P. 178.
12. Langer S. *Feeling and Form*. New York, 1953. P. 27.

К о м м е н т а р и й¹

Чешский литературовед Иржи Левый (1926—1967) известен советскому читателю прежде всего как теоретик перевода, давший комплексную семиотическую разработку проблем этой области науки...

В статье «Значения формы и формы значения» И. Левый берется за

¹ Составили И. М. Бакштейн, В. А. Бейлис, О. И. Генисаретский, С. И. Гиндин, В. С. Каменский, В. М. Петров.

ключевую проблему современного стиховедения, от решения которой зависит его дальнейшее развитие, — проблему содержательности стиховых элементов. Если большинство исследователей занимается смысловыми и жанровыми коннотациями, приобретаемыми элементами в ходе истории их употребления (предпочтение, отдаваемое в разные эпохи разным формам одного метра, «экспрессивные ореолы» метров и т. д.), то И. Левый интересуется прежде всего общими методами описания функции (содержательной роли) элементов стихотворной формы внутри отдельно взятого текста, пытается в общем виде определить отличия структуры планов выражения и содержания стихотворного текста от их структуры в нестихотворном тексте.

Наиболее сильными сторонами данной статьи представляются: а) подчеркивание того, что текст и в плане выражения, и в плане содержания представляет собой развивающийся во времени процесс; б) разделение эффектов стиховых элементов на непосредственные связи с явлениями эмоционально-понятийной сферы («значения формы», связываемые преимущественно с явлениями темпа и тона) и на различные виды подчеркивания и усиления значений, уже выраженных словесно в самом тексте («формы значения»; сюда относятся, в частности, звукоподражания и «ритмоподражания» явлениям внешнего мира); в) попытка представить любое воздействие стиховой формы на текст как комбинацию небольшого числа операторов («элементарных семантических функций»). Надо учитывать <...>, что работа Левого — пионерское исследование в трудной и перспективной области, которое ждет уточнений и развития.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО РАЗДЕЛАМ

Из истории изучения звукоизобразительности

1. Что такое фоносемантика?
2. Что понимается под звукоизобразительной системой?
3. Дайте определение звукоподражания.
4. Дайте определение звукоимитации.
5. С какими фундаментальными проблемами науки о языке связана проблема звукоизобразительности?
6. Каким было, по различным научным данным, соотношение имени и вещи для архаического мышления?
7. Расскажите об истории изучения ономастики и звукоимитации в лингвистике.
8. Укажите основные моменты, характерные для изучения звукоизобразительности в последние десятилетия.

I. Природа названия

1. Расскажите о «трех способах обозначения понятий» по В. фон Гумбольдту.
2. Расскажите о моментах, ограничивающих «произвольность» языкового знака.
3. Каковы, по Ч. Пирсу, три основных типа знаков?
4. Что такое иконический знак?
5. Отметьте характерные черты «образов» и «диаграмм» (по Ч. Пирсу).
6. Почему сосюрровский принцип «произвольности» сам является произвольным?
7. Расскажите о «знаке, мотивированном означающим» (Ш. Балли).
8. В чем сильные и слабые стороны критики Э. Бенвениста сосюрровского принципа «произвольности»?

II. Филогенез языкового знака

1. Что такое «первотворчество» (Г. Пауль)?
2. Расскажите о «звуковых жестах» (В. Вундт) и их роли в происхождении языка.
3. Расскажите о проблемах происхождения языка, «элементарного родства» и ономастики (в широком смысле) в трудах Г. Шухардта (по П. Йордану).
4. Какой видится В. Пизани роль фонетического символизма (звукоимитации)?

лизма) и звукоподражания в истории языка (и тем самым для этимологии)?

III. Онтогенез языкового знака

1. Изложите замечания В. Вундта по процессу развития речи — и в первую очередь речи ребенка.
2. В чем заключается пересмотр Э. Бейтс концепции Ч. Пирса применительно к онтогенезу знака?
3. В чем заключается пересмотр Э. Бейтс концепций Ж. Пиаже и Х. Вернера — Б. Каплана, касающихся формирования знака в онтогенезе?
4. Какова роль жеста в речевых актах раннего онтогенеза?
5. Что служит ребенку основанием для сврхгенерализаций?

IV. Звук и значение в разных языках

1. Что говорит К. Нируп о теории фонетического символизма — одной из тех, которые «пленяют ум»?
2. Расскажите об «отношении между звуком и значением».
3. Что говорит Г. Рамстедт об «ономатопоэтических словах» в алтайских языках?
4. Каковы основные идеи В. Скалички относительно «звукоподражательных выражений» (в частности, венгерских)?
5. Расскажите о «дескриптивных словах» в финском.
6. Что можно сказать о звуко-символизме в грамматике?
7. Что представляют собой «корнеобразующие морфемы» в символических словах английского языка?
8. Расскажите о замечаниях А. Росетти по поводу «употребления онома-топен».

V. Экспрессивная речь

1. Остановитесь на проблеме экспрессивных слов.
2. Что такое «импрессивная фонетика»?
3. Расскажите об «аффективном языке».
4. Что можно сказать о «периферийных» зонах языка (включающих экспрессивность слова)?
5. Остановитесь на вопросе об экспрессивности звуков.
6. Укажите основные моменты проблемы междометий.
7. Что можно сказать о семантике жеста и его выразительности?

VI. Поэтика

1. Что понимается под «подражательной гармонией» в поэзии?
2. Какова роль звуко-символизма в поэзии?
3. Расскажите о семантических эффектах звуковой формы стиха.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология. 1984 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1986.
- Аветян Э. Г. Звук и значение // Молодой научный работник. Научные исследования. № 3. Сер. обществ. наук. Ереван, 1965.
- Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. Обществ. науки. 1925. Т. 2—5.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
- Воронин С. В. Основы универсальной классификации ониматопов // Фонетика-83 / Отв. ред. Г. В. Степанов. М., 1983.
- Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1966.
- Галеев Б. М. Человек, искусство, техника. (Проблема синестезии в искусстве). Казань, 1987.
- Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи: Автореф. докт. дисс. М., 1977.
- Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. (Психолингвистические основы искусственного интеллекта). Таллинн, 1987.
- Еловков Д. И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977.
- Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.
- Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1981.
- Журковский Б. В. Идеофоны: сопоставительный анализ. М., 1968.
- Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973.
- Климов Г. А., Хайдаков С. М., Шагиров А. К. Лексические общности // Структурные общности кавказских языков / Отв. ред. Г. А. Климов. М., 1978.
- Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.
- Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
- Левицкий В. В., Кушнерик В. И., Комарницкая Л. А., Есенова Т. С., Овшиева Н. Л. Фоносемантическая общность языков // Семантическая общность национальных языковых систем / Науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж, 1986.
- Леонтьев А. А. Психолингвистика. Л., 1967.
- Мельников Г. П. Орфонимия и мотивированность знака // Проблемы мотивированности языкового знака // Отв. ред. А. П. Журавлев. Калининград, 1976.
- Пелевина Н. Ф. О семантизации звуковой стороны художественного текста // Вопросы семантики / Отв. ред. А. П. Журавлев. Л., 1976. Вып. 2.
- Перельмутер И. А. Платон // История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л., 1980.

Поливанов Е. Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Сборники по теории поэтического языка. Поэтика. Пг., 1916.

Портнов А. Н. Язык, мышление, сознание. (Психологические аспекты.) Иваново, 1988.

Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

Сорокин Ю. А., Кулешова О. Д. Тексты на ИЯ и на ПЯ с точки зрения их читателей // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1985. Вып. 709.

Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык / Ред. Д. П. Горский. М., 1957.

Стернин И. А. Заключение // Семантическая общность национальных языковых систем / Науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж, 1986.

Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954.

Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988.

Шагдаров Л. Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.

Шахнарович А. М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.

Brown R. Words and Things. Glencoe (Ill.), 1959.

Dogana F. Suono e senso. Firenze, 1983.

Erdel S. Psychophonetik. (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation.) Göttingen, 1969.

Fonagy I. Contribution to the Phylisei — Thesei Debate // Omagiu lui A. Rosetti. București, 1965.

Gonda J. Some Remarks on Onomatopoeia, Sound Symbolism and Word Formation a propos of the Theories of C. N. Maxwell // Tijdschr. v. indische taal-, land- en volkenkunde. 1940. Bd 80. S. 133—210.

Jakobson R., Waugh L. The Sound Shape of Language. Bloomington, 1979.

Jespersen O. Language. London, 1949.

Korinek J. M. Studie z oblasti onomatopoeje / Facult. philos. Univ. Carol. Prag. Prace. Praha, 1934. XXXVI.

Malkiel Y. Etymology and General Linguistics // Word. 1962. Vol. 18, N 2.

Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word Formation. München, 1969.

Origins and Evolution of Language and Speech // Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976. Vol. 280.

Peterfalvi J.-M. Recherches experimentales sur le symbolisme phonétique. Paris, 1970.

Samarin W. J. Perspective on African Ideophones // African Studies. 1965. Vol. XXIV.

Sapir E. A Study in Phonetic Symbolism // J. Experim. Psych., 1929. Vol. 12. P. 225—239.

Slobin D. Antonymic Phonetic Symbolism in Three Natural Languages // J. of Personality and Social Psychology. 1968. Vol. 10, N 3.

Ullmann S. Semantics. New York, 1962.

Voronin S. The Phonemotype: A New Linguistic Notion. (Implications for Typological Phonosemantics.) // Proceedings, XIth International Congress of Phonetic Sciences. Tallinn, 1987. Vol. 4.

Werner H., Kaplan B. Symbol Formation. New York, 1963.

Wescott R. W. Sound and Sense: Linguistic Essays on Phonosemic Subjects. Lake Bluff (Ill.), 1980.

SUMMARY

Stanislav V. Voronin

PHONOSEMANTIC IDEAS IN WESTERN LINGUISTICS

(Sketches and Excerpts)

The manual is a first attempt in presenting a collection of excerpts from writings by Western authors dealing with Onomatopoeia and Sound Symbolism, with an overview by the present author highlighting a number of important issues in linguistic iconism.

The past few years have seen the introduction, at Leningrad University and a number of other universities, of lecture courses on *Fundamentals of Phonosemantics; The Linguistic Sign: Problems of Motivation; Phonosemantic Typology; Expressivism and Phonosemantics*.

The relevant literature is largely to be found in foreign publications not readily accessible to students in this country. It was thus thought expedient to bring excerpts from some of these publications under one cover, prefixed with a brief historical outline and supplied with test questions for the students.

This book is a first step, comprising a first-ever collection of existing Russian-language translations of Western authors touching upon phonosemantic subjects (W. von Humboldt, Ch. Bally, R. Jakobson, H. Paul, W. Wundt, I. Jordan, D. Westermann, V. Skalicka, L. Bloomfield, M. Grammont, and others). Existing translations, though giving a many-sided view of these subjects, are a far cry from presenting a comprehensive picture, for they had been chiefly made to discuss problems like the nature of the linguistic sign, the origin of language, child language, expressive speech, and poetics — and not onomatopoeia and sound symbolism *per se*.

The next step would presumably be to commission and collect translations of important works on linguistic iconism *sui generis* — by O. Jespersen, E. Sapir, R. Brown, H. Marchand, R. Stopa, A. Graur, Y. Malkiel, I. Fonagy, S. Ertel, J.-M. Peterfalvi, F. Dogana, R. Wescott, J. Ohala, D. Slobin, E. Fischer-Jørgensen, R. A. W. Bladon and other scholars.

In compiling this book, the author's thanks are due to L. Herzenberg, E. Khomyakova, O. Brodovich, E. Stepanova.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Из истории изучения звукоизобразительности	5
I. ПРИРОДА НАЗВАНИЯ	
<i>В. фон Гумбольдт.</i> Звуковая система языков. Распределение звуков между понятиями	16
<i>Ш. Балли.</i> Языковой знак в его отношениях с синтагматикой	18
<i>Э. Бенвенист.</i> Природа языкового знака	24
<i>Ж. Вандриес.</i> <О «слуховом» и «зрительном» языках>	28
<i>В. Пизани.</i> <О произвольности и не-произвольности знака>	29
<i>Р. Якобсон.</i> Звук и значение	30
Выступление на I Международном симпозиуме «Знак и система языка» (Эрфурт. ГДР. 1959)	35
В поисках сущности языка	36
II. ФИЛОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	
<i>Г. Пауль.</i> Первотворчество	45
<i>В. Вундт.</i> К вопросу о происхождении языка. Звукоподражания и звуковые метафоры	58
<i>В. Пизани.</i> <О кликах и жестах. О «сакральном» и>	66
<i>Й. Йордан.</i> Гуго Шухардт	67
<i>В. Пизани.</i> Этимология	70
III. ОНТОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	
<i>В. Вундт.</i> Речь	73
<i>Э. Бейтс.</i> Интенции, конвенции и символы	75
<i>Е. Кларк.</i> Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми	87
<i>Г. Кларк, Е. Кларк.</i> Как маленькие дети употребляют свои высказывания	95
IV. ЗВУК И ЗНАЧЕНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ	
<i>Д. Вестерман.</i> Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках	98
<i>Г. И. Рамстедт.</i> Оноματοпоэтические слова <на материале алтайских языков>	107
<i>В. Скаличка.</i> Исследование венгерских звукоподражательных выражений	109
	199

<i>Л. Хакулинен.</i> Описательные слова <на материале финского языка> .	126
<i>Э. Прокош.</i> <Звукосимволизм в индоевропейском аблауте> .	131
<i>Л. Блумфилд.</i> Типы сочетаний морфем <на материале английского языка>	133
<i>А. Росетти.</i> Заметки об употреблении ономастопеи	136

V. ЭКСПРЕССИВНАЯ РЕЧЬ

<i>И. Йордан.</i> Шарль Балли	139
Морис Граммон	141
<i>К. Нироп.</i> Звук и его значение	142
<i>Ж. Вандриес.</i> Язык	146
<i>Ф. Шпехт.</i> <Аффект и «звуковые законы»>	153
<i>И. Йордан.</i> Исследования арго	154
<i>С. Карцевский.</i> Введение в изучение междометий	155
<i>Р. Якобсон.</i> Итоги Девятого конгресса лингвистов	169
Да и нет в мимике	170
<i>В. Томанович.</i> Об экспрессии звуков	173

VI. ПОЭТИКА

<i>М. Граммон.</i> Звук как средство выразительности речи	175
<i>Р. Якобсон.</i> Лингвистика и поэтика	178
<i>И. Левый.</i> Значения формы и формы значения	185
Контрольные вопросы по разделам	194
Рекомендуемая литература	196
Summary	198

Учебное издание

Воронин Станислав Васильевич

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Очерки и извлечения

Учебное пособие

Редактор *Л. А. Карпова*

Художественный редактор *В. В. Пожидаев*

Обложка художника *В. И. Меньшикова*

Технический редактор *Г. М. Матвеева*

Корректоры *Н. М. Каплинская, Т. Г. Павлова*

ИБ № 3076

Сдано в набор 12.01.90. Подписано в печать 10.05.90. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,5.
Усл. кр.-отт. 12,75. Уч.-изд. л. 13,51. Тираж 1891 экз. Заказ № 58. Цена 45 коп.
Издательство ЛГУ. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.